

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

№ 1(5) 2026

- Теоретические и методологические проблемы ономастики
- Региональные ономастические исследования
- Имя в пространстве художественного текста
- Прагматический аспект имятворчества
- Онимная периферия
- Ономастика в лицах
- События, обзоры, рецензии

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

№ 1(5) 2026

- Theoretical and methodological problems of onomastics
- Regional onomastic studies
- Name in the literary text space
- Pragmatic aspect of name creation
- Onym periphery
- Onomastics in faces
- Events and reviews

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

М.Р. Багомедов – доктор филологических наук – Махачкала, Россия; **М.Ю. Беляева** – доктор филологических наук – Славянск-на-Кубани, Россия; **В.Л. Васильев** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **Н.В. Васильева** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Борисоглебск, Россия; **В.В. Вязовская** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Дамбуев** – кандидат филологических наук – Улан-Удэ, Россия; **З.М. Дударева** – доктор филологических наук – Стерлитамак, Россия; **Г.А. Заварзина** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.М. Калинин** – доктор филологических наук – Донецк, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Меркулова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **С.А. Мызников** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **Ф. Пашаева** – доктор филологических наук – Карс, Турция; **С.А. Попов** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.А. Попова** – доктор филологических наук – Липецк, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Р.В. Разумов** – кандидат филологических наук – Ярославль, Россия; **И.Э. Ратникова** – доктор филологических наук – Минск, Республика Беларусь; **О.А. Селеменова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В.И. Супрун** – доктор филологических наук – Волгоград, Россия; **А.С. Щербак** – доктор филологических наук – Тамбов, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

M.R. Bagomedov – Doctor of Philology – Makhachkala, Russia; **M.Yu. Belyaeva** – doctor of philology – Slavyansk on the Kuban, Russia; **V.L. Vasiliev** – Doctor of Philology – Veliky Novgorod, Russia; **N.V. Vasilyeva** – doctor of philology – Moscow, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Borisoglebsk, Russia; **V.V. Vyazovskaya** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Dambuev** – PhD in philology – Ulan-Ude, Russia; **Z.M. Dudareva** – doctor of philology – Sterlitamak, Russia; **G.A. Zavarzina** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.M. Kalinkin** – doctor of philology – Donetsk, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Merkulova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **S.A. Myznikov** – Doctor of Philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **F. Pashayeva** – Doctor of Philology – Kars, Turkey; **S.A. Popov** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **E.A. Popova** – doctor of philology – Lipetsk, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **R.V. Razumov** – PhD in philology – Yaroslavl, Russia; **I.E. Ratnikova** – Doctor of Philology – Minsk, Republic of Belarus; **O.A. Selemeneva** – doctor of philology – Yelets, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V.I. Suprun** – doctor of philology – Volgograd, Russia; **A.S. Shcherbak** – Doctor of Philology, Tambov, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Теоретические и методологические проблемы ономастики	
<i>Дамбуев И.А.</i> Термины ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ, ТОПОНИМ и НАИМЕНОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА.....	7
<i>Новичихина М.Е.</i> Новые классы имен как вызов традиционной ономастической парадигме.....	14
Региональные ономастические исследования	
<i>Жаркова Т.И.</i> Годонимы как отражение исторических связей французской и русской лингвокультур.....	20
<i>Можкин К.В.</i> Прозвища на основе апеллятивов с неясной семантикой в говоре с украинской основой (на материале говора села Бурляевка Новохопёрского района).....	27
<i>Грачев М.А.</i> Нижегородские топонимы как памятник российской преступности.....	32
<i>Недоступова Л.В.</i> В пространстве воронежских деревенских неофициальных имен.....	38
<i>Мальхина Т.М., Зикеева А.А.</i> Этимологическое исследование гидронимов Курского региона (Ворожба, Густомойка, Дичня).....	46
<i>Подюков И.А.</i> Особенности промышленной топонимии Камского Приуралья (XIX – нач. XXI вв.).....	52
<i>Гапонова Ж.К.</i> Антропонимы финно-угорского происхождения в ростовских кадастрах XVII в.....	56
Имя в пространстве художественного текста	
<i>Орехов Д.А.</i> Имя реального лица в Поморских сказках С.Г. Писахова.....	63
<i>Попова Т.Г.</i> Фитонимическая лексика в тексте Лествицы Иоанна Синайского: названия деревьев и кустарников.....	67
<i>Разумкова Н.В.</i> Антропонимический фрагмент поэтической картины мира (оказиональный аспект).....	74
<i>Чечетка В.И., Лукина Л.В., Рыжков О.И.</i> Мифонимы как объект мифологического знания (на примере древнегерманского героического эпоса).....	80
<i>Петрачкова И.М.</i> Полионимичность как сюжетная формула пьесы Александра Михайловича Галина «Лицо».....	86
<i>Нагорная Е.В., Меркулова И.А.</i> Онимы в поэзии А.В. Жигулина.....	92
<i>Кормилаева А.А.</i> Имя собственное в прозаическом творчестве И.А. Бунина (на материале рассказов цикла «Темные аллеи»).....	100
<i>Попов С.А., Оськина Е.В.</i> Ономастическое пространство как нарративный и философский код в романе В. Пелевина «Чапаев и пустота».....	106
<i>Бугакова Н.Б.</i> Топонимы как средство формирования пространства (на материале повести А. Платонова «Впрок»).....	110
<i>Ковалев Г.Ф.</i> Ономастическая игра с лицами (антропонимия в анекдотах).....	116
<i>Кокова Л.Дж.</i> Об особенностях формирования гидронимов КБР в ономастическом пространстве России.....	127
<i>Калинкин В.М.</i> К поэтонимографии мифопоэтонимов и олицетворений в «Скупом рыцаре» А.С. Пушкина.....	132
Прагматический аспект имятворчества	
<i>Каксин А.Д.</i> Выбор имени для новорожденного: мотивация, предопределенность, воля случая.....	139
<i>Шиловских В.К.</i> Эргонимикон воронежской доставки.....	143
<i>Гроховская Т.В.</i> Эргонимы г. Тамбова как ресурс сохранения локальной идентичности.....	148
<i>Королёва А.С.</i> Заглавие как инструмент интерпретации текста в киноадаптации.....	153
Онимная периферия	
<i>Катермина В.В.</i> Периферийные онимы-неологизмы как отражение социокультурных явлений действительности англоязычного дискурса.....	160
<i>Галицына Е.Г.</i> Названия ПОДОРОЖНИКА БОЛЬШОГО (PLANTAGO MAJOR L.) в Удмуртском и некоторых других финно-пермских языках.....	165
<i>Данилова А.Н.</i> Парадигма строптивных эпитетов в имени богатырки в якутском Олонхо.....	172
<i>Смагина В.С., Кузьминых Е.О.</i> Креативные техники создания заголовков для новостных материалов.....	177
Ономастика в лицах	
<i>Яковлева О.И., Кайзер-Данилова Н.В.</i> Исследования академика Н.К. Фролова в области поэтической антропонимики.....	182
Правила оформления статей	192

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
<i>Theoretical and methodological problems of onomastics</i>	
<i>Dambuev I.A.</i> The terms GEOGRAPHICAL NAME, TOPONYM, and NAME OF GEOGRAPHICAL OBJECT.....	7
<i>Novichikhina M.E.</i> New classes of names as a challenge to the traditional onomastic paradigm.....	14
<i>Regional onomastic studies</i>	
<i>Zharkova T.I.</i> Godonyms as a reflection of historical connections between French and Russian linguistic cultures.....	20
<i>Mozhin K.V.</i> Appellate nicknames with unexplained semantics in Ukrainian-based patois (on the basis of the patois of Burlyayevka village in the Novokhopersky District).....	27
<i>Grachev M.A.</i> Nizhny Novgorod toponyms as a monument of Russian crime.....	32
<i>Nedostupova L.V.</i> In the space of Voronezh village unofficial names.....	38
<i>Malykhina T.M., Zikeeva A.A.</i> Etymological study of hydronyms of the Kursk region (Vorozhba, Gustomoyka, Dichnya).....	46
<i>Podyukov I.A.</i> Special aspects of the industrial toponymy of the Kama Urals (the 19 th – the beginning of the 21 st century).....	52
<i>Gaponova Zh.K.</i> Antroponyms of Finno-Ugric in Rostov cadastres of the 17 th centuries.....	56
<i>Name in the literary text space</i>	
<i>Orekhov D.A.</i> The nema of a real person in the Pomorian tales of S.G. Pisakhov.....	63
<i>Popova T.G.</i> Phytonymic vocabulary in the text of the Ladder by John Climacus: names of trees and shrubs.....	67
<i>Razumkova N.V.</i> Anthroponymic fragment of a poetic picture of the world (occasional aspect).....	74
<i>Chechetka V.I., Lukina L.V., Ryzhkov O.I.</i> Mythonyms as an object of mythological knowledge (on the example of old Germanic heroic epic).....	80
<i>Petrachkova I.M.</i> Polyonymy as a plot formula of the play by Alexander Mikhailovich Galin “The Face”.....	86
<i>Nagornaya E.V., Merkulova I.A.</i> Onimes in the poetry of A.V. Zhigulin.....	92
<i>Kormilaeva A.A.</i> Proper name in the prose of I.A. Bunin (based on the stories of the cycle “Dark alleys”).....	100
<i>Popov S.A., Oskina E.V.</i> Onomastic space as a narrative and philosophical code in Victor Pelevin’s novel “Chapayev and void”.....	106
<i>Bugakova N.B.</i> Toponyms as a means of space formation (based on A. Platonov’s novel “For the Future”).....	110
<i>Kovalyov G.F.</i> Onomastic play with faces (anthroponymy in jokes).....	116
<i>Kokova L.J.</i> About the peculiarities of the formation of CDB hydronyms in the onomastic space of Russia.....	127
<i>Kalinkin V.M.</i> For poetonimography of mythopoetonyms and personification in A.S. Pushkin’s “Dramatic Experiences”.....	132
<i>Pragmatic aspect of name creation</i>	
<i>Kaksin A.D.</i> Choosing a name for a newborn: motivation, predetermination, chance.....	139
<i>Shilovskikh V.K.</i> Ergonomicon of Voronezh delivery services.....	143
<i>Grokhovskaya T.V.</i> Ergonyms of Tambov as a Resource for preserving local identity.....	148
<i>Koroleva A.S.</i> Title as a tool for interpreting text in film adaptations.....	153
<i>Onym periphery</i>	
<i>Katermina V.V.</i> Peripheral onyms-neologisms as a reflection of sociocultural phenomena of the reality of English discourse.....	160
<i>Galitsyna E.G.</i> Names for GREATER PLANTAIN (PLANTAGO MAJOR L.) in Udmurt and some of other Finno-Permic languages.....	165
<i>Danilova A.N.</i> Paradigm of strong-minded epithets in the name of the epic heroin in Yakut Olonkh.....	172
<i>Smagina V.S., Kuzminykh E.O.</i> Creative techniques for creating news headlines.....	177
<i>Onomastics in fasec</i>	
<i>Yakovleva O.I., Kajzer-Danilova N.V.</i> Reseach by academician N.K. Frolov in the field of poetic anthroponyms.....	182
<i>Layout of the articles</i>	192

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей 1(5) выпуск научного журнала «Ономастический вестник» Воронежского государственного технического университета, который включает работы, посвященные актуальным проблемам ономастики, прозвучавшие на II Всероссийской ономастической конференции с международным участием «Воронежские ономастические чтения» 18 февраля 2026 года.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Теоретические и методологические проблемы ономастики», II – «Региональные ономастические исследования», III – «Прагматический аспект имятворчества», IV – «Имя в пространстве текста», V – «Онимная периферия», VI – «Ономастика в лицах».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 30 научных работ.

Раздел «Теоретические и методологические проблемы ономастики» включает статьи, обращающиеся к проблемам топонимической терминологии (И.А. Дамбуев), рассматривающие новые классы имен как вызов традиционной ономастической парадигме (М.Е. Новичихина).

Раздел «Региональные ономастические исследования» содержит статьи, выявляющие особенности топонимов как отражение исторических связей французской и русской лингвокультур (Т.И. Жаркова), рассматривающие прозвища на основе апеллятивов с неясной семантикой в говоре с украинской основой (на материале говора села Бурляевка Новохопёрского района) (К.В. Можин), представляющие нижегородские топонимы как памятник российской преступности (М.А. Грачев), анализирующие воронежские деревенские неофициальные имена (Л.В. Недоступова), предлагающие этимологическое исследование гидронимов Курского региона (Т.М. Малыхина, А.А. Зикеева), выявляющие специфику промышленной топонимии Камского Приуралья (XIX – нач. XXI вв.) (И.А. Подюков), рассматривающие антропонимы финно-угорского происхождения в ростовских кадастрах XVII в. (Ж.К. Гапонова)

В разделе «Имя в пространстве текста» представлены работы, рассматривающие имя реального лица в Поморских сказках С.Г. Писахова (Д.А. Орехов), имя собственное в прозаическом творчестве И.А. Бунина (А.А. Кормилаева), топонимы как средство формирования пространства (на материале повести А. Платонова «Впрок») (Н.Б. Бугакова), ономастическую игру с лицами (Г.Ф. Ковалев), анализирующие фитонимическую лексику в тексте Лествицы Иоанна Синайского (Т.Г. Попова), мифонимы как объект мифологического знания (В.И. Чететка, Л.В. Лукина, О.И. Рыжков), онимы в поэзии А.В. Жигулина (Е.В. Нагорная, И.А. Меркулова), описывающие антропонимический фрагмент поэтической картины мира (окациональный аспект) (Н.В. Разумкова), ономастическое пространство как нарративный и философский код в романе В. Пелевина «Чапаев и пустота» (С.А. Попов, Е.В. Оськина), определяющие полионимичность как сюжетную формулу пьесы Александра Михайловича Галина «Лицо» (И.М. Петрачкова), обращающиеся к особенностям формирования гидронимов КБР в ономастическом пространстве России (Л.Дж. Кокова), к поэтонимографии мифопоэтонимов и олицетворений в «Скупом рыцаре» А.С. Пушкина (В.М. Калинин).

Раздел «Прагматический аспект имятворчества» содержит работы, выявляющие специфику выбора имени для новорожденного (А.Д. Каксин), описывающие эргонимикон воронежской доставки (В.К. Шиловских), эргонимы г. Тамбова как ресурс сохранения локальной идентичности (Т.В. Гроховская), заглавие как инструмент интерпретации текста в киноадаптации (А.С. Королёва).

В разделе «Онимная периферия» представлены периферийные онимы-неологизмы как отражение социокультурных явлений действительности англоязычного дискурса (В.В. Катермина), парадигма строптивных эпитетов в имени богатырки в якутском Олонхо (А.Н. Данилова), названия *подорожника большого* (*plantago major* L.) в Удмуртском и некоторых других финно-пермских языках (Е.Г. Галицына), креативные техники создания заголовков для новостных материалов (В.С. Смагина, Е.О. Кузьминых).

В разделе «Ономастика в лицах» рассмотрены исследования академика Н.К. Фролова в области поэтической антропонимики (О.И. Яковлева, Н.В. Кайзер-Данилова).

Содержащиеся в выпуске 1(5) научные работы затрагивают проблемы современной ономастики, рассматриваемые на основе анализа разнопланового материала, что обусловлено особым положением имен собственных в языке. Данное издание может быть интересно специалистам-ономатологам, историкам, географам, преподавателям русского языка, литературы и краеведения, учителям школ, гимназий и лицеев, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем, кого интересует имя как знаменательный элемент лингвокультуры.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
PROBLEMS OF ONOMASTICS**

УДК 811.161.1'373.21

И.А. Дамбуев

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ, Российская Федерация)
e-mail: igor_dambuev@mail.ru*

**ТЕРМИНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ, ТОПОНИМ И НАИМЕНОВАНИЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА**

(*Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Функционирование монгольских языков в современном этнокультурном пространстве»))

В настоящей статье анализируются термины *географическое название*, *топоним* и *наименование географического объекта* с целью выявления общего и специфичного в их семантике и употреблении. Актуальность темы связана с необходимостью упорядочения синонимичных терминов и их адекватного употребления в текстах разных жанров. Основным используемым в работе методом является метод анализа словарных дефиниций. Материалом исследования послужили отраслевые энциклопедические, толковый, терминологический словари, научные труды, а также Глоссарий терминов для стандартизации географических названий, изданный Группой экспертов ООН по географическим названиям. Анализ общих и дифференциальных сем позволяет рассматривать данные термины как синонимичные. Общей категориальной семой у терминов является «название», или «словесное обозначение», географического объекта. Термин *топоним* выделяется дифференциальной семой «собственное имя», которая является гипонимом по отношению к семе «название». *Наименование географического объекта* обладает потенциальной дифференциальной семой «официальный». *Географическое название* следует отнести к общеупотребительной лексике. *Географическое название* может быть официальным и неофициальным, собственным и несобственным. Такая универсальность позволяет формировать на его основе специальные термины *топоним* и *наименование географического объекта*. *Топоним* – это имя собственное. *Наименование географического объекта* – это официальное географическое название. *Топоним* наиболее употребителен в лингвистической литературе, *наименование географического объекта* употребляется исключительно в нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: географическое название, топоним, наименование географического объекта, терминология, семантика, употребление.

I.A. Dambuev

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russian Federation)
e-mail: igor_dambuev@mail.ru*

**THE TERMS GEOGRAPHICAL NAME, TOPONYM, AND NAME
OF GEOGRAPHICAL OBJECT**

*(The research was carried out within the state assignment
(project «Functioning of the Mongolian languages in the modern ethnocultural space»))

This paper analyzes the terms *geographical name*, *toponym*, and *name of geographical object* in order to identify common and specific features in their semantics and usage. The relevance of the topic is related to the need to organize synonymous terms and their adequate use in texts of different genres. The main method used in the paper is the method of analyzing dictionary definitions. The research material includes encyclopedic, explanatory, terminological dictionaries, scientific papers, as well as a Glossary of Terms for the Standardization of Geographical Names, published by the UN Group of Experts on Geographical Names. The analysis of common and differential semes allows us to consider these terms as synonymous. A common categorial seme for terms is the seme «name» or «verbal designation» of a geo-

graphical feature. The term *toponym* is distinguished by the differential seme «proper name», which is a hyponym in relation to the seme «name». The term *name of geographical object* has a potential differential seme «official». The term *geographical name* should be attributed to the common vocabulary. A *geographical name* can be official or unofficial, a proper name or a common name. This versatility makes it possible to form special terms *toponym* and *name of geographical object* based on *geographical name*. *Toponym* is a proper name. *Name of geographical object* is an official geographical name. *Toponym* is most commonly used in linguistic literature, and *name of geographical object* is used exclusively in regulatory legal acts.

Key words: geographical name, toponym, name of geographical object, terminology, semantics, usage.

В отечественной и зарубежной литературе, посвященной разным аспектам изучения географических названий, широко используются разные обозначающие их термины и терминологические словосочетания. Часто они употребляются как синонимичные (на что имеются веские основания), чередуясь во избежание повторений однокоренных слов. Наиболее распространенными являются, на наш взгляд, термины *географическое название* (geographical name) и *топоним* (toponym). В последние десятилетия в России появился и стал активно использоваться также термин *наименование географического объекта*. Употребление и восприятие данных терминов не представляет затруднений для опытного исследователя и искушенного читателя, однако для непосвященного в топонимическую проблематику человека может показаться необычным наличие нескольких терминов, обозначающих в принципе одно и то же. Цель данной статьи – уточнить значение перечисленных терминов, выявляя общее и специфичное в их семантике и употреблении. Актуальность данной работы диктуется как необходимостью адекватного ситуации употребления терминов, так и важностью упорядочения и развития ономастической терминологии. Основным методом исследования является метод анализа словарных дефиниций.

Первым термином, с которым сталкивается человек при знакомстве с названиями городов и сел, рек и озер, гор и равнин и т.д., является *географическое название*. Этот термин понятен сам по себе и является наиболее употребительным в разных ситуациях общения. Сложно найти дефиницию данного термина, и все же в «Глоссарии терминов для стандартизации географических названий», изданном Группой экспертов ООН по географическим названиям (ГЭГНООН), географическое название определяется как «название, относящееся к объекту на Земле, в частности топографическое название или топоним» [Glossary 2002 : 139]. Первая часть определения, а именно «название, относящееся к объекту на Земле», является основным, которое раскрывает содержание понятия данного термина, так как топографическое название и тем более топоним являются в данном издании вторичными, поскольку определяются через географическое название. Значение термина *географическое название* содержит, таким образом, классему «название», которая, в свою очередь, определяется как «словесное обозначение предмета, явления, понятия» [БТС 2000 : 581], а также семы «объект» и «на Земле». В данном определении важным понятием является понятие объекта, которое остается нераскрытым. В связи с этим сложно сразу определить, можно ли отнести к географическим названиям, например, название морского течения или урагана. Только дополнительный анализ связанных статей позволяет определить, что речь идет об объекте топографическом=географическом, к которому не относятся в строгом смысле ни морское течение, ни ураган. Следующим важным моментом является то, что географическим названием может быть лишь название земного объекта. Получается, что названия внеземных объектов, в частности, названия гор, кратеров, морей на Луне уже не могут обозначаться термином географическое название. Такие объекты на других небесных телах называются специальным международным ономастическим термином – *астротопонимами* [Подольская 1988 : 41], а на Луне – *селенонимами* [Подольская 1988 : 115].

В отечественной литературе по географии, по топонимике термин географическое название не определяется, но очевидно, что под ним понимается название географического объекта. Под географическим же объектом понимается «естественное или созданное человеком целостное и относительно стационарное образование в пределах географической обо-

лочки, характеризующееся определенным географическим положением и участием в формировании и функционировании геосистем (или в их изменении)» [ГЭС 1988 : 54]. Данное определение существенно проясняет понятие географического объекта, выделяя такие важные его характеристики, как целостность, стационарность, наличие географического положения, а также природу – естественную или искусственную. Учитывая теоретическую возможность давать названия любым природным и искусственным объектам и явлениям, следует быть внимательным к отнесению их к географическим названиям. Например, какой-то памятный и редкий дождь в засушливой местности или сильное землетрясение, получившие название, не могут быть по определению географическими названиями, так как не являются географическими объектами. Названия уже известных ураганов (например, «*Катрина*», «*Мария*» и др.) или ветров (*баргузин*, *култук* и др.) также не являются географическими названиями, так как их нельзя причислить к географическим объектам. Наиболее полный перечень географических объектов находим в Федеральном законе от 18 декабря 1997 г. №152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» (в редакции ФЗ №191 от 27.12.2008 г.). В нем к географическим объектам относятся следующие объекты: «материки, океаны, моря, заливы, проливы, острова, горы, реки, озера, ледники, пустыни и иные природные объекты; республики, края, области, автономная область, автономные округа; города, в том числе федерального значения, и другие населенные пункты; районы, административные районы, аймаки, кожууны, национальные районы, улусы, волости, поселковые советы, наслеги, сельские советы, национальные сельские советы, сельские округа, сомоны, станичные округа и другие административно-территориальные образования; железнодорожные станции, морские порты и речные порты, аэропорты» [ФЗ-152]. Учитывая то, что данный федеральный закон устанавливает правовые основы деятельности в области географических названий в России, среди географических объектов перечислены естественные и искусственные объекты, свойственные России. Очевидно, что в каждой стране будет свой перечень географических объектов, отличный от других стран, ввиду различия природных условий и особенно административно-территориального устройства. Своим будет для каждой страны и перечень категорий географических названий.

Термин *топоним* активно употребляется в лингвистической литературе, особенно в работах по ономастике, топонимике. Будучи иноязычного происхождения (от др.-греч. τόπος ‘место’ и ὄνομα ‘имя’), термин получает толкование в разных словарях и научных трудах. В энциклопедической литературе топоним определяется через понятие географическое название [ГЭС 1988 : 309; Языкознание 1998 : 515], что позволяет поставить знак равенства между топонимом и географическим названием. Толковый словарь уточняет, что топоним – это «собственное название какого-либо географического объекта» [БТС 2000 : 1332]. В специальной литературе топоним также определяется как «собственное имя географического объекта» [Суперанская 1984 : 175], «собственное географическое имя/название» [Жучкевич 1968 : 7; Мурзаев 1974 : 25 и др.]. Более полное определение топонима дается в специализированном «Словаре русской ономастической терминологии»: топоним – «собственное имя природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе (город, деревня, обработанный участок земли, территория как часть государства, коммуникация и т.п.), в т.ч. гидроним, ойконим, ороним, спелеоним, хороним, урбаноним, дромоним, агрооним, дримоним, инсулоним, некроним» [Подольская 1988 : 127]. Значение термина *топоним* содержит, таким образом, классему «собственное имя», а также семы «объект» и «на Земле». В термине *топоним* необходимо выделить два существенных момента: во-первых, топоним является именем собственным; во-вторых, топонимом может называться только географический объект на планете Земля. Классемы «название» и «собственное имя» не являются идентичными, так как «собственное имя», также являясь «словесным обозначением», находится в родо-видовых отношениях с «наванием», являясь по сути его гипонимом. ГЭГНООН дает следующее определение термину *топоним*:

«собственное имя топографического объекта. Обобщающий термин для понятий географическое название и название внеземного объекта» [Glossary 2002 : 150]. Отличие определения топонима, предложенного ГЭГНООН, заключается лишь в том, что термин может употребляться в широком смысле и к собственным именам внеземных объектов, чего не наблюдается в «Словаре русской ономастической терминологии».

С принятием в 1997 г. Федерального закона «О наименованиях географических объектов» в языке нормативно-правовых актов утвердился новый термин – *наименование географического объекта*. В законе он определяется как «географическое название, которое присваивается географическим объектам и служит для их отличия и распознавания» [ФЗ-152]. Таким образом, термин *наименование географического объекта* равнозначен термину *географическое название*. И.В. Бородич отмечает, что в топонимических законах государств бывшего СССР отсутствует единый подход в употреблении терминов *название* и *наименование* и настаивает на употреблении термина *наименование*, поскольку «географические объекты именовываются, а не называются» [Бородич 2021 : 10]. На наш взгляд, употребление в законе термина *наименование географического объекта*, а не *географическое название*, объясняется экономностью и однозначностью используемых языковых средств, свойственных официально-деловому стилю в целом. От термина *наименование* легко образуются другие используемые в законе понятия, такие как *присвоение наименования* и *переименование географического объекта*. И все же при сходстве терминов *географическое название* и *наименование географического объекта*, содержащих одинаковые классемы, последний содержит потенциальные семы «присвоение» и «отличие». Если благодаря семе «отличие» *наименование географического объекта* становится близким по значению к топониму как имени собственному, то сема «присвоение», отсутствующая у других терминов, предполагает внешнее воздействие на *наименование*. В настоящее время любые присвоения наименований географическим объектам осуществляются во всех странах специально уполномоченными на это органами государственной власти, что подразумевает официальный характер любого присвоенного наименования. Таким образом, сема «присвоение» в данном случае может быть интерпретирована как сема «официальный», т.е. «свойственный правительственным документам, деловым бумагам» [БТС 2000 : 768]. Именно эти потенциальные семы способны в реальных ситуациях общения выполнять роль дифференциальных сем, определяющих употребление данного термина.

Итак, из трех рассмотренных терминов, а именно, *географическое название*, *топоним* и *наименование географического объекта*, наиболее универсальным и базовым является географическое название. Именно оно лежит в основе толкования других терминов. А это означает, что любой топоним и любое наименование географического объекта являются по сути географическими названиями. Можно ли тогда сказать, что любое географическое название и любое наименование географического объекта являются топонимами? Вероятно, да, исходя из имеющихся определений. Однако, в данном вопросе имеется один нюанс. Он заключается в том, что топонимом признается собственное имя географического объекта. Может ли географическое название или наименование географического объекта быть не собственным именем? Сомнения в решении данного вопроса возникают в связи с рядом положений, содержащихся как в современном законодательстве, так и в инструкциях советского периода. Согласно действующему законодательству среди случаев, допускающих переименование географического объекта, имеется следующий: «географический объект обозначен аббревиатурой, номером или словосочетанием, выполняющими функции наименований географических объектов, но в действительности ими не являющимися» [ФЗ-152]. Данное положение свидетельствует о том, что среди признанных наименований географических объектов могут быть и такие, которые ими не являются, а значит не являются и именами собственными. Чем же они являются, и какова может быть их природа? Ответ на данный вопрос, вероятно, кроется в одном из положений советского периода об употреблении прописных и строчных букв

в географических названиях, которое выделяет названия «населенных пунктов, не имеющие официального наименования, находящиеся при промышленных и хозяйственных предприятиях, учреждениях, а также их участках и известные под именем данного предприятия» [Правила 1967 : 13]. Среди примеров таких названий приводятся следующие: *Лесная школа, Комсомольский лесной участок, санаторий им. Войкова, 3-я будка лесн. уч. квартала № 68* и др. Подобные номинации, которые в конечном счете являются географическими названиями, сложно назвать именами собственными хотя бы ввиду того, что их компоненты пишутся со строчной буквы. И в настоящее время сохраняется большое количество географических названий, известных под именем других объектов: нп *Баталинский Детский Санаторий*, п. *Первой Бригады Совхоза*, п. *Подсобное хозяйство санатория им. Артема*, нп *Отдельные Дома Госпиталя Инвалидов Отечественной Войны*, нп *Путевая Усадьба 9 км железной дороги Луостари-Никель*, п. *опытного хозяйства центральной торфо-болотной опытной станции* и под. Проприальный статус таких названий вызывает сомнения, что сказывается на варьировании прописных и строчных букв как в первом, так и в последующих компонентах названия. Характеризуя проприальный статус названий предприятий, учреждений, обществ, объединений и под., А.В. Суперанская отмечала, что по своей соотношенности с обозначаемыми собственными именами могут быть реальными и символическими. В реальных собственных именах «все или почти все входящие в название слова – имена нарицательные, а все название в целом – собственное имя» [Суперанская 1965 : 31]. Такой подход может быть применен и к географическим названиям. Если символические названия географических объектов однозначно трактуются как топонимы, то реальные названия географических объектов можно было бы назвать в прикладных целях квазитопонимами [Дамбуев 2020 : 297]. В некоторой степени решение ответа на вопрос, может ли географическое название быть не собственным именем, дает исследование микротопонимии. Так, давно известны мнения о том, что «микротопонимы ближе к именам нарицательным, чем собственно топонимы» [Никонов 1967 : 7], что микротопонимам «присуще особое промежуточное состояние в языке на грани имени нарицательного и собственного» [Подольская 1967 : 43]. Однако эти мнения разделяются не всеми лингвистами. Полагаем, что более обоснованные критерии разграничения собственно топонимов и географических названий, а также соответствующую терминологию еще предстоит разработать теоретической ономастике.

Термин *наименование географического объекта*, хотя и определяется через географическое название, все же имеет свою специфику. Она заключается в том, что наименование географического объекта – это не просто географическое название, а такое название, которое присваивается географическому объекту. Присвоение же географического названия регламентируется соответствующими процедурами, закрепленными законодательством. Данное обстоятельство подразумевает, что наименованием географического объекта является такое географическое название, которое одобрено соответствующим органом, ответственным в области географических названий, и рекомендовано к официальному употреблению. Если географические названия и топонимы могут быть официальными и неофициальными (народными, местными, возрастными, территориальными, стилистическими и т.д.), наименование географического объекта предполагает его официальный характер. Сам термин *наименование географического объекта* употребляется преимущественно в нормативно-правовых актах, а это означает, что обозначаемые им географические названия являются официальными.

Сфера употребления рассматриваемых терминов различна. Термин *географическое название* относится к общеупотребительной лексике и, по сути, даже не является термином. Он широко употребляется в географической литературе, а также встречается в топонимической литературе, особенно периода становления топонимики. Термин *топоним* наиболее употребителен в лингвистической литературе, в текстах по ономастике и топонимике. Это связано со сложившейся системой лингвистических терминов, в которой топоним занимает определенное место в ряду других онимов, а также дает производные – *топонимный, топонимиче-*

ский, *топонимизация* и т.д. Встречается термин *топоним* и в работах по географии. В нормативно-правовых актах используется исключительно термин *наименование географического объекта*. Таким образом, сфера употребления данных терминов указывает, что несмотря на сходство значений терминов, они не являются взаимозаменяемыми в текстах разных жанров. Например, описывая законодательные основы деятельности в области наименований географических объектов логично использовать соответствующий термин, а не топоним или географическое название.

Подводя итог анализу рассматриваемых терминов, отметим следующее. В широком смысле, если не вдаваться в семантические и стилистические нюансы, данные активно употребляемые в настоящее время термины можно признать синонимичными. Основание для этого имеется и заключается оно в том, что общим понятием в этой тройке терминов является именно *географическое название*. В семантическом плане различия в определениях можно выявить на уровне сем проприальности и официальности. Топоним отличается от географического названия и наименования географического объекта тем, что он всегда является именем собственным. Наименование географического объекта отличается от географического названия и топонима тем, что оно всегда является официальным. Географическое название может быть как именем собственным, так и несобственным, официальным и неофициальным. Такой универсальный характер географического названия позволяет ему быть общеупотребительным и являться основой для специальных терминов. Стилистические различия терминов более наглядны. В сфере законодательства употребляется исключительно термин *наименование географического объекта*. В научной же литературе по географии преимущественно употребляется термин *географическое название*, а по лингвистике – топоним.

Библиографический список

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
2. Бородич И.В. Названия или наименования? Разбираемся с топонимическими терминами // Земля Беларуси. 2021. №3. С. 10–13.
3. ГЭС – Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины / Гл. ред. А.Ф. Трешников. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 431 с.
4. Дамбуев И.А. Прописная и строчная буквы в официальной топонимии России // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. №2. С. 278–302.
5. Жучкевич В.А. Общая топонимика. Изд. 2-е, испр. и доп. Минск: Вышэйш. школа, 1968. 432 с.
6. Мурзаев Э.М. Очерки топонимии. М.: Мысль, 1974. 382 с.
7. Никонов В.А. Научное значение микротопонимии // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 5-14.
8. Подольская Н.В. Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 39-53.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
10. Правила написания на картах географических названий СССР / Глав. упр. геодезии и картографии М-ва геологии СССР. 2-е изд. М.: Недра, 1967. 27 с.
11. Суперанская А.В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий // Орфография собственных имен. М.: Наука, 1965. С. 25–43.
12. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.

13. *ФЗ-152* – Федеральный закон от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <http://https://docs.cntd.ru/document/9054747?ysclid=mkr57bxmgw498888541> (дата обращения – 24.01.2026).
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
15. Glossary of Terms for the Standardization of Geographical Names / United Nations Publication. Sales № M.01.XVII.7. New York: United Nations, 2002. 293 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дамбуев Игорь Александрович,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела языкознания
Института монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН,
SPIN-код: 6001-4524,
e-mail: igor_dambuev@mail.ru

Dambuev Igor Aleksandrovich,
Candidate of Philological Sciences,
Senior fellow of the Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences
SPIN-code: 6001-4524,
e-mail: igor_dambuev@mail.ru

УДК 81' 373

М.Е. Новичихина
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: novichihiname@mail.ru

НОВЫЕ КЛАССЫ ИМЕН КАК ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Статья исследует трансформацию категории имени собственного в современных условиях. Автор констатирует «ономастический взрыв» качественного характера, вызванный появлением принципиально новых классов имён (коммерческие названия, ивентонимы, ник-имена и др.). Их ключевое отличие от традиционных имён – смещение функции с идентификации на информативную и прагматическую: эти имена не просто называют, а программируют восприятие, транслируют концепции и задают поведенческие сценарии. В цифровой среде этот разрыв с классической парадигмой (где имя – «жесткий десигнатор») углубляется. Анализируются имена-гиперссылки, имена-алгоритмы и NFT-имена, для которых характерны изменчивый характер самого референта, формируемый множеством контекстов и взаимодействий, связь с правовыми или процессуальными отношениями. Доказывается, что значение таких имён смещается от референта к концепту (идея, сценарию). Автор приходит к выводу о своевременности и необходимости ревизии ономастических теорий, вызванных не только появлением новых объектов, но и прагматическим императивом выживания социума в гибридной реальности. Новая теория имени должна стать основой для решения правовых, этических и когнитивных вызовов, порождаемых в условиях цифровой эпохи этими парадоксальными классами имён.

Ключевые слова: имя собственное, коммерческое название, ивентоним, ник-имя, имя гиперссылки, имя-алгоритм, NFT-имя.

M.E. Novichikhina
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: novichihiname@mail.ru

NEW CLASSES OF NAMES AS A CHALLENGE TO THE TRADITIONAL ONOMASTIC PARADIGM

This article explores the transformation of the category of proper names in modern contexts. The author notes a qualitative "onomastic explosion" caused by the emergence of fundamentally new classes of names (commercial names, eventonyms, nicknames, etc.). Their key difference from traditional names is a shift in function from identification to information and pragmatics: these names don't simply name, but program perception, convey concepts, and set behavioral patterns. In the digital environment, this break with the classical paradigm (where a name is a "rigid designator") deepens. Hyperlink names, algorithm names, and NFT names are analyzed, characterized by the fluid nature of the referent itself, shaped by multiple contexts and interactions, and their connection to legal or procedural relations. It is argued that the meaning of such names shifts from denotation (object) to concept (idea, scenario). The author concludes that a revision of onomastic theories is timely and necessary, driven not only by the emergence of new objects but also by the pragmatic imperative of society's survival in a hybrid reality. A new theory of names should form the basis for addressing the legal, ethical, and cognitive challenges posed by these paradoxical classes of names in the digital age.

Key words: proper name, commercial name, eventonym, nickname, hyperlink name, algorithm name, NFT name.

Номинативная практика последних десятилетий породила феномены, которые не просто расширяют корпус имен собственных, но и бросают им своеобразный вызов. По сути дела мы оказываемся свидетелями «ономастического взрыва», причем не в количественном, а в качественном отношении: появляются классы имен, референты которых существуют в прин-

ципиально иных условиях, отличных от традиционных.

Цифровая эпоха породила не просто новые слова, а целые пласты новых типов имён, которые не вписываются в классические каноны, не укладываются в прокрустово ложе существующих теорий. Исследователи нередко пытаются описать эти имена, базируясь на устоявшихся представлениях, – и терпят порой неудачу, поскольку эти имена ведут себя иначе.

Естественно, все это требует формирования новой концептуальной модели.

Разрыв между традиционной теорией и новой номинативной реальностью наметился не одномоментно.

Первым сигналом к его появлению стали такие классы имен, как:

1. коммерческие названия (например, магазин «Феникс», фирма «Беркут»); разнообразием коммерческих названий стали, например слова-ресторонимы (имена заведений общепита). На примере последних поясним, что, название «Братья Каравачевы» призвано не идентифицировать уникального носителя (как *Иван Грозный*), а создать уникальный гастрономический бренд в конкурентной среде, часто играя на ложной или стилизованной историчности.

Особое место в системе коммерческих названий занимают словесные товарные знаки. Они представляют собой гибридную лингво-юридическую категорию, которая объединяет лингвистическую форму и правовой статус. Такие имена можно продать, лицензировать, передать по наследству, что неприменимо к классическому имени собственному. Единство номинативной, охранной и гарантийной функций определяет их уникальное положение в системе имен собственных и/или выводит такие имена за пределы объектов канонической ономастики (подробнее о специфике коммерческих названий см.: Новичихина, Драгайцева 2021]);

1. ивентонимы (имена событий, мероприятий), например, музыкальный фестиваль «*Bosco Fresh Fest*». Заметим, что в название фестиваля «вплетены» спонсор (компания «*Bosco*») и сущность (*Fresh*). Это сложносоставной ярлык, созданный для одномоментного, но мощного запроса в информационном поле;

- имена коммерческих и социальных проектов (например, проект «*Умный город*», проект «*Зеленый офис*»). Это имена-продукты, созданные с целью привлечь потоки покупателей, обозначать политические и социальные инициативы и проч.;

- имена арт-объектов в публичных пространствах (например, скамейка «*Встреча выпускников*», скульптура «*Писающий мальчик*», фонтан «*Поющий журавль*»). Часто такие названия призваны задать поведенческий сценарий (встретаться, признаваться в любви), создать повод для фото в соцсетях и т.п.;

- ник-имена (онлайн-псевдонимы, или ники), например, *@КосмическийБродяга*, *Luna Painter*, *Iron Logic*. Это имена-маски, созданные с целью самопрезентации в цифровой среде, обозначения личного или профессионального бренда, привлечения внимания единомышленников в социальных сетях, играх и на форумах. Они часто стремятся отразить сущность, хобби, амбиции или игровую роль владельца.

В чем суть кардинальных отличий приведенных типов имен от традиционного имени? Сердцевину эти отличий, с нашей точки зрения, следует обозначить так: информативная функция как системообразующая.

Действительно, классическое имя выполняет, прежде всего, идентифицирующую и дифференцирующую функции (*Елена* – чтобы отличить одного носителя имени от другого, *Воронеж* – чтобы выделить один город из множества других городов). Информация о свойствах именуемого объекта является вторичной, часто стёртой, порой утерянной.

Имя собственное всегда мыслилось как «жесткий десигнатор» (см.: Крипке 1982, Кравец 2001]), фиксирующий тождество объекта при всех возможных обстоятельствах, лишённое самостоятельного смысла (коннотации) и выполняющее чистую референциальную функцию – указание на единичный объект.

Перечисленные выше имена делают ставку на прямо противоположное. Как уже отмечалось, их первичная и системообразующая функция – информативная. Они призваны что-то сообщать, транслировать смысл, доводить концепцию с первого предъявления. Например, «*Bosco Fresh Fest*» сразу сообщает: это молодёжный, модный, возможно, связанный со здоровым образом жизни фестиваль, и спонсирует его известный бренд; ЖК «*Серебряные берёзы*» – это не про берёзы. Это код для обозначения экологичности, элитарности, «русскости» и природной гармонии, которую продают застройщики; скамейка «Встреча выпускников» – это не название, это инструкция, призыв к действию, готовый культурный сценарий, вмонтированный в городскую среду.

Все эти имена не просто называют. Они программируют восприятие, управляют ассоциациями и задают нарратив.

Именно поэтому ряд авторов [Суперанская 1973: 193; Введенская, Колесников 1981: 6; Леонович 2002: 100 и др.], анализируя конкретные примеры названий новых типов, либо выводят их за пределы ономастической системы, либо отводят им промежуточное или периферийное положение в этой системе.

Подобный подход, однако, представляется методологически поспешным, поскольку не предлагает непротиворечивой теоретической модели, которая бы однозначно и убедительно обосновывала необходимость такого размежевания. Вот почему он и не опровергается, но и не поддерживается активно лингвистическим сообществом.

Ситуация заметно осложняется в цифровой среде. Именно здесь мы получаем еще один сигнал-вызов традиционной ономастической парадигме в лице следующих видов имен.

1) Имена гиперссылок. Имя гиперссылки может представлять собой слово, сочетание слов и/или изображение, но в любом случае это «внешняя» часть гиперссылки, видимая на экране. Возьмем не *Воронеж*, а Воронеж. Классическое «Воронеж» отсылает к городу через многовековую традицию употребления. Воронеж в интернете – это не только и не просто имя аккаунта, это и идентификатор, и действие (команда), и адрес одновременно. Его референт нестабилен: сегодня это медиа-образ города, завтра – коллективный блог его жителей, послезавтра – автоматизированный новостной агрегатор. Жёсткой десигнации здесь нет, его «жесткость» иллюзорна: платформа может изъять его, пользователь – переименовать и т.д. Есть лишь гибкая, подвижная ассоциация, которая может быть переформирована модератором в один клик. Референция здесь становится процессом постоянной перенастройки. Более того, имя постоянно подтверждает свою связь с объектом номинации через тысячи ежедневных цифровых взаимодействий.

Как видим, феномен имени гиперссылки подтверждает тенденцию к размыванию ономастических границ и демонстрирует рождение новых гибридных имен, сочетающих номинацию, предикацию и действие.

2) Имена-алгоритмы. В целом такие имена служат удобным обозначением некой сложной идеи. Вместо того чтобы говорить «нахождение всех простых чисел до заданного предела», используется имя «*Решето Эратосфена*». Чаще всего, такие имена даются в честь создателя алгоритма, места создания или ключевого свойства.

Рассмотрим в качестве примера имя-алгоритм «*GPT-4*» (от *Generative Pre-trained Transformer*), сформированное на базе ключевого свойства. Что представляет собой это имя? Это отнюдь не конкретный файл на сервере от 14 марта 2023 года. Это процесс, некая траектория, поведенческий паттерн. Его сущность – в его функционировании (постоянном дообучении, самооптимизации и адаптации). Мы называем его одним именем, но это имя указывает на разные состояния одной и той же эволюционирующей системы. Это имя не для объекта, а для своеобразной траектории на графике развития.

3. Третий, самый парадоксальный класс имен, это имена-невзаимозаменяемые токены (NFT-имена, или Non-Fungible Token-имена). Например, *Bored Ape Yacht Club* – имя коллекции из 10 000 уникальных рисунков обезьян. Это имя указывает не на пиксельное изображе-

ние (это изображение может скопировать любой человек), а на факт уникальности и абстрактное закрепленное право владения. Его референт – чистая социально-технологическая условленность. Это имя собственное скорее для отношения, но никак не для вещи.

В связи с обсуждаемой проблемой имеет смысл затронуть и такой дискуссионный вопрос, как вопрос о значении имени собственного (с нашей точки зрения, удачный обзор взглядов на эту проблему представлен в работах И.И. Гришиной [Гришина 2010], О.З. Книжниковой [Книжникова 2009], Н.В. Денисовой [Денисова 2015]).

Известный тезис Дж. Милля о том, что «у собственного имени нет решительно никакого значения» [Mill 1970] систематически оспаривается; оппонентами Дж. Милля значение имени собственного обычно отождествляется с его референтом.

Для имен новых типов значение – нечто принципиально иное: это заложенная в них концепция, их коммуникативный посыл, своеобразный брендбук. Например, значение «ТРЦ «Галерея»» — это не здание из стекла и бетона, а целый комплекс обещаний: разнообразие брендов, атмосфера светского променада, «галерейная» эстетика и т.п.

Иными словами, происходит сдвиг от значения как референта к значению как некому концепту (идее, сценарию, обещанию), и этот сдвиг требует детального научного осмысления. Слова же В.Д. Бондалетова в том, что «эта проблема не столько лингвистическая, сколько логическая и философская» [Бондалетов 1983: 11], получают дополнительное подтверждение.

Нельзя не обратить внимания и на изменение характера самого референта имен новых типов. Традиционно предполагалась тождественность референта имени во времени, у новых же типов имен референт динамический. Этот референт (например, персонаж компьютерной игры) может радикально менять свойства, сущность и даже онтологический статус (умирать и воскресать в новой реальности), оставаясь под одним именем. Получается, что имя удерживает не объект, а некую историю. Референтом имени собственного все чаще выступает, как уже упоминалось, не статичная сущность, а траектория изменений. Таким образом, референция становится не жёсткой, а адаптивной. Имя не «цепляется» за объект раз и навсегда, а постоянно перенастраивает свою связь с ним в зависимости от состояния.

Далее непременно обратим внимание на то, что вопрос о пересмотре ономастических теорий мотивирован не только и не столько появлением перечисленных выше классов имен, сколько возникшей потребностью самосохранения в новых условиях.

Поясним сказанное, обратив внимание на следующие проблемы:

1) правовые и этические (как, например, установить ответственность для имени-алгоритма, принявшего дискриминационное решение? Кто является носителем права на имя–токен? Во всех этих случаях прежние категории юридического лица и авторского права неприменимы);

2) когнитивные (наше мышление оперирует именами. Если имена ведут себя непредсказуемо, наша картина мира рушится. Возможная новая модель – это инструмент для осмысленного взаимодействия с гибридной реальностью, где цифровое и физическое тесно связаны);

3) философско-эпистемологические (новые классы имён ставят под сомнение ключевые философские категории познания. Они указывают не на устойчивые объекты, а на текущие процессы, нелокализуемые сущности (как, например, алгоритм GPT-4) или социальные условности (как NFT). Это разрушает классическое представление о том, что имя гарантирует тождество объекта во времени и имеет чёткий референт. В результате знание, даваемое такими именами, становится знанием о состояниях систем, договорённостях и потоках влияния, а не о «сущностях» мира. Таким образом, возникает потребность в новой эпистемологии – теории познания, способной работать с динамическими, конструируемыми сущностями гибридной эпохи.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. «ономастический взрыв» и появление новых типов имен свидетельствует не о кризисе категории имени собственного как таковой, а о ее закономерной эволюции в современных условиях, в частности, условиях цифровой эпохи;
2. классические теории имени не следует считать «опровергнутыми» – они всего лишь исчерпали свой объяснительный ресурс для новой реальности (точно так же, как ньютоновская механика исчерпала его на уровне квантовых явлений);
3. классические теории, остающиеся верными для традиционных классов имен собственных (географические названия, личные имена людей в офлайн-пространстве и т.п.), требуют серьезной модификации и расширения для описания цифровой и медийной реальности;
4. в современных условиях требуется смещение фокуса – мы должны изучать имя собственное не только как ярлык для сущности, но и как текст, коммуникативный акт и социальный инструмент. Требуется прагматическая теория имени, которая признаёт: в современном мире имя всё реже служит своеобразным «памятником», и всё чаще – интерфейсом для взаимодействия с конструируемой реальностью;
5. ревизия ономастической парадигмы предстаёт как необходимое условие самосохранения и осмысленного функционирования социума в эпоху, когда цифровое и физическое неразрывно сплетены. Новая теория имени должна стать не просто описательным инструментом, а фундаментом для выработки жизнеспособных правовых, этических и когнитивных практик взаимодействия с непредсказуемыми акторами гибридного мира.

В целом же, следует согласиться с выводами А.В. Суперанской о том, что «введение в научный оборот массы новых категорий имен рушит прежние теории имени собственного» [Суперанская 1973: 91], а «привлечение нового научного материала имеет своим непосредственным следствием потребность в обновленных общих ономастических теориях» [Суперанская 1973: 87]).

А.В. Суперанская оказалась права. Жизнь – в лице экономики, урбанистики, маркетинга, цифровых технологий – создала новые классы имён, которые функционируют по иным законам. Они не «называют» в классическом смысле. Они информируют, предлагают, соблазняют, инструктируют. Все это требует пристального изучения – и, нередко, совсем под иным углом зрения.

Все это закономерно поднимает вопрос о трансформировании или адаптации философии имени к изменчивым, но вполне познаваемым явлениям новой эпохи, в том числе и цифровой.

Наконец, рискнём предположить, что будущее теории имени собственного лежит в плоскости междисциплинарного синтеза, объединяющего лингвистику, теорию медиа, нарратологию и философию цифровых технологий, для создания целостной прагматической модели имени в гибридной реальности.

Библиографический список

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
2. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От собственных имен к нарицательным. М.: Просвещение, 1981. 144 с.
3. Гришина И. И. О двух подходах к интерпретации имени собственного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. № 1 (5). Ч. 2. С. 77–80.
4. Денисова Н.В. К вопросу о значении имени собственного в современной лингвистике // Молодой ученый. Казань, 2015. № 8 (88). С. 1116-1118.

5. Именованье, необходимость и современная философия / отв. ред. В.В. Горбатов. СПб.: Алетейя, 2011. 287 с.

6. Книжникова О. З. О семантике имени собственного // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула, 2009. Вып. 2. С. 237–243.

7. Кравец А.С. Жесткий десигнатор // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки . 2001. № 2. С. 94–127.

8. Крипке С. Тождество и необходимость / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII.: Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 340–376.

9. Леонович О. А. В мире английских имен. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. Л. И. Кравцова. М.: АСТ: Астрель, 2002. 160 с.

10. Новичихина М.Е., Дрогайцева М.А. О месте коммерческой номинации в ономастическом пространстве // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж, 2021. № 4 (43). С.27–35.

11. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. Москва: Наука, 1973. 365 с.

12. Mill J. St. Of names // Theory of meaning. Prentice Hall, 1970. 90 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Новичихина Марина Евгеньевна,
доктор филологических наук, профессор,
кафедры связей с общественностью, рекламы
и дизайна Воронежского государственного
университета,
SPIN-код: 9852-8475,
e-mail: novichihiname@mail.ru

Novichikhina Marina Evgenievna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State University,
SPIN-код: 9852-8475,
e-mail: novichihiname@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ REGIONAL ONOMASTIC STUDIES

УДК 81'373.211.5

Т.И. Жаркова

*Уральский государственный университет физической культуры
(Челябинск, Российская Федерация)
e-mail: taniafrance@mail.ru*

ГОДОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

В статье рассмотрены определения понятий «ономастика», «топонимика» «годоним», «лингвокультура», «лингвокультурологический комментарий», используемые в работе; показано отражение взаимодействия и взаимоотношения двух держав Франции и России в названиях улиц Парижа и столицы Южного Урала Челябинска; показана роль знания исторического прошлого, отраженного в названиях улиц, для воспитания любви к своей Родине и региону, а также для успешной реализации межкультурной коммуникации будущих специалистов в любой сфере деятельности. Автор отмечает, что имя собственное, запечатленное в названии улицы, имеет свою историю. Чтобы не потерять ее, а сохранить и передать будущему поколению, необходимо внимательно относиться к историческим событиям, документам, языку народов, живущих на данной территории, их менталитету, их традициям, так как именно они и являются «живыми» свидетелями происходящих событий, запечатленных в языке.

Ключевые слова: глобализация, межкультурная коммуникация, ономастика, топонимика, годонимы, исторические связи, лингвокультура, лингвокультурологический комментарий.

T.I. Zharkova

*Ural State University of Physical Education
(Chelyabinsk, Russian Federation)
e-mail: taniafrance@mail.ru*

GODONYMS AS A REFLECTION OF HISTORICAL CONNECTIONS BETWEEN FRENCH AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

The article discusses the definitions of the concepts "onomastics", "toponymy", "hodonim", "linguoculture", and "linguocultural commentary", which are used in the work. It shows the reflection of the interaction and relations between the two countries, France and Russia, in the names of the streets of Paris and the capital of the Southern Urals, Chelyabinsk. The article also highlights the importance of understanding the historical past reflected in the names of streets for fostering a love for one's homeland and region, as well as for successful intercultural communication among future professionals in various fields. The author notes that the proper name embedded in the street name has its own history, and in order not to lose it, but to preserve and pass it on to future generations, it is necessary to pay attention to historical events, documents, the language of the peoples living in this territory, their mentality, and their traditions, as they are the "living" witnesses of the events that have been captured in the language.

Key words: globalization, intercultural communication, onomastics, toponymy, godonyms, historical connections, linguaculture, linguacultural commentary.

Все на земле имеет свой адрес.

Э. М. Мурзаев

Памятником духовной культуры особого рода
являются исторические географические названия –

имена наших городов и весей, улиц и площадей, застав и слобод.
 Топонимикон народа представляет собой
 коллективное произведение народного гения...
 Они служат ориентирами во времени и пространстве,
 создавая историко-культурный облик страны.
 Д.С. Лихачев

Актуальной во все времена была, есть и будет проблема успешной реализации межкультурной коммуникации, которая невозможна без знаний иностранного языка. Молниеносное развитие науки и техники, процесса глобализации, «процесса, изменяющего сущность социальных институтов современного общества, в контексте которых осуществляются межкультурные взаимодействия (В.С. Глаголев, Н.И. Бирюков, Н.Н. Зарубина и др.)» [Жаркова 2017 : 9] и информатизации, «внедрение в образовательный процесс информационных технологий, соответствующих требованиям мирового сообщества (Д.В. Чернилевский, О.К. Филатов)» [там же], приводят ко все возрастающим требованиям не только к глубоким знаниям иностранного языка, но и к формированию поликультурной языковой личности будущего специалиста любой сферы деятельности.

Мы не случайно взяли в качестве эпиграфа к нашей работе высказывание известного топонимиста, ученого-географа Э.М. Мурзаева (1908-1998), автора всемирно известного «Словаря народных географических терминов» [Мурзаев 1984], так как действительно, «все на земле имеет свой адрес», свое название, свое наименование, свое имя. Именно названия, наименования и имена являются своего рода выражением ментальности/менталитета людей, их культуры и быта, традиций и обычаев, верований и ритуалов, выражением их мироощущения, их психологического состояния. Названия, наименования и имена – это неотъемлемая часть современной цивилизации, уникальная топонимическая среда, без которой немислимо существование лингвокультурной общности и человечества в целом.

Рассмотрим ряд основополагающих определений для понятий, являющихся ключевыми в нашей работе: «ономастика», «топонимика», «годоним», «лингвокультура», «лингвокультурологический комментарий».

Что касается лингвокультуры, то она понимается как «культура, воплощенная и закреплённая в знаках живого языка, явленная нам в языке и через язык» [Красных 2014 : 62]. Лингвокультура – это культура (в представленном выше понимании) оязыковленная, т.е. «овнешненная» и закреплённая в знаках языка. Это культура, явленная нам в языке и через язык. Если учесть, что основным каналом межпоколенной трансляции культуры (а именно это составляет главное содержание процесса социализации) и основным (хоть и не единственным) средством человеческого общения является язык, то становится понятным, что *лингвокультура* (*курсив наш – Т. Ж.*) и есть та среда, в которой человек формируется как личность и живет, т.е. действует и реализует себя как личность, взаимодействует с другими личностями и т.д. [Красных 2014 : 65].

В работе мы используем лингвокультурологический комментарий, который является или представляет собой предоставленный справочный материал, причем в краткой форме, материал, содержащий нужную и необходимую для понимания информацию не только лингвистического характера, но и исторического, а также культурологического. Цель комментария – восполнить пробел в знаниях у коммуникантов и обеспечить успешную реализацию межкультурной коммуникации.

Ономастика (от *греч.* «*onomastikos*» – «относящийся к наименованию»), 1) собственные имена различных типов. 2) Раздел языкознания, изучающий собственные имена [Никонов 2011 : 77]. О.С. Ахманова в своем «Словаре лингвистических терминов» расширяет вышеприведенное определение: Ономастика – 1. Раздел языкознания, изучающий личные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей и животных). 2. Совокупность (система) личных

имен как особый предмет лингвистического изучения. 3. Раздел языкознания, изучающий собственные имена [Ахманова 2010 : 367].

Нас интересует топонимика, раздел ономастики, изучающий топонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования, топонимика, как «совокупность названий какой-либо местности» [Ахманова 2010 : 456]. А еще точнее такой класс топонимов, который «изучает названия улиц, обозначается термином годоним» [Подольская 1988 : 46]. По «Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «улица» – это «в населенных пунктах: два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство [Ожегов, Шведова 2007 : 734]. Большой интерес представляет этимология (происхождение и история образования) слова «улица». Подробное толкование/разъяснение находим в «Этимологическом словаре русского языка» Г.П. Цыганенко: «Улица – это пространство между двумя параллельными рядами домов в населенном пункте. Праслав. образовано с помощью суффикса –иц-а (как граница) от сущ. ула «улица» (ср. др. рус. и диал. улка «улочка». диал. улук, литерат. переулук, укр. вулиця с призвуком «в» и мягким согласным «ц»). Сущ. ула с тем же корнем –ул-, что в слове улей. Первоначально оно значило «дыра, отверстие», откуда дальнейшее «вход, ворота», «проход» и «улица»; уличник «привратник». Ему родственно *греч.* *aulon* «овраг, ущелье»; *aule* «двор» [Цыганенко 1989 : 389].

Общеизвестно, да и понятно, что само «наименование улиц – это факт культуры и языка. Процесс наименования улиц сводится, в общих чертах, как и любой процесс номинации, к проблеме «выбора признака (мотивация) и его выражения во внешней форме наименования (мотивированность)» [Павлова 2025 : 58].

История взаимоотношений двух держав – Франции и России – не могла не отразиться в названии улиц городов и поселений обеих стран. Это были и военные походы/сражения, и культурные взаимосвязи, даже и родственные. Названия улиц, проспектов, аллей, бульваров, скверов и площадей всегда через годы и века напоминают нам об этом.

Мы единодушны с мнением французского историка, исследователя исторической памяти, автора концепции «место памяти» («*lieux de memoire*») П.Ш. Нора (фр. *Pierre Nora*; 1931-2025), что «память – это жизнь. Потребность в памяти есть потребность в истории» [Нора 1999 : 28]. Мы бы еще добавили: потребность во взаимосвязи исторических событий лингвокультур, которые оставили след, след глубокий, впечатляющий во взаимоотношениях стран и народов в различных сферах деятельности (культура: искусство, живопись, кино, театр; образование; спорт и др.). Как никогда актуально его высказывание о «месте памяти»: «...*un lieu de memoire est un lieu souvent localisable dans laquelle une societe nationale entasse ses propres souvenirs et que la societe constitue comme un lieux de memoire*» («... место памяти – это зачастую локация, место, в которое национальное общество, социум вкладывает свои собственные воспоминания и которое оно представляет как место памяти, как своего рода мемориальное место. *Перевод наш – Т.Ж.*) [Nora 1983 : 16].

Русские названия улицам во Франции начали присваиваться в XIX в. Великие, эпические исторические события, сражения нашли свое отражение в названиях улиц Парижа: *rue d'Austerlitz* (улица Аустерлиц), *rue d'Eupatoria* (улица Евпатории), *rue de Cronstadt* (улица Кронштадта), *rue de Crimée* (улица Крыма), *rue d'Odessa* (улица Одессы), *rue de Tilsitt* (улица Тильзит), *rue de Navarin* (улица Наварина) и др. В качестве примера возьмем улицу Евпатории (*rue d'Eupatoria*).

Лингвокультурологический комментарий

Метро *Ménilmontant*, XX округ. Начинается от улицы Жюльен-Лакруа (*rue Julien Lacroix*) 2, оканчивается на улице Мар (*Mare*). 1. Длина 160 м., ширина – 8 м. Бывшая дорога коммуны Бельвиль. Улица была открыта в 1852 г., в 1854 г. получила название Альма в ознаменование победы англо-французских войск над русскими войсками 20 сентября 1854 г. на реке Альма в Крыму. 24 августа 1864 г. оно было заменено на Евпатория, где 2-14 сентяб-

ря 1854 г. произошла высадка французско-турецких войск в Крыму. Евпатория – город на черноморском побережье Крыма, климатобальнеологический курорт. В VI-V вв. до н.э. на месте современной Евпатории было скифское поселение Карканита. В начале III в. до н.э. эта территория вошла в состав владений античного Херсонеса. Во II в. до н.э. была захвачена скифами, затем отвоевана херсонесцами при поддержке войск диофанта, полководца понтийского царя Мидридата VI Евпатора. В XVI-XVII вв. на этом месте находилась турецкая крепость и город Гезлев. После присоединения Крыма к России в 1783 г. Гезлев был переименован в Евпаторию в память о крепости, основанной Диофантом на южном берегу Крыма [Горицкий 1997 : 59].

Во Франции Парижская коммуна 1871 (*Commune de Paris*), оставив глубокий след в истории своей страны и Европы, нашла отражение в сердцах людей молодой советской республики. Две улицы в Челябинске названы в честь Парижской Коммуны, представлявшей высший этап четвертой революции во Франции (1870-1871 гг.). На заре советской власти с особым вниманием относились к истории Парижской коммуны. В Челябинске память о 72 днях (с 18 марта по 28 мая) восстания хранят улицы Коммуны в центре Челябинска и улица Коммунаров в Ленинском районе [Справочник улиц города Челябинска 2007 : 211].

Не явились исключением и великие, известные, знаменитые русские/российские личности, персоналии (государственные деятели, писатели, композиторы, художники, архитекторы, хореографы и др.), оставившие свой след в истории страны, личности, в честь которых назывались парижские улицы: *rue Pierre le Grand* (улица Пьер-ле-Гран), *rue George Balanchine* (улица Жоржа Баланчина), *rue Moussorgski* (улица Мусоргского), *rue Serge Prokofiev* (улица Сергея Прокофьева), *rue Tchaikovski* (улица Чайковского), *rue Zadkine* (улица Цадкина), *rue Marie Skobtsov* (Марии Скобцовой) и др. В качестве примера возьмем улицу Пьер-ле-Гран (Петр Великий) (*Rue Pierre le Grand*), открытую в 1880 г. 30 августа 1884 г. Она названа в честь русского царя Петра Великого (1672-1725). Петр I родился в Москве, похоронен в Петропавловском соборе в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. С 27 апреля 1682 г. – царь российский, с 22 октября 1721 г. – император России; государственный деятель, полководец и дипломат. 7 мая-20 июня 1717 г. Петр I первым из русских царей посетил Францию [Горицкий 1997 : 99].

Наименования/названия улиц, а именно русские названия – это социально-культурный феномен, важнейшее, согласно П. Нора, «место памяти» (*«lieux de memoire»*) [Нора 1999 : 246], место памяти наших всемирно известных личностей, оставивших глубокий след в мировой истории, мировой культуре, место, позволяющее ощутить «вкус», «аромат» истории и исторических событий французской и русской лингвокультуры.

Имена французских революционеров, а также всемирно известных писателей отражены в названиях челябинских улиц. Так, например, улица Марата. Но в Челябинске все знают, что Марат – это не имя, а фамилия. Благородное мусульманское имя «Марат» широко распространено на Южном Урале и в Челябинске в том числе среди татарского и башкирского населения и обозначает «желанный». Но данное имя связано с героем Великой Французской Революции – Жан-Полем Маратом. Вероятно, фамилию он получил благодаря месту, где родился. Так, по-французски *«marais»* – «пруд» или же «болото». Особый интерес к Жану-Полю Марату, как к персоне политического деятеля наблюдался в период СССР практически во всех республиках Союза. Потому нередко данное наречие также определяют как советское. Имя Жана-Поля Марата (фр. *Jean-Paul Marat*, 1743-1793), политического деятеля эпохи Великой французской революции, врача, радикального журналиста, одного из лидеров якобинцев, имевшего самое непосредственное отношение к штурму и взятию Бастилии (фр. *Prise de la Bastille*, 14 июля 1789 года) и последовавшим за этим революционным событием, носит улица в микрорайоне Запруд Советского района города Челябинска. Жители и администрация города не были равнодушны к революционным событиям и чаяниям французско-

го народа и стремились отразить и запечатлеть их в названиях своих улиц [Справочник улиц города Челябинска 2007 : 221].

Имена писателей, как французских, так и русских, также отражены в названиях улиц. Почти в каждом французском городе есть улица имени Виктора Гюго (фр. *Victor Marie Hugo*, 1802-1885), французского писателя, одной из главных, основных фигур французского романтизма, поэта, прозаика, драматурга, политического и общественного деятеля тоже, к которому во Франции в Пятой республике особенное отношение, даже лучше сказать, отношение трепетное, как в России к А.С. Пушкину, причем во все времена.

Челябинская улица Виктора Гюго [Справочник улиц города Челябинска 2007 : 91], расположенная в Ленинском районе, появилась в конце сороковых годов в рабочем поселке имени Серго Орджоникидзе. Челябинцы отразили в названии этой улицы в лице крупнейшего французского писателя, поэта-гражданина, вождя и теоретика демократического романтизма, человека, который стремился воздействовать на общественный строй на своей родине, человека, который боролся с социальным злом, поддерживая идеи неразрывной связи с жизнью народа.

Улицы Анри Барбюса (*Henri Barbusse*, 1873-1935), французского писателя, журналиста и общественного деятеля, есть во многих городах нашей страны. Есть она и в Челябинске в Ленинском районе. Появилась эта улица еще в советское время. Примечателен тот факт, что на пересечении двух улиц Барбюса и Тухачевского стоит вековой дуб, растущий с 1921 г., который называется «Дуб черешчатый». Вот именно отсюда и уходили на фронт солдаты-добровольцы в 1941 г. И только в 2005 г. этот дуб был наделен статусом мемориала и взят под охрану государства, как напоминание о войне и о тяжелых испытаниях в годы войны.

Сам Анри Барбюс добровольно вступил во французскую армию во время Первой мировой войны, которая имела огромное значение для идейного и творческого развития писателя. Факты о том, что А. Барбюс провел два года на фронте, участвуя в атаках и ухаживая за ранеными в качестве санитаря, перенося все тяготы окопной жизни, говорят о большом благородстве и мужестве писателя. Раненый и награжденный Военным крестом и союзной медалью Победы, он стал своим человеком для рабочих и крестьян, одетых, как и он сам, в солдатские шинели. Автор романа «Огонь» (*«Le feu»*) стал создателем в 1919 г. международного антивоенного объединения писателей «Кларте» (*«Clarté»*) и редактировал журнал под тем же названием, а также участником нескольких антивоенных конгрессов.

В заключение мы хотели вспомнить слова академика Д.С. Лихачева: «Возрождая историко-культурную преемственность в топонимии, мы возвращаем тем самым культурные ценности нашего народа, протягиваем связующие нити от настоящего к прошлому и от прошлого через настоящее к будущему. Возвращение и охрана исторических названий – благородная социальная и культурная задача» [Лихачев 1989 : 3].

Мы затронули в своей работе очень важную тему – тему реализации межкультурной коммуникации, причем реализацию успешную! И такая реализация немислима без знаний не только языка, но и культуры, исторических событий, без взаимодействия стран и народов, без знаний таких феноменов, как эмпатия и толерантность. На планете нужен мир. Русские названия улиц в Париже и французские в столице Южного Урала Челябинске – яркое напоминание современному поколению молодежи о дружбе и взаимопонимании французской и русской лингвокультур, французского и русского народов.

Закончить работу мы бы хотели высказыванием одного из выдающихся отечественных исследователей ономастики – «науки об именах» В.А. Никонова (1904-1988), почетного члена Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО о том, что топонимы являются «красноречивыми свидетелями прошлого», а также «занимают почетное место среди самих драгоценных исторических памятников, как живое эхо отдаленных времен (*Курсиве наши – Т.Ж.*)» [Никонов 2011]. Итак, имя собственное, запечатленное в названии улицы, имеет свою историю, чтобы не потерять ее, а сохранить и передать будущему поколению, не-

обходимо внимательно относиться к историческим событиям, документам, языку народов, живущих на данной территории, их менталитету, их традициям, так как именно они и являются «живыми» свидетелями происходящих событий, запечатленных в языке.

Этот факт имеет большое значение для воспитания у будущего подрастающего поколения любви к Родине, родному краю, своему региону, имя которому – Южный Урал [Zharkova 2020 : 1607].

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 576 с.
2. Горицкий В.А. Россия в названиях улиц Парижа. Paris: DIAKOM-FRANCE, 1997. 157 р.
3. Жаркова Т.И. Тематический словарь методических терминов по иностранному языку / Т.И. Жаркова, Г.В. Сороковых. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2017. 320 с.
4. Красных В.В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Рус. яз. за рубежом. 2011. № 4. С. 60-66.
5. Лихачев Д.С. Исторические названия – наследие духовной культуры народа // Все-союзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры». 17-20 апреля 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1989. 183 с. С. 3-4.
6. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
7. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 184 с.
8. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 13. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. 256 с.
9. Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 333 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2007. 944 с.
11. Павлова А.В. Анализ мотивированности и внутренней формы наименования состояний (на материале английского и русского языков) // Перспективные научные исследования в языкознании: коллективная монография. Под ред. А.В. Павловой. 3-е изд., стер. М.: Флинта, Наука, 2025. 196 с. С. 57-83.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
13. Стернин И.А. Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. 185 с.
14. Справочник улиц города Челябинска / ООО «ЮжУралБТИ». Челябинск: Издательский дом «Кириянов», 2007. 320 с.
15. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1989. 511 с.
16. Nora P. Le présent et la mémoire // Le Francais dans le monde. 1983. № 181. Pp.10-18.
17. Zharkova Tat'yana Ivanovna. The Role Of Native Culture For The Implementation Of Intercultural Communication // X International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. 27-29 April, 2020 European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Published by European Publisher. Article no: 186. Pages 1604-1611. Doi: [10.15405/epsbs.2020.08.186](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.186)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жаркова Татьяна Ивановна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Уральского государственного
университета физической культуры,
SPIN-код: 2174-5443,
e-mail: taniafrance@mail.ru

Zharkova Tatyana Ivanovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the Depart-
ment of Foreign Languages at the Ural State
University of Physical Education,
SPIN-код: 2174-5443,
e-mail: taniafrance@mail.ru

УДК 811.161.1'373.23(470.324)

К.В. Можин

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: mojintour@mail.ru*

**ПРОЗВИЩА НА ОСНОВЕ АПЕЛЛЯТИВОВ С НЕЯСНОЙ СЕМАНТИКОЙ
В ГОВОРЕ С УКРАИНСКОЙ ОСНОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА СЕЛА
БУРЛЯЕВКА НОВОХОПЁРСКОГО РАЙОНА)**

В статье рассмотрены особенности функционирования диалектной лексики в говоре с украинской основой. Отмечено, что украинская лексика постепенно вытесняется лексикой, заимствованной из русского языка. С опорой на исследования других авторов названы факторы устойчивости диалектной лексики. Проведён анализ некоторых прозвищ жителей села Бурляевка Новохопёрского района Воронежской области. Делается предположение о соотносённости прозвищ и существовавших некогда в говоре диалектных слов, ныне утраченных в речи, но сохранившихся в ономастических единицах.

Ключевые слова: диалектная лексика, диалектная ономастика, прозвища, антропонимика, устаревшая лексика

K. V. Mozhin

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: mojintour@mail.ru*

**APPELLATE NICKNAMES WITH UNEXPLAINED SEMANTICS IN UKRAINIAN-
BASED PATOIS (ON THE BASIS OF THE PATOIS OF BURLYAEVKA VILLAGE IN
THE NOVOKHOPERSKY DISTRICT)**

The article considers the features of the functioning of dialectal vocabulary in Ukrainian-based patois. It is noted that Ukrainian vocabulary is being replaced by borrowings from the Russian language. The dialectal vocabulary sustainability factors are named, basing on the studies of other authors. The analysis of some nicknames used by the residents of Burlyaevka village in the Novokhopersky District of the Voronezh Region was conducted in this study. Conclusions were drawn regarding the dialectal words that once existed in the dialect and have been preserved in onomastic units.

Key words: dialectal vocabulary, dialectal onomastics, nicknames, anthroponimics, obsolete vocabulary

Одной из особенностей существования украинских говоров в русскоязычном окружении является пополнение их лексикона путём освоения лексики русского языка [Авдеева, 2008 : 7], при этом часть украинской лексики по тем или иным причинам вытесняется. Во время беседы с диалектоносителями исследователь нередко сталкивается с проблемой: на вопрос, сформулированный на русском языке, информант отвечает, используя русскую лексику. Наши наблюдения показывают, что такое «переключение» не всегда происходит осознанно. Несмотря на это, живую диалектную (украинскую) лексику записать всё же удаётся и при целенаправленных опросах, и в бытовом общении. Понимая задачу диалектолога, некоторые украиноговорящие информанты поправляют своих односельчан при опросе: «*Треба по-хохлячи казати*», «*А ти не по-руськи, а по-хохлячи розказывай*», что говорит о высоком уровне языкового сознания диалектоносителей. В таких условиях лексика, будучи наиболее подвижным языковым пластом, постоянно меняет свой состав.

При заимствовании лексики из русского языка в речи украиноговорящих жителей выстраиваются различные отношения украинских и русских синонимов. В одних случаях про-

исходит их дифференциация на стилистическом уровне, в других – украинские лексемы выходят из употребления, в третьих случаях значения исконной лексики говора сужаются, т. е. происходит семантическая дифференциация отдельных слов [Авдеева, 1996 : 30]. Анализируя говор села Старо-Толучеево Богучарского района Воронежской области, М.Т. Авдеева делает следующие выводы об устойчивости диалектных явлений (главным образом лексического уровня). Устойчивость слов зависит от тех явлений, которые они обозначают. Наиболее устойчива географическая лексика, лексика, обозначающая явления природы и небесные светила, наименования человека и отвлечённые существительные. «Устойчивости имен существительных в говорах способствует, с одной стороны, актуальность тех предметов и явлений, которые они обозначают, с другой – отсутствие связей с предметным миром» [Авдеева, 1999 : 21-22]. Ещё одним фактором устойчивости в паре слов украинское (диалектное) / русское является функционирование диалектных слов в экспрессивно-оценочной роли [там же].

По нашему мнению, к группам устойчивой диалектной лексики следует отнести и диалектную ономастику, в первую очередь микропонимиию и антропонимиию. По-видимому, это связано сразу с двумя факторами: 1) чёткой соотнесённостью с конкретными людьми или объектами и 2) наличием оценочности, что в ономастике не редкость. Прозвища и топонимы, известные сегодня, были даны людям и предметам зачастую предыдущими поколениями жителей села. При этом прозвища могут передаваться из поколения в поколение, становясь поводом фамилий, а микропонимиии сохраняются даже после исчезновения называемого объекта, как обозначение определённого места. К примеру, жители обследованного села помнят микропонимиию *Кривой мост*, хотя сам мост, по свидетельству местных жителей, был смыт в половодье ещё в 1972 году: «Там было, на Мостівке. Міст стариннейший, старинний. Давношний. Дерев'яний. Він уже кривий весь був. Його крыгами збило». Сохранилось также прежнее название части села: *Мостівка*.

Нам удалось обнаружить информацию и об исчезнувших соседних сёлах. Память о них сохраняется в старых картографических изданиях, архивах и памяти местных жителей. Из их рассказов стало известно, например, о селе Бродовском, находившемся некогда в семи километрах к югу от села Бурляевка Новохопёрского района, на правом берегу реки Татарка вверх по её течению. Сергей Николаевич Телюков, уроженец села Бродовское, рассказал историю основания своего родного села. Село Бродовское (в Бурляевке название этого села произносится со стяжённым окончанием: *Бродовскé*) было основано крестьянином по прозвищу *Варéник*: «Очень умный крестьянін. В последующем Вареник его звали. Его потом признали кулаком и туда отправили. Его и улочка в лугу называлась» Из этого короткого рассказа мы узнаём три онима: название исчезнувшего села: *Бродовское*, местное название улицы (части села): *Вареникова* и прозвище: *Вареник*.

Известной проблемой при изучении ономастики села является также выяснение мотивации того или иного собственного имени. С этой точки зрения прозвища можно разделить на две группы: 1) с ясной для информантов мотивацией и 2) с неясной для информантов мотивацией. Причём неясной может явиться не только причина, по которой тому или иному человеку или объекту дано имя, но и лексическое значение слова, служащего собственным именем. М. Т. Авдеева отмечает, что «лишённый возможности развиваться по законам материнского языка, говор может сохранять „законсервированными“ архаические черты, характерные для того периода, когда он был оторван от своей основы» [Авдеева, 1980 : 3]. Нередко именно эти черты (в первую очередь – устаревшая лексика, а также слово- и формообразующие морфемы) становятся преградой к пониманию того или иного слова и, как следствие, приводят к вытеснению его из лексикона. Всё это позволяет предположить, что прозвища могут служить источником для отыскания вышедших из употребления диалектных слов.

Нами было записано и проанализировано 22 прозвища. *Прозвищами* в русском языке называют «уличные» имена, не закреплённые документами, тогда как в украинском языке

прізвище – 'фамилия', *прізвисько* – 'дворовое прозвище' [Редько, 1966 : 6]. Из всех записанных нами прозвищ шесть можем отнести к прозвищам, образованным от слов с неясной семантикой. Под словами с неясной семантикой в данной статье понимаются диалектные слова, лексическое значение которых не смогли объяснить местные жители, и которые неизвестны литературному русскому языку. Причём первый критерий кажется нам более значимым. Например, прозвище *Пампасей*, на первый взгляд, не имеет в русском литературном языке апеллятива, от которого оно образовано. Однако для местных жителей оно не является непонятным. Информанты объяснили появление этого прозвища тем, что его носитель любил *пампасейки* – так в Бурляевке называют леденцы монпансье. Ещё раз отметим, что многие прозвища могут быть охарактеризованы как имеющие неясную мотивацию. К таковым, безусловно, относятся и рассматриваемые в данной статье прозвища, однако неясная мотивация не всегда связана с незнанием лексического значения слова, от которого прозвище образовано.

Рассмотренные нами прозвища можно разделить на *личные* и *семейные*. Следует полагать, что семейные прозвища, подобно фамилиям, имеют с точки зрения сохранения старой лексики больший потенциал. Ю.К. Редько описывает это явление на таком примере: «Жаль, що стару українську назву „золотар“ витіснила в побуті іншомовна, для широких мас етимологічно незрозуміла назва „ювелір“. Давня назва збереглась у старовинних народно-поетичних творах а також у прізвищах Золотар, Золотаренко» [Редько, 1966 : 47]. Вспомним также такие распространённые фамилии как, например, *Ковалёвы*, *Мирошниковы* и подобные.

Ниже даётся попытка отыскать апеллятивы, легшие в основу следующих прозвищ: *Забаштиньі* (*Забашта*), *Какушиньі* (*Какуша*), *Кульнчина*, *Льцарі*, *Тарадайчини*, *Чумарь*.

Забаштиньі (*Забашта*). Наиболее правдоподобным выглядит предположение о том, что прозвище происходит от украинской фамилии *Забашта*. В свою очередь эта фамилия, видимо, имеет тюркское происхождение: *башта* – 'прежде, сперва, вначале, предварительно; Забашта – *за-+башта*' [Ибрагимова, 2009 : 34]. В контексте данной статьи это прозвище для нас наименее интересно, так как оно образовано, видимо, не от утраченного диалектного апеллятива, а от другого онима – фамилии. Однако важное для нас замечание находим у Ю. К. Редько: «Прізвища на -ин утворювалися також від прізвиस्क основоположників роду. Так, від прізвиська Барда утворилося прізвище Бардін, від Башта – Баштін, Брезва – Брезвін...» [Редько, 1966 : 93]. С опорой на это замечание можем предположить, что рассматриваемое прозвище образовано от украинского слова *башта* – 'башня' [Гринченко, т. 1, 1958 : 35]. Таковую модель образования семейных прозвищ мы наблюдаем и в других примерах.

Какуша. Это прозвище может иметь следующие объяснения. В первую очередь можем связать это прозвище со словом из детской речи *какати* – 'звільнитись від перетравлених решток їжі', а также *кака* – 'все, що бридке і брудне'. [Аркушин, 2000 : 204]. Этимологический словарь М. Фасмера указывает на принадлежность двух этих слов к украинскому языку, а также к ряду других славянских языков [Фасмер, 2007 : 162]. Другая дефиниция диалектного слова *какати* – 'подавати голос (про качку)' [Аркушин, 2000 : 204], т. е. русск. *крякать* (ср. также *качка* – 'то же, что вутка' [Авдеева, 2008 : 156]). Ещё одно любопытное предположение сделал Г.Ф. Ковалёв. По его словам, прозвище *Какуша* могло быть дано человеку, который в детстве плохо слышал и от этого часто переспрашивал. После очередного «Как?» его начали называть *Какушей*. Г.Ф. Ковалёв, однако, отметил, что в украинском говоре в качестве вопросительного слова употребляется частица *як*. Эти предположения, так или иначе, связывают появление прозвища с речевыми особенностями отдельного человека: часто повторяемым носителем прозвища словом или звуком. Также моделью или образцом образования этого прозвища могла послужить фамилия *Какуша*. Ю. К. Редько отмечает, что эта украинская фамилия образована русскими морфологическими средствами: «Іншого походження суфікс -уш-а, відомий як демінутивний ще в староруській мові як формант зменшених

імен... продуктивний і сьогодні в російській мові (Павлуша, Петруша). В українських прізвищах ми відмітили його шість разів: Гаркуша, Какуша, Легуша, Лихуша, Матюша, Якуша» [Редько, 1966 : 162]. В связи с этим можем предположить, что в основу прозвища лёг не апеллятив, а другой оним, возможно, фамилия предков носителей прозвища.

Кульнчина. Ю.К. Редько, рассматривая фамилию *Кульба*, пишет: «Можемо лише здогадуватись, що Кульба походить від „кулитися“ (пор. „кульбастиї“ – загнутий), але назва кульба вже не означає дію „кулення“, а людину, яка кулиться» [Редько, 1966 : 116]. Кажется возможной связь прозвища *Кульнчина* со словами *кулення*, *куліти* – 'хромать' [Гринченко, т. 2, 1958 : 322], а также *кулітися* – 'сутулиться, ежиться' [Словник української мови, 1973 : 391]. В этом случае прозвище может быть мотивировано внешностью его носителя, возможно, сутулостью, хромотой или другими недостатками.

Льцарі – наиболее прозрачное в семантическом отношении прозвище. Местные жители, не понимая этого слова, шутливо утверждают, что «в роду у льцарей были какие-то цари», опираясь на созвучие этих слов из-за смещения ударения. Мы же полагаем, что прозвище произошло от украинского слова *ліцари*. Словарь украинского языка содержит четыре дефиниции этого слова. Кроме прямого, терминологического значения, нам интересны следующие: 1) вільний козак-запорожець, якому властиви козацка доблесть і воєнне мистецтво; 2) самовіданий благородний захисник кого-, чого-небудь; 3) вихована, підкреслено чемна людина [Словник української мови, 1973 : 499]. Очевидно, это прозвище вполне соответствует русскому слову *рыцарь* в его переносном значении и дано носителям прозвища за те или иные качества характера в шутку или всерьёз (ср. также: «*Есть ещё льцари на Украине*» [Макаренко, 1971 : 74]).

Тарадайчини также относится к семейным прозвищам. Местные жители предполагают, что на дворе у Тарадайчиных часто играли на балалайке, и вообще было шумно. Можно предположить, что это прозвище образовалось от слова *тарадайчина* – 'плохая тарадайка' [Гринченко, т. 4, 1959 : 247], *тарадайка* – 'двухколёсная телега' [Авдеева, 2012 : 225]. Однако в говоре любая телега в настоящее время называется словом *вóзик* [*вóзык*]. Также возможно образование прозвища от слова *тарадай* – 'тип людей несерьёзных, слабовольных' [Редько, 1966 : 72]. Видимо, прозвище сохраняет утраченную в говоре лексему, имевшую одно из этих значений.

Чумарь. Словарь В. И. Даля содержит две статьи, позволяющие истолковать это прозвище.

1. Чумарка – 'кафтанчик, казакин' (с пометой *южн. новорос.*) [Даль, 1980 : 614]. Украинская речь также знает предмет одежды с подобным названием. Ю. К. Редько пишет: «кравця, що шив тільки один вид верхньої чоловічої одяжі – чемари, або чамари, виражало прізвище *Чамарник*. Правда, таке прізвище могла одержати також людина, яка носила чамару» [Редько, 1966 : 47].

2. Чумары – 'клецки в молоке' [Даль, 1980 : 614]. В селе известно ещё одно прозвище, образованное от названия блюда: *Варениковы*, *Вареник*. Мотивация прозвищ, происходящих от названия блюд, может быть различной. Например, Ю. К. Редько полагает, что «прізвища, утворені від назв страв, як Борщ, Булка, Варениця, Сало, Малай, Молоко, Масло, Юшка і багато інших, могли утворитися завдяки тому, що хтось особливо любив таку страву або частував нею гостей» [Редько, 1966 : 76]. В селе Бурляевка говорят, что прозвище *Варениковы* было дано его первым носителям потому, что, будучи зажиточными, они кормили наёмных рабочих варениками: «*Куда сьогодні підєм? А, к Вареникам*». Напомним, что и основателя исчезнувшего соседнего села также прозвали Вареником.

Как видим, отождествление диалектного онима и того или иного апеллятива зачастую может иметь лишь характер предположений. Нередко на роль такого апеллятива могут претендовать сразу несколько слов. Прозвища могут образовываться и от фамилий, которые, в свою очередь, могут иметь в основе тот или иной апеллятив. Тем не менее диалектная оно-

мастика может являться материалом для реконструкции утраченной диалектной лексики. Реконструкция её может производиться с некоторой приближённой, а неясное значение того или иного прозвища может порождать у диалектоносителей неожиданные предположения о лексическом значении породившего прозвище слова.

Библиографический список

1. Авдеева М. Т. Из наблюдений над лексикой изолированного говора на территории Воронежской области / Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1980. с. 3–6.
2. Авдеева М. Т. Собственно лексические заимствования из русского языка в составе говора с украинской основой / Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1996. с. 24–31.
3. Авдеева М. Т. Факторы устойчивости лексики украинских говоров Воронежской области / Актуальные проблемы диалектологии. Тезисы докладов межвузовской научной конференции 24–26 ноября 1999 г. / Вологда : Русь, 1999. с. 21–22.
4. Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области. В 2 т. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008-2012.
5. Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок У 2-х т. Т. 1. А-Н. Луцк : «Вежа», 2000. 354 с.
6. Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. В 4 т. Киев : Издательство АН УССР, 1958-1959.
7. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р–V. Москва : Русский язык, 1980. 684 с.
8. Ибрагимова В. Ф. Словарь русско-украинских фамилий тюркского происхождения. Симферополь : ОАО Симферопольская городская типография (СГТ), 2009. 116 с.
9. Макаренко А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. Москва : Правда, 1971. 432 с.
10. Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища. Київ : Наукова думка, 1966. 216 с.
11. Словник української мови. В 11 т. Т. 4: І–М. за ред. И. К. Білодіда [та ин.]. Київ : Наукова думка, 1973. 840 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2: Е–Муж. Москва : Астрель, 2007. 671 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Можин Кирилл Викторович,
студент филологического факультета
Воронежского государственного университета,
SPIN-код: [8248-9747](#)
e-mail: mojintour@mail.ru

Mozhin Kirill Viktorovich
student of the Philological Faculty
of Voronezh State University,
SPIN-code: [8248-9747](#)
e-mail: mojintour@mail.ru

УДК 81`373.21

М.А. Грачев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова
(Нижний Новгород, Российская Федерация);
e-mail: ma-grachev@mail.ru*

НИЖЕГОРОДСКИЕ ТОПОНИМЫ КАК ПАМЯТНИК РОССИЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Статья посвящена анализу уголовных названий населённых пунктов Нижегородской области. Цель статьи – исследование криминальных топонимов. В качестве исходного материала был использован ряд источников: научные работы, топонимические словари, фольклор, исторические сведения. В Нижегородской области имеется семьдесят четыре официальных топонима, связанных с преступным миром, из них тридцать два наименования названы в честь лесных и речных разбойников, чаще всего по имени или криминальному прозвищу атамана. Причём фигурируют как мужские, так и женские топонимы, которые предположительно являются реликтами матриархата. Одним из доказательств является распространённость имени *Мария* как атамана разбойников, которое связано с антропонимами *Мара*, *Морена* – название языческой богини смерти у древних русичей. В результате проведённого анализа были сделаны выводы о том, какие языки были использованы при названии данного пласта уголовных топонимов, выявлены особенности их образования. При назывании населённых пунктов использованы как полные, так и неполные имена собственные. При именовании населённых пунктов нередко использовались арготизмы, перешедшие в общий язык. Опрос информантов показал, что память жителей сохранила легенды об основании некоторых населённых пунктов разбойниками.

Ключевые слова: топоним, арготизм, разбойник, уголовные действия, мордовский язык.

М.А. Grachev

*Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov
(Nizhny Novgorod, Russian Federation);
e-mail: ma-grachev@mail.ru*

NIZHNY NOVGOROD TOPONYMS AS A MONUMENT OF RUSSIAN CRIME

The article is devoted to the analysis of criminal names of settlements in the Nizhny Novgorod region. The purpose of the article is to study criminal toponyms. A number of sources were used as the initial material: scientific works, toponymic dictionaries, folklore, and historical information. There are seventy-four official toponyms associated with the criminal world in the Nizhny Novgorod region, of which thirty-two are named after forest and river robbers, most often after the name or criminal nickname of the ataman. Moreover, there are both male and female toponyms, which are presumably relics of matriarchy. One of the proofs is the prevalence of the name Maria as the chieftain of the robbers, which is associated with the anthroponyms Mara, Morena – the name of the pagan goddess of death in the ancient Rus. As a result of the analysis, conclusions were drawn about the languages used in the naming of this layer of criminal toponyms, and the features of their formation were identified. Both full and incomplete proper names were used in the naming of settlements. Argotisms that had become part of the general language were often used in the naming of settlements. The survey of informants showed that the residents' memories retained legends about the founding of some settlements by robbers.

Keywords: toponym, argotism, robber, criminal activities, Mordovian language.

Цель статьи – исследование криминальных топонимов в Нижегородской области.

Источниками послужили словари топонимов, научные топонимические исследования, легенды, результаты опроса местных жителей, см. подробнее в работах – [Грачев 2001; Грачев 2009; Легенды 2002; Мельников 1993; Морохин 1997; Народная проза 1992; Никонов 1966; Русинов 1994; Трубе 1962; Унбегаун 1995].

В России сохранилось множество топонимов в честь знаменитых преступников: речных, лесных и городских разбойников. Самые известные из них: названия знаменитых Жигулей, в честь так называемых *жигу'лей* – преступников-беглецов из мест лишения свободы. Там же есть и *Молоде'цкий курган*: название в честь *мо'лодцев* – волжских разбойников, который был у них базой и удобным местом, где они грабили купцов [Грачев 209: 101-104]. Заметим, что начиналось всё с новгородских ушкуйников - *моло'дших* людей (см. подробнее об этом наш исторический роман «Кошмар Золотой Орды»), которые совершали дерзкие рейды по Волге с целью грабежей прибрежных селений как русских, так и татарских, мордовских, марийских, болгарских [Грачев 2010]. Заметим, что родственными словами к лексеме *жигу'ля* являются слово *жига'н* – *крупный* дерзкий вор, отсюда топоним в Сибири – *Жиганск*.

Так, в Нижегородской области имеется около семидесяти официальных топонимов, связанных с преступным миром, из них 32 наименования названы в честь лесных и речных разбойников.

Хотя и в топонимических названиях преобладают мужские имена, но тем не менее встречаются и женские.

Ма'рына ро'ща в районе ул. Бекетова в Нижнем Новгороде названа в честь атаманши-разбойницы *Марьи*. Заметим, что в Москве таких названий – *Ма'рына ро'ща* – три. Возможно, что действительно данное название появилось благодаря имени *Марья*, а может быть, сюда примешалось ещё и имя богини смерти в славянской мифологии – *Ма'ра*, *Море'на* или арготические лексемы *ма'ра*, *мару'шка* – женщина. В честь разбойницы *Марьи* раньше называли и район Нижнего Новгорода – Сормово: было когда-то на его месте деревня – *Ма'рыно*, а также исчезнувшее в тех краях озеро *Ма'рыно*. В честь женщин-разбойниц названия некоторые местности в Сормовском районе Нижнего Новгорода, по преданию они связаны с именами двух сестёр-разбойниц *Марьи* и *Дарьи*, которые грабили на дороге вдоль Волги [Морохин 1993: 31].

Ещё резче это отражено в арго: *мари'я* – контаминация имени *Мария* + раннее арготическое слово *ма'ра* – "женщина, бабёнка", а последнее, в свою очередь, восходит к южному территориальному диалектизму *ма'ра*, что означает «видение; привидение; ведьма; кикимора; туман, марево». Но диалектизм *ма'ра* образован от названия славянской богини смерти - *Ма'ры* (*Мо'ры*), *Мару'хи*, *Маре'ны* (этимологически родственными будут слова: *мор*, *мёртвый*, *смерть*, *морок* – "наваждение") [Иванов, Топоров 1991: 343-344; Юсим 1991: 344]. Думается, что данное слово индоевропейского происхождения, ср. с укр. *мо'ра* - "нечистый дух", болг. *мора'*, польск. *ta'ra* – "кошмар", франц. *cauchmar* - "кошмар" и англ. *nightmare* – "ночной кошмар"; в индийской буддийской мифологии *ма'ра* - "убивающий, уничтожающий") – "персонифицирующее зло и всё то, что приводит к смерти" [Мяль 1991:343]. Несомненно, к имени *Маре'на* восходит и имя собственное *Марина*, фигурирующее в былинах про Добрыню Никитича: там она выступает в ипостаси ведьмы, чародейницы, см., например былинку "Три года Добрынюшка стольничел"). [Былины 1991]. "*Ма'ра* – имя чучела, которое сжигают на костре в ночь на Ивана Купалу. Поэтому *Марью* в купальских песнях-легендах можно считать трансформацией образа *Марьи*" [Юсим 1991: 344] (См. подробнее об этом в статье М.А. Грачева об Иване да Марье [Грачев 2001: 64-69].

В Московском и Сормовском районах протекает река *Параши*, названная в честь знаменитой разбойницы, по преданию, орудовавшей в тех краях [Морохин 1997: 41], хотя, возможно, название может быть дано и из-за нечистот и дурного запаха. Топоним *Натальино* в Навашином районе дан по имени атаманши разбойников *Натальи*, у которой был стан недалеко от посёлка *Навашино* [Морохин 1997:134].

Заметим, что в честь знаменитой Алёны Арзамасской, старшицы, колдуньи, еретицы, – как называла её церковь, топонимов нет, хотя она была атаманшей большого вооружённого отряда в 1,5 тыс. человек и помогала С.Т. Разину. Её шайка была разбита царскими воевода-

ми в с. Темникове, а сама она сожжена. Хотя памятник ей в Арзамасе недавно поставлен и местные жители её почему-то называют русской Жанной Дарк (!). Возможно, такие топонимы являются реликтами матриархата, в котором доминировали решительные женщины

Среди знаменитых разбойников и бандитов на территории Нижегородской области был, судя по легенде, и Соловей-Разбойник, пришедший то ли родным, то ли двоюродным братом мордовскому князю Дятлу, который также совершал разбойничьи набеги на русские земли. В честь него названы Дятловы горы, на которых сейчас расположен нижегородский кремль, недалеко от места слияния Волги и Оки. Хотя существование его исторического прототипа очень туманное. Где был знаменитый Соловей, история предлагает несколько версий, см. выше одну из них. И конкретно на этого разбойника топонимы не указывают, хотя по Нижегородской области очень много населённых пунктов *Соловьёво*, *Соловьёвский*, *Соловьиха* и даже *Соловейка*.

Кудеярово урочище – по кличке разбойника *Кудеяра*. Есть ещё *Кудеярово* – южная часть г. Лукоянова, якобы по имени легендарного разбойника *Кудеяра*. Есть мнение, что прозвище мусульманского происхождения, что значит – "любимый богами" (Во всяком случае так об этом говорит Н.В. Морохин в "Нижегородском топонимическом словаре" [Морохин 1997: 71]. Хотя можно трактовать и по другому, как сложное слово – *куде* – "чудо" и *яр* – "производитель", то есть тот, кто производит чудо, иными словами – колдун. (См. этимологически родственные слова *кудесник*, *чудеса*). Дело в том, что названий с именем *Кудеяр* очень много в средней полосе России, см., например, в районе Жигулей – *Кудеярова гора*. Наверяд ли, это про одного разбойника. Крестьяне считали разбойников и за волшебников, и, вероятно, такие названия давались каждому крупному преступнику. Во всяком случае, многие предания и сказки содержат в себе указания на наличие волшебных свойств у крупных разбойников (у Степана Разина, Алёны Арзамасской).

Многие нижегородские населённые пункты, согласно легендам названы в честь мордовских либо русских преступников. Поэтому названия были либо на русском, либо на мордовском языках. Вот примеры из мордовского языка: *Ке'кино* – название в честь разбойника в Воротынском районе, образованное от мордовского мужского языческого имени *Ке'киша*; по преданию, в тех краях здесь орудовал разбойник *Кека* [Морохин 1997: 104], *Салави'рь* – село в Навашином районе, от мордовского *сала'й* – «похищение, кража» и *вирь* – «лес». Предание связано с разбойниками [Трубе 1962:169]; *Салале'й* – название села в Вадском районе. От мордовского *салай* – «вор, похититель» и *лей* – *овраг*, *ручей*. Местные предания рассказывают о том, что здесь жили разбойники, которые грабили путников на дороге [Морохин 1997: 169].

В Воскресенском районе имеется деревня Буслаево. Согласно местной легенде название дано потому, что в этих местах орудовал атаман разбойников *Буслай*. Однако этих *Буслаевых* по средней полосе России также бесчисленное множество. *Бусла'й* в "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля имеет значение *гуляка*, *пьяница*, *драчун*. Как тут не вспомнить быллинного атамана новгородской вольницы Ваську Буслаева! Дело ещё и в том, что в воровском арго *бусать* – пить вино (именно от этого арготизма образовалось слово *бухать* с тем же значением) [Грачев 2003: 89].

О преступнике *Сявке* (название населённого пункта Ся'ва) в ряде словарей использована народная этимология. Дело в том, что это одесское произношение слова *шавка* – мелкий преступник, появившееся в 20-х годах XX в., см. словарь С.М. Потапова [Потапов 1927: 132].

По мнению некоторых жителей, деревня Во'рвань (Павловский район) названа так потому, что первым поселенцем был *вор Ваня*. Здесь также наблюдается «народная» этимология.

Есть предания о названиях и есть названия, действительно отражающие исторические факты. Об одних народ говорит с сочувствием, о других – с осуждением. В основном, это обозначения местечек, деревень, сёл.

Возможно, в русском народе так уж повелось – увековечивать только разбойников, которые пролили кровь. Например, нет топонимов о знаменитом преступнике Ваньке Ка'ине, так как он был ещё и доносителем в Сыскной приказ Московской полиции, и картёжник. Следовательно, топонимы о разбойниках бытовали, в основном, в сельской местности. А городская цивилизация не могла позволить назвать в честь явных (профессиональных) уголовников улицу или район.

Что касается арготических обозначений населённых пунктов, то их немного: уже упоминавшееся *Ся'вка*, см. также название ул. *Оша'рская* (*Оша'ровка*) в Нижнем Новгороде – месте, где грабили, *ошаривали* (*обшаривали*). Аналогично происхождение название *Оша'ра* в г. Богородске и Семёнове. Кстати, в Самарской области есть и тезка нашей *Оша'ровке* (или *Оша'рам*), с. *Обшаровка*, а рядом с этим селом – село *Отважное*, курган, где волжские разбойники грабили царевы и купеческие суда, а также уже упоминавшаяся *Кудея'рова гора*, *Воево'дино урочище* (где был убит воевода молодцами-разбойничками, Воровское Городище). Так, в Оренбурге имеется название улицы имени *Хлопу'ши* – сподвижника Е.И. Пугачёва. Образованная от арготической лексемы *хло'пать* – лгать, болтать, буквально *хлопу'ша* – лгун, болтун. Настоящие фамилия, имя, отчество – Соколов Афанасий Тимофеевич.

Интерес представляет собой этимология топонима Мирша в Дальнеконстантиновском районе. Предание рассказывает, что около деревни произошла битва русских с мордвой, когда обе стороны закричали: "Мир, ша!" Предание это событие относит к седой старине. Но, оказывается, *ша* восходит к русскому воровскому жаргону и его первое появление относится к началу XX в., где *ша* имело следующие значения «молчи»); «стоящий на посту околоточный надзиратель»; «стоящий на посту милиционер», которое русские преступники заимствовали то ли из древнееврейского языка (древневр. sha "тише"), то ли из цыганского saba "восклицание, означающее "молчи") [Грачев 2003: 1132]. А военные столкновения между двумя народами прекратились в XVIII в., если сюда включать мордовские восстания.

Из названий уголовного мира преобладают топонимы разбойников. Нередко они связаны с определёнными преданиями о них, например, с необычной смертью, но больше с их противоправной деятельностью. Преступные названия чаще всего связаны с сельской местностью. И это понятно. Крестьяне считали разбойников за колдунов. Во всяком случае, за тех, кто перешёл черту, отделяющей их от Бога. Даже само выражение *байковый язык* – арготизм от слова *баять* – колдовать при помощи слов (образовано от диалектизма *баять* – говорить), отсюда кот *Баюн* – кот-колдун, волшебный кот, *обаять* – околдовать, *обаятельный* – изначально: колдовской, *байковый язык* – буквально колдовской язык.

Сельские жители были тесно связаны с лесными разбойниками, которые их использовали в качестве *наводчиков*, сторожей, разведчиков; лесные разбойники на зиму квартировали у крестьян (родственников, любовниц и т.д.). Разбойники считались справедливыми людьми: по мнению крестьян, они никогда не грабили бедных, а только богатых (не догадываясь о простой истине, что у бедного нечего взять). Не случайно большое количество разбойничьих песен перешло в народ. Долгое время они назывались историческими или народными (см. «Не шуми, мати зелёная дубровушка...», «Солнце всходит и заходит...», «Живёт моя отрада в высоком терему» [Грачев 2000]. Одним словом, у разбойника был ореол героя, удальца и мученика, боровшегося с властью и страдающего за справедливость.

Точно так же перешло и много лексем из их арготизмов, см. примеры: *измываться* – издеваться (в арготизме название пытки: человека привязывали к скале или к большому камню и на голову лили холодную воду, после какого-то времени он сходил с ума); притон – «тайная пристань волжских разбойников» (как здесь не вспомнить современный топоним в Нижегородской области в честь знаменитого волжского и каспийского разбойника и пирата Затон им. Степана Разина!), *сорынь* – в территориальных диалектах Поволжья – «хулиганы» (см. контекст *сорынь на улице гомонит*), соотносится с боевым кличем волжских разбойников *сорынь на*

кичку! – «бурлаки и обслуга, переходите на нос корабля, пока разбойники не разделаются с хозяином, охраной и приказчиками!» [Грачев 2003: 864].

Народ называл в честь разбойников те населённые пункты, вероятно, за какие-то справедливые, по их мнению, действия, а может, имя разбойников чаще упоминалось в речи, поэтому и названия были даны в честь них.

В ряде нижегородских преданий имеется информация о том, что некоторые населённые пункты были основаны разбойниками, как, например, районный посёлок Спасское был основан разбойником Чёрным.

В областных топонимических словарях встречаем множество «народных» этимологий о происхождении определённых топонимов, среди них немало количество занимают названия, связанные с разбойниками и – шире – с деклассированными элементами. Например, д. Тришкино Воротынского района Нижегородской облвсти названо так потому, что, по преданию, в этих местах орудовал разбойник *Тришка*; д. Теряево Богородского района Нижегородской области – местное предание гласит, что здесь на Московской дороге из-за разбойников купцы "теряли" многое из своего товара [Морохин 1997; Трубе 1962].

В образовании уголовных топонимов были задействованы как полные, так и неполные имена, с преобладанием последних.

По национальному признаку преобладают русские топонимы, но встречаются и мордовские географические названия, например: *Кекино, Салавирь, Салалей*.

В результате проведённого анализа мы пришли к следующим выводам:

1. криминальные топонимы, появившиеся, в основном, в дореволюционный период, в Нижегородской области занимают значительное место в общих географических названиях;
2. среди них почти половину составляют топонимы, связанные с речными и лесными разбойниками;
3. появление их связано с определённым влиянием на часть крестьянства;
4. в их образовании использовались два языка – русский и мордовский;
5. женские топонимы, восходящие к именам разбойниц, возможно, являются реликтами матриархата;
6. такие же топонимы наблюдаются и в других регионах России

Библиографический список

1. Былины / Сост. В.И. Калугин. М.: Современник, 1991. 767 с.
2. Грачев М. А. Песни той острог - недалёк // Нижний Новгород. Нижний Новгород, 2000. № 1. С. 243-254
3. Грачев М.А. Генезис арготизмов *иван и мария* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. Выпуск 1(3). Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2001. С. 65-69
4. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арга: 27 000 слов и выражений. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 1120 с.
5. Грачев М.А. Жигули и жиган // Русская речь. 2009. №2. С.101-104
6. Грачев М.А. Кошмар Золотой Орды. М.: Вече», 2010. 288 с.
7. Иванов В.В., Топоров В.Н. Мара // Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 343-344.
8. Легенды и предания Волги-реки: Сборник / Сост. В.Н. Морохин. 2-изд., испр., и доп. Нижний Новгород: издательство «Книги», 2002. 544 с.
9. Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки (1817-1917): Издание второе. - Нижний Новгород: Изд-во АО "НКЦП", 1993. 300 с.

10. Морохин. Н.В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. 216 с.
11. Мьяль Л. Мара // Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 343
12. Народная проза / Сост., вступ. Ст., подгот. Текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992. 608 с.
13. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Издательство: «Мысль», 1966. 514 с.
14. Потапов С.М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М.: Народный комиссариат внутренних дел, 1927. 197 с.
15. Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Нижний Новгород: изд-во «Нижний Новгород», 1994. 200 с.
16. Трубе Л. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький: Горьк. кн. изд-во, 1962. 192 с.
17. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии: Пер. с англ./ Общ. ред. Б.А. Успенского / Изд. 2-е, испр. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 448 с.
18. Юсим М.Ю. Мара// Мифологический словарь.М.: Сов.энциклопедия, 1991. С.344.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Грачёв Михаил Александрович,
профессор кафедры преподавания русского
языка Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А.
Добролюбова, профессор, доктор филологи-
ческих наук;
SPIN-код: [7366-3601](#)
e-mail: ma-grachev@mail.ru

Grachev Mikhail Aleksandrovich,
Professor of the Department of Russian
Language Teaching at the Nizhny Novgorod
State Linguistic University named after N.A.
Dobrolyubov, Professor, Doctor of
Philology;
SPIN-code: [7366-3601](#);
e-mail: ma-grachev@mail.ru

УДК 811.161.1+81'282

Л.В. Недоступова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

В ПРОСТРАНСТВЕ ВОРОНЕЖСКИХ ДЕРЕВЕНСКИХ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ИМЁН

В статье рассматриваются деревенские прозвища. Предметом работы оказываются особенности функционирования неформальных имён в сельской коммуникации. Целью исследования выступает установление неофициальных именовании, бытовавших в антропонимическом пространстве жителей Кондрашовки и Скнаровки Воронежской области; конкретизация значений; уточнение мужских, женских и принадлежащих сельской семье; обнаружение способов образования номинативных единиц, экспрессивных коннотаций и возникающих ассоциаций, посредством речи диалектоносительниц. Методами изыскания выступают: интервьюирование, наблюдение, описание и количественный подсчёт. В результате проведённой работы зафиксированы 43 номинации, условно представленные 18 группами. Определены модификаты имён. Показано, что самым продуктивным способом образования прозвищ выступает суффиксация. Объяснено диалектное оформление некоторых именовании. Указаны антропонимы с ласкательной, неодобрительной коннотацией и иронией. Обозначены имена, которые осуждаются и одобряются в языковом коллективе и др. Сделан вывод о том, что неофициальный диалектный антропонимикон в пространстве воронежской деревни составляет часть лексикона каждого коренного жителя и демонстрирует устойчивость. Результаты исследования могут использоваться при изучении регионального ономастикона, отображённого в народных говорах, а также на семинарах и конференциях по краеведению.

Ключевые слова: диалектный антропонимикон, неофициальные имена, значение, способы образования.

L. V. Nedostupova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

IN THE SPACE OF VORONEZH VILLAGE UNOFFICIAL NAMES

This article examines village nicknames. The subject of the study is the peculiarities of the functioning of informal names in rural communication. The aim of the study is to identify informal names that existed in the anthroponymic space of the residents of Kondrashovka and Sknarovka in the Voronezh region; concretize meanings; clarify male, female, and those belonging to a rural family; identify methods of forming nominative units, expressive connotations, and emerging associations through the speech of dialect speakers. Research methods include interviews, observation, description, and quantitative calculations. As a result of the study, 43 nominations were recorded, conditionally represented by 18 groups. Modifications of names were determined. It is shown that suffixation is the most productive method of nickname formation. The dialectal formation of some names is explained. Anthroponyms with affectionate, disapproving connotations, and irony are indicated. Names that are condemned and approved within the language community, etc., are identified. It is concluded that the unofficial dialectal anthroponymicon in the Voronezh village constitutes part of the lexicon of every native resident and demonstrates stability. The results of the study can be used in the study of regional onomasticon reflected in vernaculars, as well as in seminars and conferences on local history.

Key words: dialectal anthroponymicon, unofficial names, meaning, methods of formation.

Изучение диалектной лексики в контексте антропоцентрической парадигмы является одним из направлений деятельности многих исследователей. Именно «преимущественное внимание к речи индивида, к его социальным характеристикам» [Герд 2010 : 6] стало факторами, определяющими разные векторы лингвистики XXI века.

Важно отметить, что рассмотрение диалектного антропонимикона на полевом материале выступает составной частью ономастических изысканий. В качестве предмета исследова-

ния он обозначен в работах следующих учёных: Т.Н. Чайко [Чайко 1971]; В.А. Флоровской [Флоровская 1976]; И.А. Королёвой [Королёва 1994]; Т.Т. Денисовой [Денисова 2007]; А.С. Щербак [Щербак 2003]; Т.А. Потаповой, А.С. Щербак [Потапова, Щербак 2008]; А.В. Шевлякова [Шевляков 2007]; Е.С. Шостка [Шостка 2009]; О.В. Максимовой, Е.А. Нивиной [Максимова, Нивина 2011]; Г.Н. Тюриной [Тюрина 2012]; А.В. Гузновой [Гузнова 2015]; Ю.Н. Драчевой, А.Б. Крыловой [Драчева, А.Б. Крылова 2016] и др.

В Воронежской области над данной проблематикой работали: С.А. Федорова [Федорова 2022], Е.И. Сьянова [Сьянова 2006], Л.Н. Верховых [Верховых 2007, 2016], Л.Д. Горелова [Горелова 2011], Л.В. Недоступова [Недоступова 2024, 2023] и др. В силу немногочисленности исследований сельский ономастикон изучен недостаточно.

В настоящей статье мы обращаемся к речи деревенских жителей Воронежского края, зафиксированной в разное время. Из уст нескольких респондентов: Новиковой А.П. (1939 г.р.), проживавшей в селе Кондрашовка Семилукского района и Бабарькиной П.С. (1934 г.р.), проживавшей в селе Скнарровка Кантемировского района, записаны неофициальные имена.

Укажем, что в 60 км от областного центра и в 40 км от районного центра – Семилук, при слиянии рек Ведуги и Серебрянки, находится село Кондрашовка. Оно «было основано в начале XIX века. До 1923 года село входило в состав Землянского уезда Воронежской губернии. В 1864 (по другим данным в 1869) году в центре села была построена церковь Николая Чудотворца. Оригинальная по своей архитектуре церковь возведена в формах эклектики с элементами классицизма и русского стиля.<...> Приход насчитывал 163 двора, в которых проживало 1334 человека.

Церковь <...> является объектом исторического и культурного наследия областного значения» [Село Кондрашовка : URL], однако теперь она заброшена. Известно, что в настоящее время в селе располагается прудовое хозяйство «Рыбное место»; численность населения – 223 человека.

Далее о Скнарровке: «село в Кантемировском районе Воронежской области России. Входит в состав Смаглеевского сельского поселения. <...> Расположено на берегах речки Богучарки в 16 км от Кантемировки и в 5 км от Смаглеевки. <...> Село возникло в 1750 году в связи с переходом таловских крестьян с Алексеем Скнаркой на новое место жительства» [Скнарровка : URL]. Заметим, что «село Талы (ранее слобода) основано острогожскими казаками» [Талы : URL]. Численность населения села Скнарровка составляет 433 человека [Население села : URL]. Здесь есть сельский клуб, фельдшерско-акушерский пункт, общеобразовательная школа.

Предметом настоящей работы оказываются особенности функционирования неформальных имён в сельской коммуникации. Целью исследования выступает установление неофициальных именованных, бытовавших в антропонимическом пространстве жителей Кондрашовки и Скнарровки Воронежской области; конкретизация значений; определение мужских, женских и принадлежащих сельской семье; обнаружение способов образования номинативных единиц, экспрессивных коннотаций и возникающих ассоциаций, посредством речи диалектоносительниц.

В процессе подготовки статьи использованы следующие методы: интервьюирование, наблюдение, описание и количественный подсчёт.

Обратившись к Большому современному толковому словарю, находим значение понятия антропоним: это «любое собственное имя (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним), которое может иметь человек» [БТС : URL].

Н.В. Подольская определяет диалектный антропонимикон как «диалектную форму антропонима, а также антропоним, образованный от слова диалектной лексики» [Подольская 1988 : 33].

Поскольку в науке представлено множество определений понятия «прозвище», в дан-

ной работе мы остановимся на предложенных известными исследователями – А.В. Суперанской и В.К. Чичаговым: «прозвища выполняют функцию «социальной легализации личности, включающую в ряде случаев информацию о родственных отношениях, происхождении и положении в обществе» [Суперанская 1973 : 274]; «слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определённом, часто довольно замкнутом кругу общества» [Чичагов 1959 : 5].

Ввиду того, что антропонимы выступают частью ономастического пространства определённого социума, и «главное свойство имени собственного – способность индивидуализации» [Рут 2001 : 63], то выявление того, какими номинациями деревенские люди наделяли друг друга, становится любопытным.

Из уст А.П. Новиковой, как представляется, носительницы русских говоров, известно, что *в дирéвни звать па-ўлишинуму всех. Жілі все вон как дру́жна, ла́дна, мі́рна. Всякаи бы́ли про́звишиа.*

По свидетельству Бабарыкиной П.С., как оказалось, носительницы русско-украинских говоров, также становится очевидным, что в сельском социуме люди нарекали друг друга неофициальными именами. Языковой материал позволяет транслировать, что *«называ́лы по кли́чкэ за глаза́, по ста́рой як бы сказа́ть по тради́ци».*

Представим зарегистрированные именованья по условно обозначенным группам:

1. 1. *Отфамильные антропонимы:*

Гыболы́ – от фамилии Гиболины: *Гыболы́ – онэ Гыболыны хвомы́лья.*

Сушкі́ – от фамилии Сушковы: *Када́ замуш-та вы́шла за Сушкова́ – аттэ́да и пашли́ Сушкі́.*

Шуля́пы – от фамилии Шулепины: *Ну Шуля́пов кро́ди мно́го то́жа. Фамі́лья – Шуле́пины, а эт ана́ пакаро́чи.*

Про́нина – от фамилии Прошко́: *Цэ Прошко́ Мыко́ла тади́ купы́в ха́ту. А жі́нку зва́лы Про́нина. Так и нра́выца ка́жэ, ёю.*

Бели́к – от фамилии Беликов: *У нас ту́тачки Беликава́ Беликом звать.*

Полушо́к – от фамилии Полушков: *Палушо́к пасярэ́д у́льцы живе́ть, он та́х-та Палушкóв.*

Тушкáн – от фамилии Тушканов: *Тушкáн в га́завай рабо́тал тады́, гута́рють: уж не́ту давны́м-давнó Тушкáнава.*

Бельчи́ха – от фамилии Беликова: *Жану́ Беликава́ Бельчи́хай дра́жняют.*

Полуши́ха – от фамилии Полушкова: *Тоську́ Полушкóву дра́жняют Полуши́хай.*

Егоро́вна – от фамилии Егорова: *Егоро́вну лю́ди лю́бють, памага́я фсяды́, кали́ абрати́шьси. Егоро́ва Ве́рка.*

Кастри́ка – от фамилии Кастрикина: *Кастри́ка – ну а така́я-т фамі́лья у ней – Кастри́кина.*

2. *Отыменные антропонимы:*

Грышакы́ – от имени Григорий (Гриша): *Зва́лы Грышакы́ по де́ду. Есть Гры́шка, був вин. И так Грышакы́ покы́ помэ́рлы ста́ри лю́ди. И так Грышакáмы и кли́калы.*

Хвйлины́ – от имени Филя: *Нас зва́лы Хвйлины́. Я у сваго́ ацця́ распра́шивала: аткэ́да эт. Гвары́л, ат де́да Хвйльки.*

Яклевна́ – от имени Яков: *Назва́лси двор и па о́чиству хазя́йки Яклевнай. Ту́та срóду зва́лы «Дом Акі́михи, Акі́мавны», ря́дам Яклевнай.*

Стефа́новна – от имени Стефан: *Да́ли двор Сте́фанавны, эт па Стефа́ну.*

Саве́левна – от имени Савелий: *На друго́м па́рядки, пада́ли – хата́ Саве́ливнай, эт ат Саве́лья.*

Макаро́шины – от имени Мака́р: *Па де́ду Мака́ру кли́чка Макаро́шины.*

1. 3. *Антропонимы от отчества:*

Трушкина – Трофимовна: Трушкина – а́на вить Трафи́мавна.

Акі́миха – Акимовна: Там во́на живе́ Акі́миха, хата нибальшы́я. Вриднава́тая ба́ба. Ана́ Акі́мавна.

Семё́ниха – Семёновна: Семёниха цвяты́ разво́дя. Ё́ице па о́чиству так заву́ць на́шинскія: Семёна́вна вить.

4. *Антропонимы, данные по месту проживания:*

Зарэ́чинскіе – по расположению дома за рекой: Ха́та адная там стая́ла. За ряко́й жы́ли. Чрезь ни́е в клуп хади́ли. Так и звать ста́ли йих – Зарэ́чинскаі.

Кантемі́р – житель Кантемировки: Цэ́ с Кантемі́равкы прыйі́хав, так вин Кантемі́р.

Скна́рэночка – жительница Скнаровки: Та Ра́йка та та́мэчкы жы́лы, узна́лы шо са Скна́ровкы – так и дава́йтэ Скна́рэночкай назува́ть.

5. *Антропонимы, данные по профессии:*

Сварно́й – сварщик: То́лик атучи́лси на сва́ршика, прадражні́ли праме́ж сибé Сварно́й.

6. *Антропонимы, данные по занятости (роду деятельности):*

Бурё́нкин – фермер, имевший в хозяйстве стадо коров, реализующий молочные продукты: Бурё́нкин каро́в де́ржа, хлапо́т хватя́я. И пада́ййт на́да Бурё́нак, и прада́ть малака́.

Бурё́нковы – по прозвищу отца Бурёнкин: У Бурё́навых малако́ жи́рная, сла́ткая. К ним о́чрить лю́ди займа́ють, чиб купі́ть сыма́к да малачка́.

Тру́сиковы – кролиководовы: А вот в аднэм дваре́ кра́лі, бувáла, павыпры́гваюць и ска́чуть скрозь двара́. Тру́сикавы их дра́жним.

Пря́лочники – семья, в которой изготавливали прялки: Ваня́ка пря́лачны́й ма́стир, з де́рива выряза́л, збира́л. Ба́бам на́лажвал патро́хи. Вот и звать се́мью Пря́лачники.

7. *Антропоним, данный по способности очаровывать:*

Колду́н – очаровывающий красивых девушек молодой человек: Ма́лыі аді́н де́вак за-яжжа́л завляка́ть, в клу́би, пакэ́дава танцу́льки шли. Талкава́ли, ані́ с ума схаді́ли на нём, на Калду́ну.

8. *Антропоним, данный по цвету кожи (загару):*

Уго́лёк – любитель рыбалки: Са́шка кру́глай год на пруде́: рыба́лку и ры́бу лю́бя. Лицо́ аш шака́ла́дная. Вот и звать Уго́лёк.

9. *Антропоним, данный по косолапости:*

Косало́пкины – люди с врождёнными деформированными стопами: А вот у вэ́нних все с нага́ми касала́пымы: че́ у Во́фки, че́ у дите́й. Кличка́ і́хава Касало́пкины.

10. *Антропоним, данный по состоянию души:*

Уны́шы́ха – унылая, грустная женщина: То́нька всяда́ уны́лая хади́ла, аб че́м-та гру-сті́ла. Кли́кають Уны́шы́хой.

11. *Антропоним, данный по вредной привычке:*

Бухва́ловы – любители чрезмерно пить спиртные напитки: У э́тих разлю́лі-малі́на, пьем и висе́лімси. Вот и Бухва́лавы паэ́тму.

12. *Антропоним, данный по особенности речи:*

Чилё́ноковы – быстро говорящие люди: Ха́зья́н тарато́рка, сраза́м и ни пайме́шь, как чиля́ты чили́кають. Вот ані́ и Чилё́ноковы.

13. *Антропонимы, данные по чертам характера:*

Кула́га – смелая, решительная женщина: Дю́ню бра́тка Кула́гай звал, а́на ничё ни ба́ялася. Сме́лая дю́жа была́.

Анчу́тка – стремившийся пакостить человек: Аньчу́тка ма́ленькай злю́бишай: глаза́ вы́пуча, я́дам нали́тыя. Так и глиди́: напа́кастить.

Анчу́ткины – пакостные, злые люди: Э́ти вазьмі́ атарві́ и вы́брась, ма́ханькаі, ничаго́ ни ба́ятца, да ишишо́ и па́кастють. Звать Анчу́ткиными. Ані́ как че́рти.

14. *Антропоним, данный по способности двигаться:*

Черке́с – быстро передвигающийся на лошади человек: Как, бувáла, сядя́ на каня́

Мішка, он вдáритца скакáть. Паганяя, трúситца. Кáжуть: «Черкés летіть».

15. Антропоним, данный по единичному случаю:

Колобок – попросивший однажды слепить колобка ребёнок: Адін прасіл мáтерю кáлабка скáзашинага сдéлать, слéзы лил. Так вóта и жízню прóжил Кáлабкóм.

16. Антропонимы по образу жизни:

Хвїлев – любитель бодрствовать по ночам: Па всем начáм скáча, и чéй жа он блúдя. Эт Хвїлев.

17. Антропоним, данный за гостеприимство:

Самовар – любитель угощать: У Самавáра варóты нараспáшку: чаї ганяють дéнна и нóшна.

Отдельно следует сказать о группе прозвищ с неясной этимологией. Мы зафиксировали 2 антропонима, обозначающих лиц мужского пола: *Товчúх: Сáша Товчúх хто йивó знáе. Вот цэ бáчиш Сáша прэподавáв – так кáжэ. Дóжэ не мéю поня́тя. Чёрти як онó.* Данное имя не отражено в используемых нами источниках. Далее, *Калюш: Ну нóсэ вин Калюш, ну ш ну чёрти чéй на такé прóзвышишэ.*

Обратившись к Интернет-ресурсу, мы нашли следующие версии о происхождении фамилии Калюш, выступающей в данном варианте прозвищем: «1. *Полякского происхождения*: <... > возможно, эта фамилия имеет корни в польском языке или связывается с польской культурой и традициями. 2. *Украинское происхождение*: <... > может быть, фамилия происходит от украинского слова или имеет значение, связанное с украинской идентичностью. 3. *Именное происхождение*. Возможно, она происходит от имени Калюш или прозвища, связанного с этим именем. Прозвище может относиться к характеристикам, профессии или другим особенностям носителя фамилии. Однако именное происхождение фамилий может быть сложно отследить без достаточного исторического контекста» [Каталог фамилий : URL]. Полагаем, что 2-я версия более правдоподобна в нашем случае, поскольку респондент, из чьих уст зафиксирован антропоним *Калюш*, является носителем русско-украинских говоров.

Итак, в деревенском ономастическом пространстве нами зафиксированы 43 неофициальные именованья. Они репрезентируются мужскими, женскими номинациями и данными сельской семье (семейными).

Выявленные имена представлены 18 группами: отфамильные антропонимы (11 номинаций); отыменные антропонимы (6 номинаций); антропонимы от отчества (3 номинации); антропонимы, данные по месту проживания (3 номинации); антропонимы, данные по профессии (1 номинация), по занятости (роду деятельности) (4 номинации), по способности очаровывать (1 номинация), по цвету кожи (загару) (1 номинация), по косолапости (1 номинация), по состоянию души (1 номинация), по вредной привычке (1 номинация), по особенности речи (1 номинация), по чертам характера (2 номинации), по способности двигаться (1 номинация), по единичному случаю (1 номинация), по образу жизни (1 номинация), по гостеприимству (1 номинация), именованья с неясной этимологией (2 номинации).

В диалектном антропонимиконе мужские имена: *Анчутка, Бéлик, Бурёнкин, Калюш, Кантемір Колдúн, Колобок, Полушóк, Самовар, Сварнóй, Товчúх, Тушкán, Уголёк, Хвїлев, Черкés (15 антропонимов).*

Женские имена: *Акíмиха, Бельчíха, Егóровна, Кастрíка, Кулáга, Прóнина, Полушíха, Савéлевна, Семёниха, Скнарёночка, Стефáновна, Трушкина, Унышíха, Яклевна (14 антропонимов).*

Имена, данные семье (семейные): *Анчúткины, Бурёнковы, Бухвáловы, Грышакы́, Гыболы́, Зарéчинские, Косалóпкины, Макаро́шины, Прялочники, Сушки, Тру́сиковы, Хвїлины, Чилёноковы, Шуля́пы (14 антропонимов).*

На наш взгляд, 3 первые группы номинаций выступают модификатами имён (отфамильные, отыменные и образованные от отчества).

В антропонимической номенклатуре именованья, образованные следующими способа-

ми: 1) усечением фамилии: *Бéлик* ← Беликов, *Кантемір* ← Кантемировка, *Полушóк* ← Полушков, *Тушкáн* ← Тушканов, *Кастрі́ка* ← Кастри́кина, *Гыболы́* ← Гиболины, *Сушки* ← Сушкóвы, *Шуляпы* ← Шулепины и др.; 2) суффиксацией: от основы слова с помощью суффиксов: *-ин-*: *Бурёнкин* ← Бурёнка, *Хвілины* ← Филя; *-к-, -ин-*: *Косалóпкины* ← косолапый; *-ёк-*: *Уголёк* ← уголь; *-ош-, -ин-*: *Макарóшины* ← Мака́р; *-их-*: *Бельчи́ха* ← Беликова, *Уныши́ха* ← унылая, *Акіми́ха* ← Аким, *Семёни́ха* ← Семён; *Полуши́ха* ← Полушкова; *-н-*: *Егóровна* ← Егорова; *-ак-*: *Грышакы́* ← Гриша; *-ён-, -очк-*: *Скнарёночка* ← Скнарровка; *-ов-*: *Бурёнковы* ← Бурёнка; *-л-, -ов-*: *Бухва́ловы* ← бухать; *-ик-, -ов-*: *Тру́сиковы* ← трус; *-очн-, -ик-*: *Прялчони́ки* ← прялка; *-ёнок-, -ов-*: *Чилёноковы* ← чилёнок ← чиль; 3) прибавлением к основе слова префикса и суффикса: *Сварной* ← варит; 4) изменением основы: *Прóнина* ← Прошкó, *Трушкина* ← *Трофимовна* и др.; 5) от предлога с существительным: *Зарéчинские* ← за рекой и др.

Следует указать, что налицо диалектное оформление некоторых именовании: *Бухва́ловы*, *Гыболы́*, *Грышакы́*, *Косалóпкины*, *Хвілины*, *Хвілев* и др., поскольку информаторы, предоставившие языковой материал, являются диалектоносителями, в их речи прослеживаются признаки воронежских русских и русско-украинских говоров.

Далее определим антропонимы с экспрессивной коннотацией. Среди них, 1) с ласкательной коннотацией, средством выражения которой выступают суффиксы *-ён-, -очк-*: *Скнарёночка*; *-ик-, -ов-*: *Тру́сиковы*; *-ёк-*: *Уголёк* и др.; 2) с неодобрительной коннотацией, средством выражения которой является суффикс *-их-*: *Акіми́ха*, *Бельчи́ха*, *Полуши́ха*, *Уныши́ха* и др.; 3) с иронией: *Колобок* и др.

Отметим, посредством отображённых в работе номинаций становится понятно, что осуждается в сельском коллективе: пакостность, злость (*Анчуткины*, *Анчутка*); пьянство, алкоголизм (*Бухваловы*); ночная активность, как у птицы филин (*Хвилев*); способность очаровывать до «сведения с ума» (*Колдун*); уныние, грусть (*Уныши́ха*) и др.

Приветствуется, одобряется в деревенском коллективе: трудоголизм, занятость (*Бурёнкин*, *Бурёнков*, *Труси́ковы*, *Прялчони́ки*); смелость, решительность (*Кулага*); гостеприимство (*Самовар*) и др.

Опираясь на приведенные выше данные, установим те ассоциации, которые вызывают некоторые прозвищные имена: *Анчутка* – с мифологическим существом, *Бурёнкин* – с коровой, *Тушкан* – с небольшим грызуном, *Макарошины* – с макаронным изделием, *Кантемир* – с сатириком XVIII века, *Колдун* – с чародеем, *Уголёк* – с кусочком угля, *Черкес* – с представителем народа и конём, *Колобок* – с персонажем сказки, *Самовар* – с сосудом для нагревания, *Кулага* – с молочным блюдом, *Хвилев* – с ночной птицей филин и мн. др.

Таким образом, наблюдения за речью селян позволяют утверждать, что неофициальные именовании, выполняющие роль прозвищных, – это особые номинации, составляющие часть лексикона каждого коренного жителя деревни, транслирующие устойчивость в определённом пространстве. О длительности жизни таких имён и их использовании респонденты говорят: *Як старых назувáлы, стараків, так оно́ и прозвышишэ, оно́ всэ врэ́мя так и к молодым. И ну такé було́, шо всих звáлы. А так оно́ и молодёш той продалжáе назувáть.*

Считаем, что все репрезентированные в статье именовании являются речевым продуктом диалектоносителей и выполняют идентифицирующую роль в языковом коллективе. Функциональность в использовании позволяет удовлетворять коммуникативные потребности представителей сельского социума. В то же время «прозвища и фамилии сохраняют "контейнер" знаний о мире» [Потапова, Щербак 2008: 394] вообще и составляющие диалектной картины мира определённого региона в частности.

В заключение отметим, что результаты данной работы могут быть использованы при изучении воронежского ономастикона, отображённого в народных говорах, а также на семинарах и конференциях по краеведению.

Примечание: в статье использована русская упрощённая транскрипция. Звук «г» – фрикативного образо-

вания.

Библиографический список

1. Антропоним // Большой современный толковый словарь русского языка (БТС). [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/4263.html> (дата обращения - 10.01.2026).
2. Верховых Л.Н. Фамилии с диалектной основой в лексико-семантическом аспекте // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2007. № 1 (8). С. 87–95.
3. Верховых Л.Н. Уличные фамилии с. Абрамовка Таловского района Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2016. Вып. 3. С. 152–159.
4. Герд А.С. Современная диалектология в кругу других дисциплин // Севернорусские говоры. ИЛИ РАН. № 11. 2010. С. 3–9.
5. Горелова Л.Д. История фамилий жителей с. Чигорак Борисоглебского района Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 19 с.
6. Гузнова А.В. Прозвищная номинация в арзамасских говорах: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015. 22 с.
7. Денисова Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 22 с.
8. Драчева Ю.Н., Крылова А.Б. Антропоцентрический подход в диалектной электронной лексикографии (на примере вологодских говоров) // Вестник Череповецкого государственного университета 2016. № 6. С. 69–73.
9. Каталог фамилий [Электронный ресурс]. URL: <https://famiry.ru/database/surnames> (дата обращения - 10.01.2026).
10. Королёва И.А. Прозвища в современных смоленских говорах // Вторые Поливановские чтения: тезисы докладов и сообщений на науч. конф. Смоленск, 1–3 марта 1994 г. Смоленск: СГПИ, 1994. С. 11–12.
11. Максимова О.В., Нивина Е.А. Диалектные единицы тематической группы «Человек» в основах прозвищных фамилий крестьян и купцов Тамбовской губернии / Социально-экономические явления и процессы Россия, Китай, США, международный журнал. 2011, № 9 (31). 2011. С. 205–208.
12. Население села Скнаровка Кантемировского района Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: <https://bdex.ru/naselenie/voronejskaya-oblast/n/kantemirovskiy/sknarovka/> (дата обращения - 10.01.2026).
13. Недоступова Л.В. Сельские антропонимы в щучинском говоре Воронежской области // Неофилология. 2024. Т. 10. № 3. С. 592–605. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-592-605>
14. Недоступова Л.В. О чём рассказывают деревенские подворные имена? // Филологический класс. Екатеринбург, 2023. Т. 28, № 1. С. 177–187. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-16.
15. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1988. 192 с.
16. Потапова Т.А., Щербак А.С. Наблюдения над фонетико-словообразовательными особенностями прозвищ тамбовских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Наука, 2008. С. 393–396.
17. Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета, № 20 (2001). Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 59–64 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/rut-01.htm> (дата обращения - 10.01.2026).
18. Село Кондрашовка [Электронный ресурс]. URL:

<https://ok.ru/group/52965703549172/topic/64096748014580> (дата обращения - 10.01.2026).

19. Скнаровка – история, население, климат, координаты [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Скнаровка> (дата обращения - 10.01.2026).

20. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с.

21. Сьянова Е.И. «Ты чей?»: о прозвищах и кличках людей в воронежских говорах // Русская речь. 2006. № 2. С. 91–95.

22. Талы (Воронежская область) – история, население, климат [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Талы %28Воронежская область%29](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Талы_%28Воронежская_область%29) (дата обращения - 10.01.2026).

23. Тюрина Г.Н. Уличные фамилии как фрагмент онимического пространства с. Дуброво Починковского района Нижегородской области // Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус. Москва-Арзамас: Про100 Медиа, АГПИ, 2012. С. 186–190.

24. Федорова С.А. Антропонимия села Александровка Хохольского района Воронежской области // Край Воронежский: Межвузовский студенческий сборник. Выпуск IV. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2002. С. 90–92.

25. Флоровская В.А. Прозвища в русских говорах Кубани // Ономастика Кавказа / Отв. ред. В. А. Никонов. Махачкала, 1976. С. 300–304.

26. Чайко Т.Н. О принципах номинации в народных прозвищах (на материале говоров Кировской области) // Вопросы топониматики. Вып. 5. Свердловск, 1971. С. 150–154.

27. Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий // Вопросы русской исторической ономастики XV-XVII вв. М.: Учпедгиз, 1959. 128 с.

28. Шевляков А.В. Антропонимикон диалектной языковой личности: аспекты изучения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 93-97.

29. Шостка Е.С. Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. С. Шостка. Тамбов, 2009. 22 с.

30. Щербак А.С. Антропоцентрический принцип отражения картины мира в ономастике: (На материале говоров Тамбовской области) // «Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования» (отв. ред. А.С. Герд). СПб., 2003. С. 54–59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR INFORMATION

Недоступова Любовь Винаминовна,
кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации;
Воронежский государственный техни-
ческий университет,
SPIN-код: 4136-2507;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Nedostupova Lyubov Viniaminovna,
PhD in Philology, Associate Professor;
Associate Professor of the Department of
Russian Language and Intercultural Commu-
nication;
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 4136-2507;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

УДК 81`373.6

Т.М. Малыхина

*Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
e-mail: etnolingv@mail.ru*

А.А. Зикеева

*Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
e-mail: n.zikeeva2014@yandex.ru*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГИДРОНИМОВ КУРСКОГО РЕГИОНА (ВОРОЖБА, ГУСТОМОЙКА, ДИЧНЯ)

Этимологический анализ гидронимов Курского региона как ценностного ядра ментальности и самоидентификации курян является важнейшей темой наших изысканий. Объектом исследования выступают гидронимы Курского региона: Ворожба, Густомойка, Дичня. Цель работы – установление путей развития первоначального значения данных гидронимов Посемья, а также реконструкция языкового и историко-географического ландшафта местности, осуществление раскодировки информации, заложенной в изучаемом виде гидронимов в момент их возникновения. Посредством диахронического, сопоставительного, сравнительно-исторического метода и этимологического комментария авторам удалось установить пути развития первоначального значения гидронимов, выделить исторические корни собственных имен, определить исходное значение корневой части, а также дать анализ диалектной лексики и местных говоров. Полученные результаты помогают продвинуться в понимании того, что язык – это механизм социокультурной и исторической преемственности, делающей всю историю русского народа единым целым, определяющим его суть, историческую миссию и будущее. Авторы пришли к выводу, что в значении гидронимов заключен ряд признаков окружающего его пространства, являющихся общими с апеллятивами, от которых они образованы. Так, гидроним Густомойка (варианты: Гузомойка, Гузномоя, Густомой, Густомоя) имеет значение ‘вода, омывающая возвышенность, холм’; река Ворожба получила свое название исходя из географических данных местности речной долины, которая представлена болотистой низменностью; название реки Дичня связано с характерной особенностью местности, которая в давние времена была незаселенной, глухой, дикой.

Ключевые слова: этимология, гидронимы, Посемье, Ворожба, Густомойка, Дичня, ландшафт, апеллятив.

T.M. Malykhina

*Kursk State University
(Kursk, Russian Federation)
e-mail: etnolingv@mail.ru*

A.A. Zikeeva

*Kursk State University
(Kursk, Russian Federation)
e-mail: n.zikeeva2014@yandex.ru*

ETYMOLOGICAL STUDY OF HYDRONIMS OF THE KURSK REGION (VOROZHBA, GUSTOMOYKA, DICHNYA)

The etymological analysis of hydronyms in the Kursk region, as the core value of the Kursk people's mentality and self-identification, is the most important topic of our research. The subject of this study was the etymological analysis of the following hydronyms in the Kursk region: Vorozhba, Gustomoyka, and Dichnya. The goal was to establish the development of the original meanings of these Posemya hydronyms, as well as to reconstruct the

linguistic and historical-geographical landscape of the area and decode the information inherent in the studied hydronyms at the time of their origin. Using diachronic, contrastive, comparative-historical methods and etymological commentary, the authors were able to establish the development of the original meanings of hydronyms, identify the historical roots of proper names, determine the original meaning of the root part, and analyze dialectal vocabulary and local dialects. The obtained results help advance our understanding of language as a mechanism of sociocultural and historical continuity, shaping the entire history of the Russian people into a single entity, defining its essence, historical mission, and future. The authors concluded that the meanings of hydronyms embody a number of features of the surrounding space, which are shared with the appellatives from which they are derived. For example, the hydronym *Gustomoyka* (variants: *Guzomoyka*, *Guznomoy*, *Gustomoy*, *Gustomoy*) means "water washing an elevated area, hill." The *Vorozhba* River derives its name from the geographical features of the river valley, which is a marshy lowland. The name of the *Dichnya* River is associated with a characteristic feature of the area, which in ancient times was uninhabited, remote, and wild.

Keywords: etymology, hydronyms, *Posemye*, *Vorozhba*, *Gustomoyka*, *Dichnya*, landscape, appellative.

Региональная ономастика, находясь в тесной связи с этнической культурой и этническим сознанием, является одним из наиболее выраженных компонентов национального языка. Люди, населявшие то или иное место, никогда не давали ему случайное, лишённое всякого значения или слишком сложное название. В каждом топониме заложен или какой-нибудь признак, или характерная черта местности [Грот 1899: 193]. Сегодня благодаря некоторым названиям удаётся восстановить географические особенности той или иной территории, а также исторические данные, связанные с исходным топонимом.

Цель нашего исследования – доказать на примере микрогидронимов *Ворожбá*, *Густомойка*, и *Дичня*, что сложившаяся в древности гидронимия отражает особенности природно-географических реалий региона. Курская сторона (всёцело входившая в состав Северной области) издревле славилась обилием вод и лесов – отмечено в заметках Р.Л. Маркова и В.И. Рышкова «О лесах и о водах Курской губернии» [Марков, Рышков 1894: 3].

Исследуемые реки являются левобережными притоками реки Сейм (древнейшее название Семь до XVII в.), давшей название исторической области в её бассейне – *Посемье*.

Левый берег Сейма представлен широкой, местами сильно заболоченной поймой с многочисленными старицами. Рельеф здесь равнинный, но всхолмлённый, поверхность изрезана речными долинами и оврагами. На территории районов много болот, на месте которых по прошествии времени образуется коричневая или черная волокнистая масса – торф.

Исток реки *Ворожбá* (фонетический вариант *Воробжа*) – в деревне *Ворожба* Медвенского района, впадает река в Сейм по левому берегу на территории Октябрьского района. В «Гидронимическом словаре *Посемья*» происхождение гидронима возводится к диалектному слову *ворог* – 'овраг' при помощи суф. *-б(а)* и чередования *г-ж* [Яценко: 24].

В «Словаре русских народных говоров» зафиксирована лексема *вóрожка* в значении 'узкий пролив, промой' [СРНГ 1970: 5: 110].

В «Русском этимологическом словаре» под редакцией А.Е. Аникина лексема *вóрожка* представлена в значении 'ручей, протока между островами, отмелями, на болоте'. Здесь же *ворожйнка* 'сырое место'. Аникин предполагает, что *ворожка* является уменьшительным образованием от *вóрга* 'болотистая лощина; залив или пролив по лощине', 'низкое топкое труднопроходимое место', 'овраг, лог, ложбина'. Автор поясняет, что обычно принимают протетическое *в-* и отождествляют с *вóрга* 'болотистое топкое место, поросшее мхом и мелким лесом', наряду с которым известно слово, зафиксированное ещё в XII веке в древненовгородском диалекте *орогь* 'лощина, низина' [Аникин 2014: 8: 232-233, 249].

В «Словаре русских народных говоров» зафиксирована карельская лексема *orgo*, имеющая значение 'сырая низина' [СРНГ 1970: 5: 99].

В географии лощиной называется низменность или овраг с пологими склонами, то есть отрицательная форма рельефа, созданная временными водотоками. Дно лощины, как правило, заболоченное, склоны пологие, задернованные или покрытые кустарниками [Географический словарь].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмер определяет лексему *ворга* как ‘болото’, ‘топкий заросший кустарником овраг’ [Фасмер 1986: 1: 351].

А.Е. Аникин к лексеме *ворга* возводит этимологию лексемы *ворог* ‘овраг’ [Аникин 2014: 8: 245]

В «Словаре народных географических терминов» под редакцией Э.М. Мурзаева лексема *ворог* соотносится с *враг*, *вражек* в значении ‘овраг, овражек, рытвина’; *враговина* – ‘низменное место’, ‘сухое русло реки’ [Мурзаев 1984: 113].

Таким образом, наши наблюдения подтверждают мысль о том, что географические названия, в частности гидронимы, представляют организованную систему, соотнесённую с местными географическими условиями и историей Курского края. Древнее название реки *Ворожба* достаточно точно определяет ландшафт местности, по которой протекает река: низменное место, болото, топкий заросший кустарником овраг, сырая низина.

Рассмотрим этимологию гидронима *Густомойка*.

Река *Густомойка* (*Гузомойка*, *Гузномоя*, *Густомой*, *Гузномоя*) является левым притоком Сейма. Исток реки расположен в селе Износково Льговского района. По мнению А.И. Яценко, вариант названия *Гузномоя* образовался в результате ложной этимологии от *густой* и *мыть*, а «древнее название *Гузномоя* отражает особенности местности, по которой она протекает и означает: река, омывающая выпятившееся в этом месте русло Сейма, которое напоминает *гуз*, *гузно*» [Яценко 1974: 35].

В «Русском этимологическом словаре» под редакцией А.Е. Аникина отмечено однокоренное название в бассейне левого притока Волги реки Тверцы – *Гузомля*. А.Е. Аникин предполагает, что данное название образовалось из **гузо-мья*, **гузо-моя* (<*gо/узо-туја*), сложения *гузь* и деривата от **ту-ти* ‘мыть’ и упоминает, что сходное образование может быть представлено в гидрониме *Гузомойка*. Свою точку зрения автор подтверждает сравнением с украинским словом *коломия* – ‘глубокий выбой, наполненный водой’, образованного от общеславянского **kolo-туја* [Аникин 2018: 12: 213].

Сходное образование рассматривает и О.Н. Трубачев в «Этимологическом словаре славянских языков» на примере названия *Коломна* как гиперкорректного развития вместо **Коломня* из **коломья* < **коломья*, правильного русского рефлекса древнего **kolomuja*. Подобное развитие формы находит аналогию в названии реки *Челомна*, тоже из **челомня* < **челомья* < **челомья* < **celomuja* [ЭССЯ 1983: 10: 147]. Также в словаре зафиксирована лексема **myti* в значении ‘мыть, мыться’; ‘обливать, погружать что-либо в воду или другую жидкость’. Славянский глагол **myti* восходит к индоевропейскому **meu-*, **meu-*, **myti* – ‘сырой, влажный, мокрый, тинистый, грязный; мыть’ [ЭССЯ 1994: 21: 77-78].

Исходя из вышесказанного, можно допустить, что формант *мойка* (-*моя*, -*мой*) в названии *Гузномоя* (*Густомойка*) имеет значение ‘вода’, ‘погружаться в воду’.

Первый формант гидронима *Гузномоя* А.Е. Аникин определяет как *гузно* ‘зад и низ чего-либо’. По его мнению, слово *гузно* входит в ряд сложений, в том числе диалектных: *гузнобитка* ‘игра, при которой «ударяются седалищами»’, *гузнойбой* ‘гололедица’, сюда же гидронимы *Гузномойка* и *Гузношур* (удм. *шур* ‘река, ручей’) [Аникин 2018: 12: 212].

Эта теория поддерживается народными приданиями жителей Льговского района: *имени села и реки Гузномоя виновник Мазена. Во время пребывания в своих вотчинах гетман со свитой отправился на охоту, во время которой завяз в присеймских болотах. И вот название реки и села будто бы и служит намеком на это событие. Гетман промочил нижнюю часть тела, т. е. гуз. Отсюда и название Гузномой. В первой половине XVIII века село Гузномоя и речка Гузномойка переименованы в село и речку Гузномоя* [Черкасов].

Данная версия является интересной, но, по нашему мнению, не имеет связи с гидронимической лексикой.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмер праславянскую лексему **gozъ* наряду с **guzъ* определяют как ‘бугор, шишка’ [Фасмер 1986: 1: 471]. А О.Н. Трубачев в

«Этимологическом словаре славянских языков» указывает, что данная лексема представляет собой экспрессивное образование, продолжающее более древнее *gong-/*goud- ‘круглый’ [ЭССЯ 1980: 7: 92].

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» под редакцией П.Я. Черных отмечено, что словенская лексема *goza, guza* – ‘зад’ и польская *guz* – ‘шишка’, ‘округлая выпуклость’ имеют индоевропейский корень *geu-g’- : *gou-g’- – ‘быть выпуклым’ [Черных 1999: 1: 226].

В «Русском этимологическом словаре» под редакцией А.Е. Аникина **guza* ‘нарост, выпуклость’, а в диалектном значении – ‘зад, тыл’ [Аникин 2018: 12: 208]. Здесь же зафиксирована литовская лексема *gugà* в значении ‘круглое возвышение, холмик’ [Аникин 2018: 12: 192].

Э.М. Мурзаев лексему *гуга* определяет как ‘бугор’, ‘небольшая гора’, ‘холм’, ‘груда’ и сравнивает с русской *гуля* – ‘шишка’ [Мурзаев 1984: 141].

Обратим внимание, что также в «Словаре народных географических терминов» зафиксированы лексемы *гуз, гуза, гузай* в значении ‘теньевая сторона горы’, ‘сырая местность’ и тюркская лексема *guz* – ‘часть горы, не освещаемая солнцем’ [Мурзаев 1984: 141].

На основании вышеизложенного можно предположить, что название гидронима *Густомойка* (*Гузомойка, Гузномоя, Густомой, Густомоя*) имеет значение ‘вода, омывающая возвышенность, холм’.

Рассмотрим этимологию еще одного левого притока Сейма реки *Дичня* (*Дична*). Данный «гидроним берет начало южнее деревни Озерки Октябрьского района, впадает на территории Курчатовского района» [Ященко 1974: 38].

В «Гидронимическом словаре Посемья» выдвигается гипотеза, что название определено тем, что Курский край входил в территорию «дикого поля», которое начиналось сразу же на левом берегу Сейма. Отсюда предположение, что микрогидроним *Дичня* произошел от *дикий* – ‘относящийся к «дикому полю»’ – при помощи суф. *-ня(на)* и чередования *к-ч* [Ященко 1974: 38].

В «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева исторический термин *дикое поле* обозначен как ‘никому не принадлежащий участок земли’, ‘пустошь, перелог’, а летописный термин *дикое поле* – как ‘земли монголо-татар на восток от черноземных областей’. Здесь же зафиксирована лексема *дичь* в значении ‘место, не тронутое рукой человека’, ‘глушь, заросли’, ‘незаселенные места’. *Дичное место* – ‘глухое место’ [Мурзаев 1984: 155–156].

М. Фасмер соотносит лексему *дичь* с *дикий* и сравнивает с литовским *dykas* «вольный, незанятый», латышским *diks* «пустой, праздный» [Фасмер 1986: 1 :514, 517].

В «Русском этимологическом словаре» под редакцией А.Е. Аникина слово *дичь* (*в дичи*) имеет значение ‘запущенное незаселенное место’, ‘глушь’, ‘заросли’. Здесь же *дичина* – ‘дичь’. Из праславянского языка * *dicina* ‘глухое место, пуца’, производное с суффиксом *-ina* от **dikъ* (дикий). *Диковина* – ‘пустошь’, из праславянского языка **dikovina* ‘дикое место, глушь’, ‘пустошь’ [Аникин 2020: 14: 30, 71–72].

В диалектах *диковина* – ‘дикое, необрабатываемое место’ [Мурзаев 1984: 155].

В «Словаре русских народных говоров» зафиксирована лексема *дикала* – ‘дикое, пустынное место’ [СРНГ 1972: 8: 55].

П.Я. Черных отмечает «родственные образования слов *дикость, дикарь, дичь*: литовское *dykas* – ‘бесплодный’, ‘пустынный’, *dykra* – ‘пустырь’; латышское *diks* – ‘пустой’» [Черных 1999: 1: 253].

На основании вышеизложенного материала можно предположить, что название реки *Дичня* связано с характерной особенностью местности, которая в давние времена была незаселенной, глухой, дикой.

В данной статье, мы предприняли попытку восстановить древние формы лексем и апеллятивов, от которых образовались гидронимы *Ворожеба, Густомойка, Дичня*. На основе этимологического анализа указанных выше гидронимов мы доказали, что их названия отражают специфику географического ландшафта Курского региона в целом и левобережья Сейма в частности. Таким образом, исследование гидронимии Посемья, помогает более глубоко проникнуть в этимологию многих слов топонимической системы.

Библиографический список

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 8 (во I – вран). М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014. 352 с.
2. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Выпуск 12 (*грак I – дбатъ*) М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Новосибирск: Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; СПб.: «Нестор-История», 2018. 376 с.
3. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 14 (дигнитарь – дрощи). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Новосибирск: Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; СПб.: «Нестор-История», 2020. 384 с.
4. Географический словарь [Электронный ресурс] URL: <https://ecosystema.ru/07referats/slovgeo/436.htm> (дата обращения 18. 12. 2025).
5. Грот Я.К. Филологические разыскания: (1852–1892). С.-ПЕТЕРБУРГЪ Типография Министерства Путей Сообщения, 1899. XVIII, 941 с.
6. Марков Р.Л., Рышков В.И. Экспедиция по исследованию источников главнейших рек Европейской России. Текст: издания О лесах и о водах Курской губернии. Заметки Р.Л. Маркова и В.И. Рышкова. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Типография А. Якобсона, 1894. С. 3-4.
7. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 466 с.
8. Словарь русских народных говоров. В 52-х вып. / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: изд-во «Наука», 1970. Вып. 5. 344 с. (СРНГ).
9. Словарь русских народных говоров. В 52-х вып. / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: изд-во «Наука», 1972. Вып. 8. 372 с. (СРНГ).
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Том 1. М.: «Прогресс», 1986. 576 с.
11. Черкасов Н. Скупым языком документов. [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20140316011117/http://www.gorodlgov.ru/node/10300> (дата обращения 16. 11. 2025).
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 13 560 слов. 3-е издание, стереотипное. Том 1. А – ПАНТОМИМА. М.: Изд-во «Русский язык», 1999. 624 с.
13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / ред. Трубачёв О.Н. Выпуск 10 (*Керабъ – *Копь). М.: «НАУКА», 1983. 200 с. (ЭССЯ).
14. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / ред. Трубачёв О.Н. Выпуск 21. М.: «НАУКА», 1994. 236 с. (ЭССЯ).
15. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / ред. Трубачёв О.Н. Выпуск 7. М.: «НАУКА», 1980. 226 с. (ЭССЯ).
16. Яценко А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. Вологда, 1974. С. 3–118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Малыхина Татьяна Михайловна

Курский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка,
SPIN-код 7289-032
E-mail: etnolingv@mail.ru

Malykhina Tatiana Mikhailovna

Kursk State University Candidate of
Philological Sciences, Associate
Professor of the Department
of Russian Language,
SPIN-code 7289-032
e-mail: etnolingv@mail.ru

Зикеева Алина Алексеевна

Курский государственный университет
обучающаяся 4 курса направления подготов-
ки Филология направленности (профиля)
Отечественная и зарубежная филология
E-mail: n.zikeeva2014@yandex.ru

Zikeeva Alina Alekseevna

Kursk State University
4th-year student majoring in Philology, Russian
and International Philology,
Email: n.zikeeva2014@yandex.ru

УДК 81-23

И.А. Подюков
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Пермь, Российская Федерация)
e-mail: podjukov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ТОПОНИМИИ КАМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ (XIX – НАЧ. XXI ВВ.)

***(Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00314
«Ономастический портрет современного промышленного региона»)**

В статье рассматриваются происхождение, особенности семантики и структуры топонимов, представляющих географические названия горно-промышленной зоны Пермского Приуралья. На примере названий месторождений, рудников, приисков, залежей и россыпей (как осваиваемых, так и отработанных) раскрываются особенности топонимии горнодобывающей области Северного Прикамья в её развитии. Исследуется топонимия дореволюционного и советского периодов, новообразования последнего времени. Прослеживается традиция именования геообъектов, вовлеченных в промышленное освоение. Анализируются основные способы топонимобразования, при этом особое внимание обращается на описание образования топонимов от онимов других классов (способ трансонимизации). Рассмотрены составные двучленные топонимы атрибутивного типа. Также представлены менее продуктивные способы образования названий осваиваемых геологических объектов – метафорический перенос, субстантивация, суффиксальный способ, создание аббревиатур. Делаются выводы об особенностях семантической мотивированности названий природно-хозяйственных объектов, о характере исторических изменений мотивационных оснований промышленных топонимов. Рассматривается место исследуемых географических названий в общем топонимическом ландшафте Пермского края.

Ключевые слова: промышленная топонимия, образность и семантическая мотивированность топонимов, способы образования названий природно-промышленных объектов., региональная специфика топонимов производственной сферы.

I.A. Podyukov
Perm State Humanitarian Pedagogical University
(Perm, Russian Federation)
e-mail: podjukov@yandex.ru

SPECIAL ASPECTS OF THE INDUSTRIAL TOPONYMY OF THE KAMA URALS (THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY)

***(The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00314
"Onomastic portrait of a modern industrial region")**

The article examines the origin, semantics, and structure of toponyms representing the geographical names of the mining and industrial zone of the Perm Urals. Using the names of deposits, mines, quarries, and placer deposits (both developed and abandoned), the article reveals the features of the toponymy of the mining region of the Northern Kama in its development. The article explores the toponymy of the pre-revolutionary and Soviet periods, as well as recent innovations. It also examines the tradition of naming geological sites involved in industrial development. The article analyzes the main methods of toponym formation, with a special focus on the description of the formation of toponyms from onyms of other classes (the method of transonymization). It also investigates compound two-part toponyms of the attributive type. The article also presents less productive methods of forming the names of utilized geological objects, such as metaphorical transfer, substantivation, suffixation, and the creation of abbreviations. The article draws conclusions about the features of semantic motivation of the names of natural and economic objects, and about the nature of historical changes in the motivational bases of industrial toponyms. The article also detects the place of the studied geographical names in the overall toponymic landscape of the Perm Region.

Key words: industrial toponymy, figurativeness and semantic motivation of toponyms, methods of forming names of natural and industrial objects, regional specifics of toponyms in the industrial sphere.

Названия горных выработок (карьеров, копей, шахт, рудников, приисков, осваиваемых

месторождений, жил и россыпей) в силу своей локальной специфики все чаще привлекают внимание исследователей (см. работы о названиях уральских копей, приисков и месторождений [Иванова 2000, Тихомирова 2025, Запольских, Подюков 2021]). Предложен и специальный термин для обозначения топообъектов данного вида – *фодиноним* (от лат. *fodina* ‘копь’ [Иванова 2000]). Значительный по объему пласт природно-промышленной топонимии ярко представляет геологическое и экономическое своеобразие севера Пермского края (в статье в основном использованы материалы издания «Геологические памятники Пермского края: Энциклопедия / Под общ. ред. И. И. Чайковского. Горный институт УрО РАН. Пермь, 2009. 616 с.). Горнопромышленная топонимия раскрывает историю освоения и развития территории. Кроме того, в этих сравнительно «молодых» названиях наглядно отражается меняющееся в современности восприятие природы и отношение к ней человека.

Камское Приуралье (пермские территории Северного Урала) богато медью, железом, каменным углем, нефтью. Оно активно осваивается со второй половины XIX в. Всего в пределах Пермского края насчитывается около 5800 месторождений. За почти 200-летний период разработки медистых песчаников было разведано около 10000 месторождений (многие, впрочем, отличались содержанием «убогих» и быстро окисляемых руд). Северное Приуралье как территория тектонических разломов, отличается наличием золото-платиновых и алмазных россыпей. В 1860-х годах началась промышленная добыча золота (Красновишерский район), намного позже (сер. XX в.) добыча алмазов. Суммарные запасы месторождений золота в крае – порядка 15 тонн. Постепенно здесь открываются залежи руды, цинка, марганца, никеля, стронция.

Названия объектов, используемых в горнозаводской промышленности, представляют чаще всего сочетания, где определение дается апеллятиву (прииск, россыпь, жила), к нему присоединяется определение – например, *Сюзёвская алмазная россыпь* (Александровский район; россыпь находится у р. *Сюзь*). Вероятно, название реки мотивировано родовым именем или прозвищем *сюзь* ‘филин’ (в коми языках это прозвищное или родовое имя). Классификаторы (карьер, россыпь, прииск и пр.) указывают на вид, степень освоенности залежей. Название залежи хромитовых руд *Пестеревский карьер*, разрабатываемой открытым способом (окрестности п. Сараны, Горнозаводский район) связано, скорее всего, с диалектным словом финноугорского происхождения *пестерь* (метафорическое представление места соединения рукавов двух речек *Большой* и *Малый Пестерь* – как лямок лыкового кузовка (находящийся здесь посёлок рабочих соответственно получил название *Пестерёк*). Названия типа *Любкина жила* / месторождение *Любушкино* (россыпь хромидного железняка, также в окрестностях п. Сараны) содержит отсылку к разговорной форме имени Любовь (по мнению местных жителей, залежь открыла жительница этих мест *Люба*).

Атрибутивные (обычно двучленные) наименования отмечают форму топообъекта (рудник *Круглый* по добыче меди, г. Березники), его ориентированность по сторонам света (*Южно-Сарановское* месторождение хромитов, Горнозаводский район). Эти названия содержат привязку месторождения к другому объекту (ср. также участок Акчимского чугуноплавильного завода *Стрелка* в Красновишерском районе от диалектного географического обозначения *стрелка* – участок суши, окружённый с трёх сторон водой, особенно на слиянии двух рек). По большей части топонимы являются результатом метонимического переноса по смежности – присваиванию предприятию имени близлежащего объекта (селения, реки, горы). Название рудник *Чулымский* (россыпь рудного золота) указывает на реку и гору Чулым (по одной из версий, от тюркского чул «река / вода с запахом»). Топоним *Чувал*, *Чувальская золотоносная жила* на Вишере, как и название горного хребта *Чувал* (*Чувальский камень*) образовано переносом русского диалектного (заимствованного их тюркских языков) *чувал* – «каменный очаг с очельем» или заимствовано из мансийского языка, где так называют поселение с каменным очагом (достаточно часто используется как гидроним при обозначении каменистых рек у татар, башкир, якутов).

К метонимическим названиям относятся топонимы типа *Григоровский медный рудник* – в связи с близостью деревни *Григорово* (рядом с ней был известен ручей *Григоров*). Форма *Григоров* от *Григор* представляет собой вышедший из употребления вариант имени *Григорий* (гидроним → ойконим → фодиноним). Еще один пример многоступенчатой трансономической номинации – название месторождения калийных солей у красновишерской деревни *Тепловка / Тепловское* (деревня была названа по горе Теплая; возвышенность прикрывала деревню от холодных северных ветров).

Из других способов образования промышленных топонимов отметим субстантивацию, использование суффиксов. Названия золотых приисков на реке Улс (Красновишерский район) *Золотанка* и *Большая Золотанка* созданы по типу топонимов – п. Серебрянка (Гайнский район), с. Медянка (Ординский район – в связи с наличием в окрестных местах медистых песчаников). Семантически такие обозначения указывают на вид добываемого сырья или металла.

Названия горнорудных предприятий могут быть созданы способом сокращения слов и аббревиации (рудник калийно-магниевого солей *СКРУ-2*, т.е. «Соликамское рудоуправление Верхнекамского месторождения»), нумерологической характеристикой (немногочисленные названия типа «Рифей», «Рифей II»; участки добычи рудного золота (Верховье реки Койвы). Само слово рифей обыгрывает исходное значение: переносно так называли Уральские горы античные географы (в греческой мифологии – горная цепь, на которой дремал бог снегов и бурь). Участок *Вишенка на торте* на севере Пермского края (был открыт позже других) получил шутовское название, смысл которого – оценить нечто как приятное дополнение к чему-либо.

В семантике исследуемых топонимов фиксируется информация о внешних качествах объекта (форма объекта отражена в названии *Круглый рудник*, г. Березники; после отработки медного рудника его отвалы напоминали кольцо, теперь это микрорайон города Березники, бывшая деревня). Немало среди названий рудных мест Прикамья посвящений. Так, прииск *Александровский* на р. Кутим, вероятно, был назван по владельцу, казанскому купцу Александрову. Штольня *Лисофетка* (разработка месторождений меди в бассейнах рек Бабки и Быма) была названа, по-видимому, в честь некоей *Елизаветы* (распространенный в прошлом вариант *Лисофета* от *Елизавета*).

Золотоносная россыпь *Адольфовская* входила в золото-платиновые месторождения и была названа в честь супруга владелицы приисков графа Адольфа Полье. *Христофоровский рудник* Кизеловской дачи был назван в честь владельца Христофора Екимовича Лазарева. По имени Сергия, сына первых владельцев Пашийского завода А.А. и М.М. Голицыных, был назван *Сергиевский рудник* красного железняка. Рудники *Андреевский* и *Петровский* Бисерской дачи названы в честь сыновей графа Шувалова Андрея и Петра.

Для дореволюционной традиции было характерно использование образов религиозной сферы [Костылев, Тихомирова 2025]. Религионимы, мотивирующие топонимические обозначения (имена святых, названия икон и религиозных событий) маркировали место как святое, исполненное Божьей благодати и находящееся под Божьим покровительством. К примеру, *Варваринская золотоносная россыпь* на речке Полуденке (открыта в 1830 г.) названа в честь святой великомученицы Варвары, покровительницы горняков. Культ Варвары у горняков широко распространен не только в России (Сибирь, Урал), но и в Европе. Эти идеи отражены во многих названиях. Как отмечает А.В. Вострокнутов, «в даче Бисерского завода из 63 железных рудников и золотых приисков 21 (то есть 1/3) носили православные» именованья [Вострокнутов 2021: 62-63]. Примечательно, что в советское время названия горных разработок редко формировались на основе идеологического кода. Угольная шахта у р. Кизел (изначально Княгининская, в честь жены С.Д. Абамелек-Лазарева княгини Елизаветы Христофоровны, в советское время была переименована в шахту им. Фрунзе). Одна из

Усьвинских копей получила наименование в честь советского прославленного авиатора Чкалова (имя воспринималось как обязывающее к трудовым подвигам).

Анализ северных пермских названий объектов горной промышленности показал разнообразие способов создания топонимов, разноплановость их семантических характеристик. Номинации месторождений, приисков и россыпей представляются как особый класс топонимии, их специфика связана с направленностью на природную и одновременно на социально-экономическую среду. Социальная значимость определяет подвижность словаря фондинимов. Если для дореволюционной традиции было характерно использование образов религиозной сферы [Костылев, Тихомирова 2025], то для советского времени – идеологической. В наши дни очевидно некоторое обытовление геологической среды и использование общекультурных ее характеристик. В одних названиях доминирует информация о естественно-географических свойствах реалий, в других практически значимые а также культурологически окрашенные сведения об объекте. Заметно также отличие характера зафиксированной в топонимах данного класса информации – историческое изменение мотивационных оснований (в частности, постепенная утрата религиозной и идеологической их нагрузки). В своей совокупности архаизованные названия, топонимы субстратного происхождения, новообразования метафорического типа подчеркивают экзотичность пермских «северов», создают особую окраску общего топонимического ландшафта Пермского края.

Библиографический список

1. Вострокнутов А.В. Особенности наименования храмов горнозаводских поселков Пермского края // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XIX. Пермь: ПГГПУ, 2021. С. 153–166.
2. Запольских Е.В., Подюков И.А. Названия месторождений и рудников Пермского края: история, региональная специфика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. Вып. 3. С. 19–29.
3. Иванова Е.Э. Самоцветной полосы Урала: номинативные типы и модели Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 107–134.
4. Костылев Ю.С., Тихомирова А.В. Религиозная лексика в названиях объектов горной промышленности: мотивационный аспект (на примере топонимии Кочкарского месторождения золота) // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 3. С. 239–257.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Подюков Иван Алексеевич,

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков и мето-
дики преподавания языков Пермского госу-
дарственного гуманитарно-педагогического
университета,
SPIN-код: 8516-2258,
e-mail: podjukov@yandex.ru

Podyukov Ivan Alekseevich,

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Professor of the Department of General Linguis-
tics, Russian and Komi-Permyak Languages and
Methods of Teaching Languages,
Perm State Humanitarian Pedagogical Universi-
ty,
SPIN-code: 8516-2258
e-mail: podjukov@yandex.ru

УДК 81'373.23

Ж. К. Гапонова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)
e-mail: jangap1@mail.ru*

АНТРОПОНИМЫ ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РОСТОВСКИХ КАДАСТРАХ XVII В.

В данной статье представлено исследование антропонимов финно-угорского происхождения, отмеченных в писцовых и переписных книгах г. Ростова в XVII в. В статье рассмотрено 4 антропонимические единицы, которые анализируются с точки зрения этимологии, в том числе приводятся апеллятивные параллели, мотивационные гипотезы, дается анализ экстралингвистических факторов и уже имеющихся интерпретаций с указанием более вероятных толкований, учитывающих специфику края. Анализируемые антропонимы относятся к числу распространенных в Ростове и функционирующих в качестве фамилий с первой половины XVII в. Представленные в данной статье антропонимы, среди которых выявлен локальный антропоним *Мякрин*, не зафиксированный ранее ни в одном ономастиконе, с высокой долей вероятности имеют финно-угорское происхождение, что подтверждает наличие контактов между славянским и финно-угорским населением в Ярославского края в рассматриваемый период. Материалы кадастров XVII в. дают возможность делать выводы о влиянии социальной, экономической, культурной специфики региона на формирование системы антропонимов, а также позволяют реконструировать фрагмент региональной языковой картины мира, часто обусловленной диалектной основой ярославских некалендарных фамилий и прозваний.

Ключевые слова: региональный антропонимикон, некалендарное личное имя, патроним, мотивировочный признак, финно-угорские языки, мерянский язык, Ростов, кадастры XVII в.

Zh. K. Gaponova

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russia)
e-mail: jangap1@mail.ru*

ANTHROPONYMS OF FINNO-UGRIC IN ROSTOV CADASTRES OF THE 17TH CENTURIES

This article presents a study of anthroponyms of Finno-Ugric origin recorded in the scribes' and cadastres books of Rostov in the 17th century. The article examines four anthroponymic units, which are analyzed from the perspective of etymology, including appellative parallels, motivational hypotheses, and an analysis of extralinguistic factors and existing interpretations, with a focus on more likely interpretations that take into account the specific features of the region. The analyzed anthroponyms are among the most common in Rostov and have been functioning as surnames since the first half of the 17th century. The anthroponyms presented in this article, among which the local anthroponym *Myakrin* has been identified, which has not been recorded in any onomasticon before, are highly likely to have a Finno-Ugric origin, which confirms the existence of contacts between the Slavic and Finno-Ugric populations in the Yaroslavl region during the period under consideration. The materials of the 17th-century cadastral records allow us to draw conclusions about the influence of the region's social, economic, and cultural specifics on the formation of the system of anthroponyms, as well as to reconstruct a fragment of the regional linguistic worldview, which is often influenced by the dialectal basis of the non-calendar surnames and nicknames of Yaroslavl.

Keywords: regional anthroponymy, non-calendar personal name, patronymic, motivating feature, Finn; Meryan language, Rostov, cadastres of the 17th century.

На протяжении многих веков Ярославское Поволжье было частью обширной зоны взаимодействия славянских и финно-угорских народов. Здесь обнаруживаются следы как трех групп языков финно-волжской ветви, на сегодняшний день реконструируемых только по

данным топонимики: мерянских, северно-финских и верхневолжских, так и прибалтийско-финской ветви, на языках которой говорят вепсы и карелы [Альквист 2001: 436-467]. До сих пор ярославский антропонимический материал практически не подвергался специализированному исследованию, что делает данную работу актуальной и своевременной. Фиксируемые на уровне отдельных замечаний антропонимические единицы [Бородкин 2017: 262-266] служат дополнительным аргументом в дискуссии о существовании «мерянского следа» в ономастиконе Верхнего Поволжья. Как отмечают исследователи, ассимиляция мери восточными славянами полностью произошла к XV в., а в некоторых местах к XVII — началу XVIII в. [Цит. по: Ганцовская 2024: 16], поэтому материалы дозоров, писцовых и переписных книг первой половины XVII вв. дают нам уникальный материал, позволяющий идентифицировать встречающиеся в ростовских кадастрах антропонимы, восходящие к апеллятивам мерянской группы финно-угорских языков. Материалы кадастров XVII в. предоставляют исследователям возможность исследования влияния социально-экономической и культурной специфики региона на формирование системы антропонимов, а также реконструировать фрагмент региональной языковой картины мира, часто обусловленной диалектной основой ярославских некалендарных фамилий. Антропонимикон Ростова анализируется нами по материалам дозора 1619 г. Ивана Мотовилова [Труды ЯГУАК; Титов 1880; Найденов 1884], «Книге писцовой поповским, причетниковым, боярским и посадским дворам писма и меры Федора Дурова с товарищи 132 году» (1623/24), опубликованной А. А. Титовым в издании «Переписные книги Ростова-Великаго второй половины XVII века» с приправочной выписи второй половины XVII в. [Титов 1887], а также материалам переписей 1646 [Найденов 1884], 1678 гг. [Найденов 1884], опубликованным А. А. Титовым и Н. А. Найденовым.

Среди некалендарных антропонимов Ростова встречаются фамильные прозвания, однозначно атрибутируемые как финно-угорские и традиционно рассматриваемые в составе славянского субстрата, но имеющие финно-угорские корни. Так, А. В. Бородкин на основе исследования мерянского языка О. Б. Ткаченко [Финно-русский и русско-финский словарь 2013] предполагает мерянского происхождения ряда «региональных» фамилий: *Пагодин*, *Погодин* — от *падог* ‘палка, посох’; *Басин* — от *баса* ‘красивый’; *Колкин*, *Колков* — от *колка* ‘пук, пучек’; *Кутко*, *Кутков*, *Куткин* — от *кутко* ‘орел’; *Кокин* — от *кока* — ‘тетка, крестная, название старшей дочери для меньших детей’; *Шемов*, *Шамов*, *Шемиев*, *Шамиев* — от *шем* ‘черный’; *Вараков*, *Бараков* — от *варака* ‘ворона’; *Кувакин* — от *кува* ‘старуха’; *Лохмин* — от *лохма* ‘огонь’ [Бородкин 2017: 265]. В настоящей статье расширен круг антропонимов мерянского происхождения и предложен этимологический анализ 4 единиц, о которых можно с высокой долей уверенности сказать, что они имеют финно-угорское происхождение и демонстрируют влияние мерян, проживавших на территории современной Ярославской области, на формирование антропонимической системы. Анализируемые антропонимы относятся к числу распространенных в Ростове и функционирующих в качестве фамилий уже в первой половине XVII в.

Вслед за И. А. Кюршуновой уподобляя некалендарное имя «свернутому тексту, соотносимо с мотивом именованья» [Королева 1996: 187], учитываем при анализе интерпретационные вариации, версии происхождения, что позволяет нам на основании лингвистических и экстралингвистических данных сделать вывод о наиболее вероятном генезисе антропонимической единицы. При оформлении этимологического комментария мы опираемся на данные разработанной нами просопографической базы для установления наиболее вероятностного апеллятива при мотивировке некалендарного имени (происходит верификация гипотез, предложенных составителями других антропонимиконов).

Кайдалов. «*Дворъ Пятунки Кайдалова*» [Труды ЯГУАК: 4; Найденов 1884: 2] = «*Дворъ Пятунки Кайдалова*» [Труды ЯГУАК: 5] / «...*пашеть изъ оброку Замятенка Кайдаловъ*» [Титов 1887: 4] = «*Дворишко Замятинки Пятова сына Кайдалова <...> позадь огородишка его место дворовое отца его Пятунки Кайдалова <...> въ тягль зъ деньги, прожиткомъ худъ,*

торгуешь щепетиньем» [Титов 1887: 7–8] + «Дворишко Тимофея Пятова сына Кайдалова <...> пашет лукъ и чеснокъ» [Титов 1887: 7–8] / «...а нынѣ на томъ мѣстѣ живетъ Иванъ Тимофеевъ сынъ Кайдаловъ» [Титов 1887: 7–8] = «...мѣсто дворовое пашетъ Иванъ Тимофеевъ сынъ Кайдаловъ пустошью» [Титов 1887: 8] = «Лавка ростовца посацкого человекъ Ивана Кайдалова; владѣетъ по купчей со 138 году, а купчая писана на имя Тимофѣя Кайдалова» [Титов 1880: 44].

Патроним, вероятно, произошёл от некалендарного имени или прозвища *Кайдал*. В качестве некалендарного имени антропоним *Кайдал* зафиксирован в купчей 1566 «*Кайдал Савельев сын Гладунов*» [Кюршунова 2010].

Мы рассмотрели четыре возможные версии происхождения этого антропонима.

1. *Кады, Кадый* — меряньское мужское имя, сродни марийскому мужскому имени *Кадый, Кады, Кадай*, восходящему к древнему финно-угорскому *када, кода* — ‘дом, домашний’. Компонент *кад/хад* в древнюю эпоху выражал понятия: номена дома, жилища, а также генонима материнского, а затем отцовского родов у финно-угров, живших общиной [Малышев-Мерянин 2019: 148]. У финнов *kota (kodan)* — ‘шалаш, чум’; *koti (kodin)* — ‘дом, жилище’.

2. *Кадай* — подай [Ткаченко 1985]. Прозвище *Кадал, Кайдал*, таким образом, могли получить носители меряньского или марийского языка, просившие милостыню, повторяя: «*Кадай, кадай!*»

3. Е. Н. Полякова связывает происхождение прозвища с отмечаемым в южно-русских говорах словом *кайдал* ‘толпа, шумное сборище’, ‘множество детей’, предполагая, что его мог получить глава большой семьи [Полякова 2005: 153].

4. Антропоним также мог произойти от гидронима *Кадка / Кадырь*. Река Кадка протяжённостью 57 км находится на западе Ярославской области в междуречье Волги и нижнего течения Мологи. По мнению Н. М. Шварёва, гидроним Кадка имеет финно-угорское происхождение и восходит к компоненту, имеющему значение ‘рука’ (ср.: мокшанский *кядь* ‘рука’; на эрзянском — *кедь*, на марийском — *кид*, на вепсском — *käzi*; на карельском — *käsi, käzi*; на финском — *käsi*; а в генитиве на трёх последних прибалтийско-финских языках имеет сходное с мокшанским звучание — *käden*). Н. М. Шварёв связывает семантику названия с тем, что у всех народов с древних времен известна функция человеческой руки — указание направления. Эти реки могли служить указателями пути и поэтому получили такое название [Шварев 2012: 5]. Однако прозвище *Кайдал* может восходить и к гидрониму *Кадырь*. Небольшая река Кадырь протекает в 50 км от Углича вблизи Калязина. Название реки за последнее тысячелетие постепенно менялось, по-видимому, в такой последовательности: *Кядь-ляй(лей)* → *Кадль* → *Кадырь*, где суффикс *-рь* (по всей видимости, гидроформант) можно соотнести с мокшанским или эрзянским *ляй/лей* — ‘река’. В течение веков этот последний мог измениться в *-ль*, а затем — в *-рь* [Шварев 2012: 16].

Таким образом, лингвистические данные подтверждают связь патронима *Кайдалов* с финно-угорским субстратом, однако не дают возможности определить однозначно семантику апеллятивной основы.

Кувакин. «Дворишко ницаго Вторушки Андреева сына Кувакина» [Титов 1887: 26] «...в трети-дворе Федка Кувакинъ» [Труды ЯГУАК: 2] = «Дворишко бобыля бгьдныи Огрофеики Федоровские жены Кувакина» [Найденов 1884: 50]; «Избишко вдовы Фетиньницы Четвертовы жены Кувакины» [Титов 1887: 55] «кглья стрелца Дружинки Пахомова сына Кувакина» [Труды ЯГУАК: 119].

Патроним образован от личного некалендарного имени либо прозвища *Кувака*.

1. А. В. Бородкин возводит происхождение этого антропонима к меряньскому *кува* ‘старуха’ [Бородкин 2017]. Возможно, актуализация в прозвище *Кувака* признака, связанного с неправильной речью или ее отсутствием, отразившегося в говорах, также связана с особенностями «шамкающей» речи стариков: *кувак* 3. О картавом человеке. Покр.Влад., 1905—1921

[Ткаченко 1985; Зайков 2015: 387]; *кувай* 2. Глухонемой. Волог., 1902 [Ткаченко 1985; Зайков 2015: 387].

2. Экстралингвистические факторы, а именно существование в Каменском районе Пензенской области села *Кувака*, которое в свою очередь было основано в XVIII в. рядом с древним, считавшимся в народе лечебным источником *Кувака*, давшим название бренду питьевой воды [Кувака: URL], позволяют предположить, что антропоним *Кувака* имеет финно-угорское происхождение. Когда-то рядом с источником, из которого по оврагу бежал и впадал потом в реку ручей, было древне-мордовское поселение, получившее свое название от морд. *кувай* ‘длинный овраг’. Слово *кувака* в эрзянском языке, относящемся к группе мордовских языков, означает: 1) длинный; 2) долгий (о времени); 3) протяжный (о голосе) [Эрзянско-русский словарь (ЭРС): URL]. Таким образом, прозвище *Кувака* мог получить «длинный», высокого роста человек, вероятно, худой.

3. Наименее вероятной для нашего антропонимического материала является апелляция к вредным привычкам, зафиксированная во владимирских говорах, поскольку это достаточно поздние значения: *Кувак* 1. Пьяница. Покр.Влад., 1905–1921. 2. Страстный курильщик. Покр.Влад., 1905–1921 [Ткаченко 1985; Зайков 2015: 387].

Лапшин. «...двор пусть *Ивашка Лапшина*» [Труды ЯГУАК: 3] = «дв. пусть *Ивашка Лапшина*» [6, с. 4] = «во дв. *Ивашко да Оедка Лапины*» [Титов 1880: 26] / «внук *Богдашкова Оедка Иванов с. Лапшинъ 7 л.*» (внук *Родионко, прозвище Богдашко, Оадеева с. Третьякова*) [Титов 1887: 26]; «*пашеть пустошыю Естифей Филиповъ сынъ Лапшинъ*» [Титов 1887: 90].

Антропонимы *Лапша* и *Лапшин* бытовали в XVI–XVII вв. [Веселовский 1974: 177].

1. Мерянское мужское имя *Лапша* происходит от мерянского *лап* ‘низкий, маленький’ [11, с. 159]. *Лап*: 1. Низина, низменность. 2. Низкий, малый по высоте. 3. Низко [Малышев-Мерянин 2019]. Этим некалендарным именем мог быть наречен младенец, имевший небольшой рост при рождении. Патроним *Лапшин* при этом может быть образован и от прозвища, имевшего аналогичное значение. Эту версию подтверждают и материалы русских говоров. Так, Е. Н. Полякова указывает, что прозвище *Лапша* могли дать низкорослому человеку, возводя его к прилагательному *лапшатый* ‘слишком маленький’ [Полякова 2005: 210].

2. От мар. *лапаш*: 1. Похлёбка из муки или толокна. 2. Густая смесь. 3. Разг., бран. Тюфяк, тряпка, о безвольном, медлительном человеке [Словарь марийского языка: URL]. Таким образом, прозвище *Лапаш* мог получить безвольный, медлительный человек, а образованный от прозвища патроним *Лап(а)шин* в результате фонетических преобразований мог трансформироваться в *Лапшин*.

Особый интерес представляет не зарегистрированное по другим ономастиконам в силу ограниченности территории распространения фамильное прозвище *Мякрин*, которое уже в начале XVII в. может быть рассмотрено как сформировавшаяся ростовская фамилия, поскольку в анализируемый период ее носителями являются представители девяти семей дворовладельцев (в статье приведен не исчерпывающий перечень персоналий).

Мякрин / Макрин. 1) «*Пол-двора Грязнушки Мякрина*» [Труды ЯГУАК: 3] = «*Полдвора Грязнушки Мякрина*» [Титов 1880: 2] = «1/2 дв. Грязнушки Мякрина» [Найденов 1884: 2] = «...во дв. *Грязнушка Русинов с. Мякрин, у него дъти: Ивашко, да Любимко*» [Найденов 1884: 5] = «*Грязнушка Мякрин с рогатиною, с. ево Любимко 30 л. съ рогатиною*» [Найденов 1884: 35] = «*Дворишко Грязки да Иевки Русиновыхъ дътей Мякрина <...> а нынъ въ томъ дворъ въ половинъ живетъ вдова Любимовская жена Мякрина, а въ четъ Данила Евсевьевъ сынъ Мякринъ, а другую четъ пашеть пустошыю Иванъ Мякринъ*» [Найденов 1884: 3–4]. 2) «*Полдвора Богданка Мякрина*» [Труды ЯГУАК: 3] = «*Полдвора Богданка Мякрина*» [Титов 1880: 2] = «1/2 дв. *Богданка Мякрина*» [Найденов 1884: 2] = «*Дворъ Богдана Русинова сына Мякрина <...> а нынъ на томъ мѣстъ живетъ Карповска жена Мякрина*» [Титов 1887: 3]. 3) «*Дворишко Ивашка Русинова сына Мякрина*» [Найденов 1884: 4]. 4) «*Дворъ Первушки Мякрина, а*

Первушка и съ сыномъ ссѣченъ» (в 117 г.) [Титов 1880: 4] = «*дв. Первушки Мякрина, а Первушка и съ сыномъ ссѣченъ»* [Словарь марийского языка: URL]. 5) «*Полмѣста Өторушки Макрина»* [Титов 1880: 4] = «*1/2 м. Вторушки Макрина»* [Найденов 1884: 2] = «*Дворишко Вторушки Тимоѳеева сына Мякрина, въ длину 11 с, поперегъ тожъ, позадь дворишка огородишко его жъ, въ длину 36 с, поперегъ 23 с»* [Титов 1887: 4–5]. 6) «*..во дв. Ивашко Амосов с. Мякринъ»* [Титов 1880: 3–4]. 7) «*во дв. Евсейко Амосовъ с. Мякринъ, скотской барышникъ, а у него дѣти: Анисимко, да Ивашка, да Данилко, да Полунка, м-къ»* [Найденов 1884: 2] / «*..живетъ Иванъ Евсевъевъ сынъ Мякринъ»* [Титов 1880: 4] = «*во дв. Ивашко Евсевъевъ с. Мякринъ»* [Найденов 1884: 20] + «*во дв. Данилко Евсевъевъ с. Мякрин, у него дѣти: Ивашко 7 л., Андрюшка 3 л., Өатка 2 л.»* [Найденов 1884: 24] = «*..въ четъ Данила Евсевъевъ сынъ Мякринъ, а другую четъ пашетъ пустошыю Иванъ Мякринъ»* [Титов 1880: 3–4]. 8) «*во дв. Васка Павловъ с. Мякринъ, скотинной барышникъ, у него дети: Якушка, да Митка, да Гришка, маленки»* [Найденов 1884: 5] / «*..живетъ Никита Васильевъ сынъ Мякринъ, прозвище “Боранъ”, да Женуха»* [Титов 1887: 3] = «*во дв. Микитка Васильевъ с. Мякринъ, у него с. Гришка»* [Найденов 1884: 24] = «*Микитка Мякринъ с рогатиною»* [Найденов 1884: 35] / «*дв. пусть Петрушки Григорьева с. Мякрина, про тово Петрунку сказали, что сошель изъ Ростова безвестно во 151 г.»* [Найденов 1884: 10]. 9) «*во дв. Карпунька Павлов с. Мякрин, скотинной барышникъ, у него с. Петрушка, у него-жъ приемышъ Емелька, маленкъ»* [Найденов 1884: 5] = «*Карпунька Мякринъ с бердышемъ»* [Найденов 1884: 35] = «*во дв. Карпунка Павловъ с. Мякринъ, у него дѣти: Петрушка 7 л., Өедька 3 л.»* [Найденов 1884: 20] / «*Петр Карпов с. Мякрин, него дѣти: Василей 15 л., Прокофей 13 л., Борис 10 л., Иван 7 л.»* [Словарь марийского языка: URL] + «*во дв. Өедоръ, да Иван Карповы дѣти Мякрины»* [Найденов 1884: 41].

Некалендарное имя или прозвище *Мякря*, происходит от зафиксированного в карельских говорах *mäkrä* ‘барсук’ [Словарь русских народных говоров 1965: 24]. Эту версию косвенно подтверждает фиксация на территории Ростова в конце XVII в. фамильного прозвания *Барсуков* [Найденов 1884].

Против встретившейся нам на родословных форумах версии, что имя *Мякря* может быть позднереманским вариантом христианского имени *Макарий*, выступает тот факт, что в качестве гипокористического имени такой вариант нигде более не встречается, то есть мы можем говорить о воспроизводимости этой формы.

Рассмотренные в статье антропонимы, извлеченные из памятников ростовской деловой письменности XVI–XVII вв., подтверждают нашу гипотезу о наличии финно-угорского субстрата в антропонимике ярославского региона. Большинство исследуемых антропонимов имеют мерянское и восходящее к нему марийское происхождение, что подтверждает наличие контактов между славянским и финно-угорским населением в Ярославском крае в рассматриваемый период. При этом прослеживается значительная степень христианизации и обрусения коренного населения, о чём говорит сочетание имён мерянского происхождения с православными календарными именами. Исследование показывает, что многие антропонимы, традиционно рассматриваемые как славянские, на самом деле имеют или могут иметь финно-угорские корни. Это связано с адаптацией финно-угорских имен к русской фонетике и морфологии в результате длительного сосуществования и взаимовлияния языков. Полученные результаты открывают новые возможности для изучения этнической истории Ярославской области и могут послужить основой для дальнейших исследований в области исторической антропонимики.

Условные обозначения

Знак равенства (=) — варианты антропонимической формулы, относящейся к одному лицу.

Слеш (/) — знак, определяющий межпоколенческие отношения («отец — сын», «внук — дед»).

Плюс (+) — знак, определяющий родственные отношения внутри одного поколения (братья, сестры).

Библиографический список

1. Альквист А. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 436–467.
2. Бородкин А. В. «Мерянский след» в топонимике Верхнего Поволжья // Дошкольное и начальное образование: расширение образовательной среды: материалы международной конференции педагогического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль, 1–3 марта 2017 г. Ч. 2. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2017. С. 262–266.
3. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
4. Ганцовская Н. С. Костромские говоры: учебное пособие. 2-е изд., перераб. Кострома: Костромской государственный университет, 2024. 372 с. (Костромские говоры: материалы и исследования).
5. Город Ростов. 7127 г. (1619 г.) список с дозорной книги посадских и ямских дворов и земель города // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 1–10. (Труды ЯГУАК; Кн. 6. Вып. 3–4).
6. Дозорные и переписные книги древнего города Ростова // Изд. [и] предисл. А.А. Титова. Москва: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1880. 67 с.
7. Королева И. А. Фамилии с диалектными основами // Русская речь. 1996. № 6. С. 73–77.
8. Кувака. Культурно-исторический центр. URL: <https://welcome2penza.ru/guide/muzei-/muzei-/rayonu-/196/> (дата обращения: 12.07.2025).
9. Кюршунова, И. А. Некалендарные личные имена в аспекте аксиологии / И. А. Кюршунова // Научный диалог. 2019. № 10. С. 186–203. DOI 10.24224/2227-1295-2019-10-186-203.
10. Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 667 с.
11. Малышев-Мерянин А. М. (Анди Мерян), Малышев В. С. (Васка Шёмтолгай). Мерянский язык. Мерянско-русский и русско-мерянский словарь. Мерянский ономастикон. Основы грамматики. Смоленск: Инбелкульт, 2019. 232 с.
12. Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII века / изд. А. А. Титов. Санкт-Петербург: тип. Ф. Елеонского и К°, 1887. 94 с.
13. Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Кн. мир, 2005. 462 с.
14. Ростов: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / Н[иколай] А[лександрович] Н[айденов]. Москва: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1884. 96 с.
15. Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) = Venäjä-viena šanakirja / сост.: Зайков П. М. [и др.]. Петрозаводск: Периодика, 2015. 360 с.
16. Словарь марийского языка: в 10 т. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990–2005. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=37767> (дата обращения: 12.07.2025).
17. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. Москва: Наука; Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1965.
18. Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев, 1985. 207 с.
19. Финно-русский и русско-финский словарь (ФРФС) (Свыше 40 000 слов). СПб.: ООО «Виктория плюс», 2013. 608 с.
20. Шварёв Н. М. Финно-угорская гидронимия бассейна реки Кадки вблизи Углича // Кацкая летопись. 2012. № 2 (162). С. 16–24.

21. Эрзянско-русский словарь (ЭРС). URL: <https://marlamuter.com/muter/ru/%D0%AD%D1%80%D0%B7%D1%8F> (дата обращения: 12.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гапонова Жанна Константиновна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, декан факульте-
та русской филологии и культуры Яро-
славского государственного педагогиче-
ского университета им. К.Д. Ушинского,
SPIN-код 9005-6469,
e-mail: jangap1@mail.ru

Gaponova Zhanna Konstantinovna,
Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Russian Language,
Dean of the Faculty of Russian Philology and
Culture at the Yaroslavl State Pedagogical
University named after K.D. Ushinsky,
SPIN-code 9005-6469,
e-mail: jangap1@mail.ru

ИМЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ***NAME IN THE LITERARY TEXT SPACE***

УДК 82.0

Д.А. Орехов

Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова
(Горловка, Российская Федерация)
e-mail: orekhov_danil_02@mail.ru

ИМЯ РЕАЛЬНОГО ЛИЦА В ПОМОРСКИХ СКАЗКАХ С.Г. ПИСАХОВА

В настоящей работе рассматривается использование имен реальных личностей в художественном тексте. Автор статьи рассматривает примеры использования имён реальных личностей в литературе, акцентируя внимание на творчестве С.Г. Писахова и главным героем его сказок Сене Малине. В статье автор рассматривает творчество С.Г. Писахова и главный литературный приём, к которому он прибегнул для создания главного героя своих сказок – авторской маски. Манера повествования Сени Малины уникальна и своеобразна благодаря остротам и пародийности, которыми наполнена его речь. Этот герой – рассказчик, «автор» фантастических историй, чем напоминает барона Мюнхгаузена, с чьим образом в настоящей работе также проводится сравнение. Автор подчеркивает общие и отличительные черты двух героев. Вместе с этим, Сеня Малина воплощает дух северного человека, его связь с морем и природой, его творческую способность находить смысл и красоту в повседневной жизни, несмотря на её трудности. Примеры особенностей Северной культуры, которыми наполнены сказки С.Г. Писахова позволяют автору сделать вывод о важном вкладе писателя в литературу.

Ключевые слова: имя собственное, С.Г. Писахов, Сеня Малина, сказка, Северный Мюнхгаузен.

D.A. Orekhov

Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov
(Gorlovka, Russian Federation)
e-mail: orekhov_danil_02@mail.ru

THE NAME OF A REAL PERSON IN THE POMORIAN TALES OF S.G. PISAKHOV

This paper examines the use of names of real personalities in a literary text. The author of the article examines examples of the use of names of real personalities in literature, focusing on the work of S.G. Pisakhov and the main character of his fairy tales, Senya Malina. In the article, the author examines the work of S.G. Pisakhov and the main literary device he resorted to create the main character of his fairy tales – the author's mask. The manner of Senya Malina's narration is unique and peculiar due to the witticisms and parody with which his speech is filled. This character is a narrator, an “author” of fantastic stories, which resembles Baron Munchausen, with whose image a comparison is also made in this work. The author emphasizes the common and distinctive features of the two characters. At the same time, Senya Malina embodies the spirit of the Northern man, his connection with the sea and nature, his creative ability to find meaning and beauty in everyday life, despite its difficulties. Examples of the peculiarities of Northern culture, which are filled with fairy tales. The writings allow the author to draw a conclusion about the important contribution of the writer to literature.

Key words: proper name, S.G. Pisakhov, Senya Malina, fairy tale, Northern Munchausen.

В современном научном дискурсе мысль о значимости собственных имён в структуре и семантике художественного текста является аксиоматичной. Представители разных ономастических школ обращают внимание на различные аспекты информативности этого класса онимов. В контексте исследований особенностей атропонимии художественной системы одной из наиболее интересных и недостаточно исследованных проблем является изучение своеобразия функционирования имён реальных лиц в «фиктивном» мире литературного про-

изведения. Входя в художественный текст как в эстетически соответствующую разновидность высказывания, такое имя «включает» уже сформированный у него «семантический ореол» (термин М.Л. Гаспарова), хорошо известный читателю, как, например, герои, наречённые историческими, реальными именами. Такие герои не столько отражали характер исторической личности, сколько являлись своеобразными знаками эпохи.

Художественная литература насчитывает множество примеров упоминания имён реальных личностей: так, в русской литературе встречаются такие имена: *Иван Грозный* («Песня про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова), *Пётр I* («Полтава», и «Медный всадник» А.С. Пушкина), *Екатерина II* и *Емельян Пугачёв* («Капитанская дочка» А.С. Пушкина). Подобные примеры можно множить.

В этом контексте следует упомянуть творчество Степана Григорьевича Писахова, чьи сказки стали отражением уникальной Северной культуры Архангельского края.

Первая сказка С.Г. Писахова под названием «Не любо – не слушай» была опубликована в 1924 году в сборнике Архангельского общества краеведения – «На северной Двине». Сборник представляет собой разножанровые произведения, посвященные культуре «человека Севера». Помимо сказки С.Г. Писахова, в него вошли статьи О.Э. Озоровской, П.Г. Истомина, А.Н. Попова, посвященные народному творчеству и быту поморов, а также путевые заметки А.А. Евдокимова «На реке Пенеге». В 1928 году произошла судьбоносная встреча С.Г. Писахова с Семёном Кривоноговым, жителем села Уймы по прозвищу Сеня Малина, известного мастера на все руки, шутника, выдумщика, сочинителя баек и небылиц.

С.Г. Писахов писал, что виделся с Сеней Малиной лишь однажды, тогда же старик рассказал о своём тяжелом детстве, на прощанье поделился историей как с дедом «на корабле через Карпаты ездил», и как «собака Розка волков ловила». Причин, по которым Семёна Кривоногова прозвали «Сеня Малина», можно знать несколько. Во-первых, в детстве его родители часто теряли в кустах малины. Во-вторых, прозвище произошло от поморского слова «малина́» – невысокий рост; по словам внуков рост Семёна был ниже среднего. В-третьих, родственники, описывая внешность Семёна, отмечали пунцово-красный цвет лица с сеточкой капилляров, напоминавший малину.

Вдохновившись удивительной личностью и талантом сказителя Семёна Кривоногова, С.Г. Писахов делает Сеню Малину рассказчиком и героем книги сказок (от его имени ведётся повествование). В предисловии к этому сборнику С.Г. Писахов отмечает: «...я под впечатлением от встречи с этим человеком сел и написал сказки, а Сеню Малину вывел главным героем». Несмотря на то, что первые сказки С.Г. Писахова были опубликованы до знакомства с Сеней Малиной, сказовая манера и стиль повествования автора уже после выхода сборника сказок, рассказанных от имени Сени Малины, не изменилась. Можно предположить, что Сеня Малина стал собирательным образом представителей северного народа – поморов. Через свои сказки С.Г. Писахов сохраняет аутентичность языка и своеобразие поморской культуры. Позже С.Г. Писахов писал: «Чтя память безвестных северных сказителей – моих сородичей и земляков – я свои сказки веду от имени Сени Малины» [Писахов 2025 : 10].

В своих сказках писатель обращается к известному литературному приёму – авторской маске, «важнейшему структурообразующему принципу повествовательной манеры», «главному средству коммуникации» автора и читателя [Ильин 2021 : 8]. О.Ю. Осьмухина рассматривает авторскую маску как один из важнейших элементов авторской повествовательной стратегии, которая наиболее ярко проявляется в таком традиционном для русской литературы жанре, как сказ [Осьмухина 2008], ориентированном на древнюю фольклорную традицию, в основе которой бытовая, простонародная речь. В сказе фиктивный автор-повествователь «замещает» автора реального, являясь не только героем-повествователем, рассказчиком, но и «создателем» текста.

Сеня Малина в произведениях С.Г. Писахова – рассказчик, «автор» необыкновенных историй и непосредственный участник фантастических событий, о которых повествует в

собственной неповторимой манере северных сказителей. Писатель создаёт своеобразную речевую маску, которая необходима ему для создания полноценного образа своего героя.

О.Ю. Осьмухина в своем исследовании представляет авторскую маску в многообразии смыслов и трактовок. С позиции литературоведческого подхода маска является одной из форм литературной образности, с одной стороны она выступает как стилистически маркированный литературный приём («я»-повествование), с другой – художественный образ, созданный автором для сокрытия или представления себя в образе кого-то другого. [Осьмухина 2009 : 16]

Сеня Малина представлен автором сказок как фантазёр, щедрый на выдумки, чем напоминает Мюнхгаузена. С.Г. Писахов и сам указывал на родство Сени Малины с этим литературным героем. В 1935 году в журнале «30 дней» появилась публикация под названием «Мюнхгаузен из деревни Уйма». Сравнение Сени Малины с Мюнхгаузеном не случайно. Оба персонажа – мастера невероятного рассказа, оба повествуют о своих невероятных приключениях с полной серьёзностью, оба обладают способностью убеждать слушателей в истинности заведомо фантастических историй. Однако есть и существенные различия, которые определяют своеобразие фантастических рассказов Сени Малины о родном поморском крае. Немецкий барон известен своей аристократичностью и приключениями по всему миру. Так, Мюнхгаузен посетил Турцию, Италию, Египет и другие страны. Во время путешествия по России барон теряет свою лошадь, оказавшуюся на колокольне, вместо неё запрягает в сани волка. Во время войны с турками находчивому Мюнхгаузену довелось ездить верхом на пушечных ядрах.

Сеня Малина – типичный представитель сказителей-поморов. Чудеса, о которых рассказывает Сеня Малина связаны с морем, лесом, северными явлениями природы: «Северно сияние сушим. Спервоначалу-то оно не сколь высоко светит» («Северно Сияние») [Писахов 1985 : 27], «В бывалошно время я на бане в море вышел» («Баня в море») [Писахов 1985 : 35], «И дерёва, и кустики, и травка расправляются, улыбаются, здороваются» («Медведь от поповского нашествия избавил») [Писахов 1985 : 41]. Образ Сени Малины наделён большей психологической глубиной. В его рассказах проявляется мировоззрение «северного человека», его отношение к природе, к труду, к чудесному в мире.

Сеня Малина обладает чертами, восходящими к далекой скоморошеской традиции: он склонен много шутить, насмешничать и дурачиться. Его речь наполнена остротами и пародийна, зачастую он прибегает даже к балаганной ритмизации: «Барыни... прибежали, зубы щерят, глаза щурят, губы в ниточку жмут» («Яблоней цвел») или: «...не велико дело труба, а все-таки заделье, а не безделье» («Река дыбом») и т.п. Читатель как бы участвует в разговоре, и именно ему адресованы моральные сентенции Малины и глубокие социальные выводы-наблюдения автора: «Чиновники в ту пору понимания настоящего не имели, только грабить ловко умели» («Белый медведь полюсной»). К читателю-слушателю апеллирует Малина и когда нужно подтвердить «правдивость» его рассказов, что является постоянным источником комизма, так как читатель заведомо молча всегда соглашается с Малиной: «Думаешь, вру? Пойдем покажу, что повесть у меня в одну сторону кривовата» («Кислы шти»), «Да ты, гость любезный, кушай, ешь треску-то! Из того самого стада, на котором я ехал...» («На треске гуляли») [Писахов 1985 : 350].

Истории Сени Малины выходят за рамки реальности. Персонаж становится участником фантастических приключений, его жизнь заполнена чудесами и невероятными событиями, которые невозможны с точки зрения материального мира. Так, в сказке «Не любо – не слушай» Сеня Малина рассказывает про реку Двину, которая «в узком месте тридцать пять вёрст, а в широком – шире моря». В этой же сказке Сеня Малина рассказывает о традициях Архангельского края – «В стары годы девкам в придано давали первым делом – вечну льдину», а также о белых медведях, которые «молоком торгуют» и «семечками да папиросами промышляют», и пингвинах «на заработки приезжающих» [Писахов 2025]. Фантастические

свойства приобретают слова и песни в Архангельском крае. Их можно заморозить и разморозить при необходимости – «Спервоначалу ладно говорили, сыпали слова гладкими льдинками на снег... Да уж како сыпала, – прямо клала да руками поправляла, чтобы куча выше была. Слово-то всё дыбом! А когда за кучами мёрзлых слов друг дружку не видно стало, разошлись».

Понимание значения образа Сени Малины невозможно без учёта социального и культурного контекста, в котором жил и творил С.Г. Писахов. Архангельск начала XX века был регионом, переживающим период перемен. Традиционная поморская культура, основанная на мореходстве и торговле, сталкивалась с вызовами модернизации и индустриализации. В этой ситуации фольклор и устные рассказы становились способом сохранения культурной идентичности. Сеня Малина, с его невероятными историями, воплощает дух северного человека, его связь с морем и природой, его творческую способность находить смысл и красоту в повседневной жизни, несмотря на её трудности. Произведения Писахова, таким образом, не просто развлекают читателя, но служат средством культурного самоутверждения региона и его населения.

Библиографический список

1. Ильин И.П. Авторская маска // Постмодернизм: словарь терминов / [науч. ред. А.Е. Махов]. М.: ИНИОН РАН: Intrada, 2001. С. 8.
2. Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе 1760-1830-х гг. // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <https://www.dissercat.com/content/avtorskaya-mask-a-v-russkoi-proze-1760-1830-kh-gg> (дата обращения: 20.01.2026)
3. Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе XIII – первой трети XIX века: генезис, становление традиции, специфика функционирования. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2008. 188 с.
4. Писахов С. Г. Сказки; Очерки; Письма: [Сборник /Сост., авт. вступ. ст.и коммент. И. Б. Пономарева]. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. 367 с.
5. Писахов С.Г. Архангельские сказки. СПб: БХВ-Петербург, 2025. 88 с.
6. Сказки Сени Малины: сказки / С. Г. Писахов. – Архангельск: Правда Севера, 2009. 271 с.
7. Терентьев Ф. Сеня Малина жив! // Издательство Достояние Севера URL: <https://dostoyanie-severa.ru/ds6-malina/> (дата обращения: 16.01.2026).
8. Шишкова Н. Ю. Авторская маска как литературоведческое понятие // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 45-48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Орехов Данил Александрович,
аспирант первого года обучения кафедры
мировой литературы
и сравнительного литературоведения
Донецкого государственного педагогическо-
го университета им. В. Шаталова
e-mail: orekhov_danil_02@mail.ru

Orekhov Danil Aleksandrovich,
first-year postgraduate student at the
Department of World Literature
and Comparative Literature
Donetsk State Pedagogical University named
after V. Shatalov
e-mail: orekhov_danil_02@mail.ru

УДК 81.373.2

Т.Г. Попова*Балтийский федеральный университет им. И. Канта**(Калининград, Российская Федерация)**e-mail: lestvic@mail.ru***ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТЕ ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО: НАЗВАНИЯ ДЕРЕВЬЕВ И КУСТАРНИКОВ**

В настоящей работе рассматривается функционирование наименований деревьев и кустарников в тексте Лествицы Иоанна Синайского на материале древнейшей русской рукописи памятника. Общее количество рассмотренных в статье фитонимов равно 9. 6 лексем (дрѣво, дубъ, кедръ, китръ, кипарисъ и маслина) представляют группу деревьев. 3 лексемы (виноградъ, коупина и тръниѣ) обозначают названия кустарников. Описаны особенности употребления этих лексем в 20 контекстах, выявлены семантические особенности фитонимов во всех случаях функционирования. Указаны греческие параллели ко всем примерам словоупотребления. Выявлены значения, не отмеченные в Словаре русского языка XI-XVII вв.: дрѣво 'древо познания добра и зла', кедръ 'человек, обладающий чрезмерной самооценкой', тръниѣ 'душевные болезни'. Обозначены лексемы, отсутствующие в Словаре русского языка XI-XVII вв.: ненадеждство 'отчаяние' и ослоушаныи 'относящийся к древу познания добра и зла'). Выявлен пример функционирования фитонима кедръ в составе точной цитаты из Псалтири. Указаны фитонимы, употребление которых в Лествице восходит к библейской образности: фитонимы дрѣво и коупина функционируют в аллюзиях на Пятикнижие Моисея, фитонимы дрѣво, дубъ, виноградъ и тръниѣ встречаются в аллюзиях на Евангельские тексты, фитоним маслина употреблен в том значении, в каком его использует апостол Павел.

Ключевые слова: фитонимическая лексика, Лествица Иоанна Синайского, историческая лексикография, Словарь русского языка XI-XVII вв., библейские цитаты.

T.G. Popova*Immanuel Kant Baltic Federal University**(Kaliningrad, Russian Federation)**e-mail: lestvic@mail.ru***PHYTONYMIC VOCABULARY IN THE TEXT OF THE "LADDER" BY JOHN CLIMACUS: NAMES OF TREES AND SHRUBS**

This paper examines the functioning of the names of trees and shrubs in the text of the "Ladder" by John Climacus based on the material of the oldest Russian manuscript of the monument. The total number of phytonyms considered in the article is 9. 6 lexemes (*drevo*, *dub*, *kedr*, *kitr*, *kiparis*, and *maslina*) represent a group of trees. 3 lexemes (*vinograd*, *kupina* and *ternie*) denote the names of shrubs. The features of the use of these lexemes in 20 contexts are described, the semantic features of phytonyms in all cases of functioning are revealed. Greek parallels to all examples are indicated. The meanings that are not noted in the Dictionary of the Russian Language of the XI-XVII centuries are revealed: *drevo* 'tree of knowledge of good and evil', *kedr* 'a person with excessive self-esteem', *ternie* 'mental illnesses'. Lexemes that are absent in the Dictionary of the Russian Language of the XI-XVII centuries are indicated: *nadezhstvo* 'despair' and *oslushanyi* 'relating to the tree of knowledge of good and evil'). An example of the functioning of the phytonym *kedr* as part of an exact quotation from the Psalter is revealed. Phytonyms are indicated, the use of which in the "Ladder" goes back to biblical imagery: the phytonyms *drevo* and *kupina* function in allusions to the Pentateuch of Moses, the phytonyms *drevo*, *dub*, *vinograd* and *ternie* are found in allusions to the Gospel texts, the phytonym *maslina* is used in the meaning in which it is used by the Apostle Paul.

Key words: phytonymic vocabulary, the "Ladder" of John Climacus, historical lexicography, Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries, biblical quotations.

Лествица, написанная игуменом синайского монастыря преп. Иоанном Лествичником (конец VI – нач. VII в.), является одним из тех памятников ранневизантийской учительной литературы, которые можно назвать духовной энциклопедией христианина. Построенная на

библейской основе, эта книга получила широкое распространение в византийской культуре, была многократно переведена на славянские языки и по сей день является одной из любимых книг православного читателя. Одной из причин, обусловивших большую популярность ее текста, является лексическое богатство памятника, в том числе, слова, обозначающие растения. Предметом анализа в настоящей работе является функционирование наименований деревьев и кустарников в тексте памятника. В качестве материала для анализа используется текст древнейшей русской рукописи памятника, хранящейся в настоящее время в собрании Н.П. Румянцева Российской государственной библиотеки (г. Москва) под №198 (далее – Рум. 198); греческий текст цитируется по реконструкции византийского оригинала для первого славянского перевода книги, выполненного в Преславской книжной школе, см.: [Ророва 2025]. Рукопись Рум. 198 создана в середине XII в. писцом – носителем киевского диалекта древнерусского языка.

В отечественном языкознании в последнее время отмечается большой интерес к изучению фитонимической лексики в историческом аспекте: создана этноботаническая база данных, см. об этом: [Коваленко, Усалко 2025], ведется работа над словарем фитонимов русского языка XI-XVII вв., см.: [Коваленко, Колосова 2021]. Рукописи Лествицы как памятника переводной древнерусской литературы не вошли в число источников материала для названных исследований.

Рум. 198 вошла в число источников для академического Словаря русского языка XI-XVII вв. (далее – СлРЯ XI-XVII), однако примеры из этой книги в словарных статьях, посвященных названным ниже фитонимам, отсутствуют. В связи с этим задачами настоящей работы является уточнить и дополнить информацию, содержащуюся в СлРЯ XI-XVII, и описать содержащиеся в Рум. 198 лексемы для возможного их включения в Словарь фитонимов русского языка XI-XVII вв. Поставленные задачи определили методологию работы: основными методами исследования являются сопоставительный и описательный.

Общее количество рассмотренных ниже фитонимов, функционирующих в тексте рукописи, равно 9; из них 6 лексем представляют группу деревьев, 3 – кустарников. Эти лексемы функционируют в 20 контекстах. Рассмотрим словоупотребления двух названных групп фитонимической лексики.

1. Фитонимы – названия деревьев.

В группе фитонимов, именующих деревья, выделяются 2 гиперонима: **дрѣво** и **доубъ**. Преславский переводчик Лествицы четко различал греческие слова ξύλον и δένδρον, всегда передавая ξύλον как **дрѣво**, а δένδρον как **доубъ**.

1.1. Лексема **дрѣво** (греч.: ξύλον) в тексте рукописи употребляется 7 раз в следующих 5 значениях:

1.1.1 – 1.1.2. 'Дерево как жизненная форма деревянистых растений': 1) **въ дрѣвѣ гнилѣ жтрыюдоу. ражяют сѧ чървиѣ** Рум. 198, л. 83г, греч.: Εύλω σαθρῶ ἔνδοθεν ἐναποτίκτονται σκώληκες; 2) **мнѡзѣмъ-нѡгашды** (Возможна гаплография: **мнѡзѣмъ мѡнѡгашды**). **Ѡчаганіѣ и ненадежьство** (Лексема **ненадежьство** отсутствует в исторических словарях русского языка (СлРЯ XI-XVII, СДРЯ, Срз.) и в словарях старославянского языка (СтС, Микл.)). **родъ** (Так в рукописи: **родъ** (вместо: **роди**?)) **такоже чървь въ || дрѣвѣ. въсу имь надежоу раздрѡшивъ** Рум. 198, лл. 128б-в, греч.: <...> ὄσπερ σκώληξ ἐν ξύλῳ <...>; 1.1.3. 'Ветви дерева как материал, из которого изготавливается плетеная мебель': **блѡше оубо видѣти великаго по съкончани. вечернихъ мѡлтвъ. на прѣстолѣ вѣнѣоудоу жбо плетенѣ дрѣвъмъ. оутрьоудоу же плетенѣ блѡгодѣтьми** Рум. 198, л. 213в, греч.: <...> ἐπὶ θρόνου ἔξωθεν μὲν πλεκτοῦ ἐκ ξύλων, ἔσωθεν δὲ πλεκτοῦ χαρίσματος; 1.1.4. 'Колода, деревянные кандалы, в которые заковывали ноги преступников': **мнѡгашды моллахоу они <...> нозѣ въ стражоуциихъ дрѣвѣ забити** Рум. 198, л. 58б, греч.: <...> τοὺς πόδας ἐν τῷ τῶν πασχόντων κατασφαλισθῆναι ξύλῳ; 1.1.5 – 1.1.6. 'Дерево страданий и испытаний': 1) **потъкни на дрѣвѣ дѡшоу крѣста оум на-**

го.волно (Так в рукописи: наго.волно (вместо: наковално?)) ѿ насобьныхъ млатовъ биемъ. обрѹговаемъ оукарлемъ. и никакоже раслабляемъ Рум. 198, л. 36в, греч.: πῆξον ἐν ζύλῳ ψυχῆν σταυρῶ νοῦν ἄκμονα <...>; 2) ѿ пламене огниа своего. нѣколи жегомомъ. источникъ воды. слъзныа дрѣвѣмъ. рекоу же пѣти распатиа съ вреды и помысли роди Рум. 198, л. 216в, греч.: <...> διὰ ζύλου, λέγω δὴ σαρκὸς σταυρώσεως σὺν τοῖς παθήμασι καὶ ταῖς ἐπιθυμίαις <...>. Это значение восходит к библейской истории распятия Спасителя и символизирует Голгофский Крест. В примере 1.1.6 содержится цитата *Гал 5, 24* и аллюзии на *Исх 17, 5-6*; *Числ 20, 11*; *Пс 77, 16*; *Пс 104, 41*; 1.1.7. 'Дерево познания добра и зла': изгонима естъ. и не хоташи. еуга ис породы. и инокыи же самоволнѣ || ѿ своета ѳчины. ова бо паки дрѣва ослоушанаго. (Лексема ослоушанныи отсутствует в исторических словарях русского языка (СлРЯ XI-XVII, СДРЯ, Срз.) и в словарях старославянского языка (СтС, Микл.)) жаловати (Так в рукописи: жаловати (вместо: желовати?)) хоташе. съ же бѣдоу ѿ плѣтныхъ. всако подымаше по вса дѣни Рум. 198, лл. 18в-г, греч.: <...> Ἦ μὲν γὰρ πάλιν τοῦ ζύλου τῆς παρακοῆς ἐπιθυμεῖν ἔμελλεν <...>. Этот пример также восходит к библейской истории о преступлении человека и об изгнании его из рая, в частности, на фрагмент *Быт 3, 6*, рассказывающий о желании Евы вкусить запрещенный плод (εἶδεν ἡ γυνὴ ὅτι καλὸν τὸ ζύλον εἰς βρῶσιν).

В СлРЯ значения лексемы *дерево* сформулированы предельно обобщенно, и греческая параллель лексеме отсутствует во всех случаях (см.: СлРЯ XI-XVII. Вып. 4. С. 353). В связи с функционированием этого фитонима в Рум. 198 значение 1 ('дерево') реализуется в примерах 1.1.1 и 1.1.2, значение 2 ('дерево как материал') – в примере 1.1.3, значение 3 ('кусоч дерева, бревно, шест различного назначения') – в примере 1.1.4, значение 4 ('Крест') – в примерах 1.1.5 и 1.1.6. Значение 'дерево познания добра и зла', реализующееся у лексемы *дрѣво* в примере 1.1.7, в СлРЯ XI-XVII не зафиксировано.

1.2. Лексема *доубъ* (греч.: δένδρον) функционирует в Рум. 198 3 раза в значении 'дерево': 1.2.1: како доубъ доврѣ. вѣю бес плода испоусти Рум. 198, л. 44в, греч.: πῶς δένδρον καλόν, κλάδον ἄκαρπον ἐξήνευκεν; 1.2.2: доубие ѿ вѣтрѣ зыбляемо глаубоче корение съпоуцаеть Рум. 198, л. 53а, греч.: τὰ δένδρα ὑπὸ τῶν ἀνέμων σειόμενα βαθείας ρίζας καταβάλλουσιν. В этом примере содержится аллюзия на *Мф 7, 17*; 1.2.3. смотри еда како жзриши. на своємъ селѣ доубие. землю жпразнивѣше (*Лк 13, 7*). на инои же плодъ имѣти мѡгоуца. еже любѣвнымъ вѣстѣрженнемъ. прѣсажати не ѿмѣщѣмъ са никакоже Рум. 198, л. 212б, греч.: <...> δένδρα, τὴν γῆν καταρροῦντα, ἐν ἑτέρῳ δὲ ἴσως καρποφορῆσαι δυνάμενα <...>. Этот фрагмент Лествицы отсылает читателя к библейской притче о неплодной смоковнице в винограднике (*Лк 13, 6-9*).

В СлРЯ XI-XVII значение 'дерево' у сущ. *доубъ* отмечено как основное (СлРЯ XI-XVII. Вып. 4. С. 368); форма *доубие* дается в СлРЯ XI-XVII в отдельной статье как собирательное сущ. (Там же. С. 371), греческие параллели к этим фитонимам (δένδρον и δένδρα) отсутствуют.

Кроме сущ. *дрѣво* и *доубъ*, в тематическую группу "Деревья" в Лествице входят такие фитонимы, как *кедръ* (1 пример), *китрѣ* (1 пример), *квпарисъ* (2 примера) и *маслина* (1 пример). Приведем контексты, в которых функционируют названные существительные.

1.3. Фитоним *кедръ*, греч.: κέδρος: *видѣхъ нечѣстиваго превышающа са. и въземляща са. и мѡгуща са. и вѣсаща са. о мнѣ акы кедры ливанскыа* Рум. 198, л. 105а, греч.: <...> ὡς τὰς κέδρους τοῦ Λιβάνου. Этот фрагмент представляет собой расширенную Лествичником цитату из Псалтири (*Пс 36, 35*). В Еврейской энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона отмечается, что ливанский кедр "считается в Библии самым могучим и красивым деревом", которое "являет собою величественное зрелище", "с гордо раскинувшимися ветвями", "у библейских поэтов и пророков это дерево является олицетворением идеи могущества" (ЕЭБЕ. Т. 9. С. 407-408). В СлРЯ XI-XVII (Вып. 7. С. 108) значение сущ. *кедръ* толкуется как

'название дерева (нескольких видов)', греческая параллель (κέδρος) отсутствует. В Рум. 198 этот фитоним функционирует в составе фразеологически связанного сочетания слов (кедръ ливаньскыи), значение которого можно сформулировать как 'человек, обладающий чрезмерной самооценкой, высокомерный, одержимый страстью гордыни'.

1.4. Фитоним китръ, греч.: кίτρον: бесплодство оубо юстьствъмь. на высотуу глїемыхъ китръ. вѣга възвышаетъ. прѣклоньша же сѧ въскорѣ. плодны вывають Рум. 198, л. 141б, греч.: <...> εἰς ὕψος τοὺς τῶν λεγόμενων κίτρον <...>. Этот пример из Лествицы, но не по Рум. 198, а по другой, более поздней рукописи, в сокращенном виде (на высотуу глїемыхъ кидъръ) вошел в СлРЯ XI-XVII (Вып. 7. С. 142), значение лексемы сформулировано как 'цитрусовое дерево'. В русском переводе Лествицы, выполненном в Оптиной пустыни, греческой лексеме кίτρον соответствует 'лимонное дерево' [Лествица 1997: 329].

1.5.1 – 1.5.2. Фитоним кнпарисъ, греч.: кулάρισσος, функционирует в рукописи в двух фрагментах: 1) не преведеть сѧ. купарасъ (Так в рукописи: купарасъ) на землю ходити. ни инокыи высокосърдыї. послушаниа приобръсти Рум. 198, л. 125б, греч.: Οὐχ ὑποκλίνει кулάρισσος εἰς γῆν περιπατεῖν <...>; 2) съплѣтает сѧ съ крѣпостию величание. такоже нарицаемьи смилазъ. съ купарисъмь Рум. 198, л. 167б, греч.: Συμπλέκεται τῇ ἀνδρεία ἡ τυφωσις, ὥσπερ ὁ λεγόμενος σμίλαξ τῇ куларίσσῳ. Сущ. кнпарисъ 'кипарис' представляет собой морфологически адаптированный грецизм. В СлРЯ XI-XVII (Вып. 7. С. 130) фрагмент из Лествицы (пример 1.5.2) приведен в качестве примера употребления этого фитонима, но не по Лествице, а по Пандектам Никона Черногорца, в которые вошли цитаты из Лествицы (Приплѣтаетъ бо сѧ къ мужьству величание, якоже рекомый измюлазъ кюпарису). В тексте Лествицы в обоих случаях лексема кнпарисъ употребляется в прямом значении. Кипарис как символ вечной жизни нашел отражение в иконографии Лествицы: византийский кодекс №394 из собрания Ватиканской апостольской библиотеки (индекс в базе данных Pinakes: 67025) на лл. 14об. и 17об. сохранил изображения молодой женщины, держащей в руках ветвь кипариса; женщина, как следует из надписи при изображении ("ἡ ξενιτεία"), персонифицирует странничество, т.е. уход из греховного мира в мир света и правды в поисках спасения души; в названной рукописи это константинопольский монастырь – при миниатюре читается надпись: "ὁ μοναχὸς ἀπερχόμενος εἰς τὸ κοινόβιον τοῦ λουφαδίου" ("монах, удаляющийся в монастырь Лопадиион"). (Изображения из этой рукописи и их описания см. на Интернет-сайте проекта "Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского", URL: <https://art-of-scala.ru/images/manuscripts/vat.-gr.-394/> (дата обращения: 20.01.2026))

1.6. Фитоним маслина (дивиа маслина, греч.: ἀγριέλαιος): мощно. и оудобъ хоташоумоу. дивїи маслинѣ къ добръкї || присажати сѧ Рум. 198, лл. 104в-г, греч.: <...> ἀγριέλαιον εἰς καλλιέλαιον ἐκεντρίζεσθαι. Данный пример содержит отсылку к Рум 11, 17. Значение лексемы маслина в В СлРЯ XI-XVII (Вып. 9. С. 33) сформулировано как 'маслина, оливковое дерево'; в Лествице этот фитоним функционирует в составе словосочетания дивиа маслина, переводящего один греческий композит (ἀγριέλαιος), и имеет значение 'дикая маслина, непривитое оливковое дерево'. Автор Лествицы употребляет лексему ἀγριέλαιος в том же значении, что и апостол Павел. Библейский текст Рум 11, 17 содержит две повторенные Лествичником словоформы (<...> σὺ δὲ ἀγριέλαιος ὢν ἐκεκντρίσθης <...>), что позволяет рассматривать фрагмент, в котором функционирует фитоним маслина, не только как аллюзию на апостольское послание, но и как микроцитату из него.

2. Фитонимическая группа наименований кустарников представлена в Лествице 3 лексемами, а именно: виноградъ (1 пример), коупина (3 примера) и тръниѣ (1 пример). Укажем контексты, в которых функционируют названные лексемы.

2.1. Фитоним виноградъ, греч.: ἄμπελος: ино прѣдънаго сего винограда видѣниѣ въ зїмѣ врѣдъовъ юсть. и їно веснѣ (Возможна гаплография: в веснѣ) оубо плодное. и ино въ

жатвоу доброволѣнии Рум. 198, л. 135а, греч.: Ἄλλη τῆς ὀσίας ταύτης ἀμπέλου ἢ θεά <...>. В этом контексте лексема **виноградъ** имеет значение 'виноградник, фруктовый сад'; в СлРЯ XI-XVII (Вып. 2. С. 185) зафиксировано 4 значения этого сущ., при этом значение "виноград как сад" предшествует значениям "виноград как растение", "виноград как ягода" и "виноград как вино". На наш взгляд, частое употребление фитонима **виноградъ** в значении 'сад' в средневековой христианской книжности может быть связано с библейской реминисценцией на притчу о работниках в винограднике (*Мф 20, 1-16*).

2.2. Фитоним **коупина** употребляется в Рум. 198 3 раза, во всех случаях славянской лексеме соответствует греческая βάτος: 2.2.1. **мѡси по видѣнии бѣ. паки въ егѹптѣ рекше въ тьмоу. на ланотворие. разоумнаго васнь фараѡна. възврати сѧ. нъ паки въсходитъ къ коупинѣ. и не тѣчию нъ и на гороу** Рум. 198, л. 63в, греч.: <...> πάλιν ἀνέρχεται ἐν τῇ βάτῳ <...>. Этот фрагмент содержит аллюзии на события библейской истории, изложенные в книге Исход (*Исх 3-4, Исх 5-7, Исх 10, 21, Исх 19, 3-25, Исх 24, 12-18, Исх 34, 1-29*); 2.2.2. **егѹптиа же сего. и мы побивѣше всако оуже въ коупинѣ. съмѣрени** (Так в рукописи: **съмѣрени** (вместо: **съмѣрениа**?) **бѣ оузримъ** Рум. 198, л. 101а, греч.: <...> ἐν τῇ βάτῳ τῆς ταπεινώσεως τὸν Θεὸν ὀψόμεθα. Кроме названных выше событий, связанных с Богоявлением, в этом примере имеется аллюзия на убийство Моисеем египтянина (*Исх 2, 12*); 2.2.3. **на высоту възиде. всакъ мракъ и мѡгоу. и дымъ отрѣвивъ. невѣдѣниа глѹ. трѣмрачноу тьмоу. приближи сѧ къ свѣтоу велми же коупины чѣстьнѣишии.оумоу** (Так в рукописи: **чѣстьнѣишии.оумоу** (вместо: **чѣстьнѣишоумоу**?) **и вышѣшоумоу. съподобѣ сѧ. разоума и прѣства** Рум. 198, л. 216а, греч.: <...> πολὺ γε τῆς βάτου αἰδεσιμωτέρῳ καὶ ὑψηλωτέρῳ ἡζιώθης θεωρίας καὶ προφητείας. Как и предыдущие примеры, этот фрагмент Лествицы связан с ветхозаветной историей; кроме названных выше глав книги Исход, в нем содержится аллюзия на *Исх 20, 21*.

В СлРЯ XI-XVII (Вып. 8. С. 127) значение фитонима **коупина** формулируется как 'терновый куст; заросли терновника'; в словарной статье приведены три примера из разных памятников древнерусского языка, и во всех случаях речь идет не о терновнике, вообще, а о том кусте, в котором пророк Моисей увидел Бога в виде огня. На материале Лествицы значение лексемы **коупина** можно уточнить, сформулировав как 'горящий куст, растущий у подножия Синайской горы, в котором Бог явился пророку Моисею; аллюзия на *Исх 3-4*'.

2.3. Фитоним **трѣниѣ**, греч.: ἄκανθα: **не бо ни** (Так в рукописи: **ни** (вместо: **нъ и**?) **земля добра. и плодоносива и тоучна естъ. нъ вѣсть скоудьство. воды вещьстиѧ. былѣемь порастѣшоу ю творити. и трѣниѣ величаниа величаниа** (Так в рукописи: форма **величаниа** повторена дважды) **и блѹда. и бестрашиѧ на тои възставити** Рум. 198, л. 32б, греч.: <...> ἀκάανθας τύφου, καὶ πορνείας καὶ ἀφοβίας <...>. Данный пример содержит реминисценцию на притчу о сеятеле (*Мф 13, 3-23; Мк 4, 3-20; Лк 8, 5-15*); во всех трех Евангелиях встречается лексема ἄκανθα. В СлРЯ XI-XVII (Вып. 29. С. 309) указано два значения сущ. **терниѣ**: прямое ('колючий кустарник') и переносное ('невзгоды, беды, печали и т.п.'). В Лествице под словом **трѣниѣ** образно подразумеваются такие душевные болезни, как гордыня (τῦφος), блуд (πορνεία) и отсутствие страха Божия (ἀφοβία).

Наблюдения над функционированием фитонимов, именующих деревья и кустарники, в Лествице Иоанна Синайского на материале древнейшей русской рукописи памятника приводят к следующим выводам и результатам:

1. Несмотря на то, что Рум. 198 входит в число источников для СлРЯ XI-XVII, материалы Лествицы при составлении словарных статей **виноградъ**, **дрѣво**, **доубъ**, **кедръ**, **коупина**, **квпарисъ**, **маслина** и **трѣниѣ** не учитывались. Как источник Лествица, но не по Рум. 198, а по более поздней рукописи, была использована при составлении статьи **китръ** (пример 1.4). Фрагмент из памятника вошел в словарную статью **квпарисъ** (пример 1.5.2), но

не по тексту Лествицы, а по тексту Пандектов Никона Черногорца, в состав которых входят цитаты из Лествицы.

2. В словарных статьях СлРЯ XI-XVII греческие параллели к фитонимам, как правило, отсутствуют. Выше указаны греческие лексемы, которым соответствуют все рассмотренные фитонимы во всех случаях употребления.

3. В СлРЯ XI-XVII указаны не все значения рассмотренных лексем. Лингвистический анализ названных фитонимов позволил выявить ряд значений, не отмеченных в СлРЯ XI-XVII: **дрѣво** 'древо познания добра и зла' (пример 1.1.7), **кедръ**, в составе фразеологизма **кедръ ливаньскыи** 'человек, обладающий чрезмерной самооценкой' (пример 1.3), **тръниие** 'душевные болезни' (пример 2.3) и др.

4. Выявились две лексемы, отсутствующие в СлРЯ XI-XVII: это слова **ненадеждьство** 'отчаяние' (пример 1.1.2) и **ослушаныи** 'относящийся к древу познания добра и зла' (пример 1.1.7).

5. Как литературный памятник, Лествица основана на книгах Священного Писания. Фитоним **кедръ** (пример 1.3) функционирует в точной цитате из Псалтири. В библейских аллюзиях на Пятикнижие Моисея употребляются такие фитонимы, как **дрѣво** (пример 1.1.7) и **коупина** (пример 2.2). К Евангельским текстам отсылают контексты словоупотреблений лексем **дрѣво** (примеры 1.1.5, 1.1.6), **дубъ** (примеры 1.2.2, 1.2.3), **виноградъ** (пример 2.1), **тръниие** (пример 2.3). Употребление фитонима **маслина** (пример 1.6) обусловлено текстом Послания апостола Павла. Таким образом, из 20 приведенных выше примеров словоупотребления 10 напрямую восходят к библейской образности.

Ботаническая лексика Библии, по нашим данным, до сих пор является почти неисследованной: единственной монографией остается книга Д. Разумовского "Обозрение растений, упоминаемых в Священном Писании", увидевшая свет в 1871 г., см.: [Разумовский 1871]. В связи со сказанным представляется перспективным лингвистический анализ именованных растений в Лествице в сопоставлении с библейскими текстами; такое исследование приведет к новым открытиям в области исторической семантики русского языка и обогатит отечественную историческую лексикографию.

Условные сокращения

ЕЭБЕ – Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 1–16. СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1908–1913.

СлРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1 и след. М., 1975 и след.

Рум. 198 – рукопись №198 собрания Н.П. Румянцева (ф. 256) Российской государственной библиотеки, Москва.

Библиографический список

1. Коваленко К.И., Колосова В.Б. Словарь фитонимов русского языка XI-XVII вв.: источник база и принципы лексикографирования // Лексикография современной эпохи. Томск: Изд-во ТГУ, 2021. С. 326–328.

2. Коваленко К.И., Усалко И.В. Этноботаническая база данных PhytoLex: история проекта и перспективы развития // Парад цифровых гуманитарных проектов. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. С. 100–119.

3. Лествица, в русском переводе. С алфавитным указателем. Седьмое издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1908. Репринт: М.: Изд-во "Лествица", 1997. 671с.

4. Разумовский Д., прот. Обозрение растений, упоминаемых в Священном Писании. М.: Университетская типография, 1871. 182 с.

5. Popova T. Die "Leiter zum Paradies" des Johannes Klimakos: Frühgriechische Version des Textes – Vorlage der Preslaver Übersetzung. Düren: Shaker-Verlag, 2025. 1134 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Попова Татьяна Георгиевна,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Балтийского
федерального университета им. И. Канта
SPIN-код: 3254-7740
e-mail: lestvic@mail.ru

Popova Tatiana Georgievna,
Doctor of Philological Sciences,
Leading Researcher of Immanuel
Kant Baltic Federal University
SPIN-code: 3254-7740
e-mail: lestvic@mail.ru

УДК 81'373.21:81'37

Н.В. Разумкова
Цюйфуский педагогический государственный университет
(Цюйфу, Китай)
e-mail: 18nadezhda3@mail.ru

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются реализации окказиональных антропонимов в стихотворениях М.И. Цветаевой, В.В. Маяковского, Вл.В. Хлебникова. Цель – анализ особенностей новообразований, мотивированных личным именем, в той мере, в какой они характеризуют творческую языковую личность. В рамках текстоцентрического подхода определяется специфика антропонимического фрагмента поэтической картины мира сквозь призму ментальной способности автора использовать богатые ресурсы русского языка. Интерпретация экспрессивных антропонимических образов ориентируется на данные культурно-исторического контекста. Окказионализмы, созданные мастерами, придают тексту не только своеобразную поэтичность, но и мобилизуют читательский интерес. Многообразие моделей антропонимов и способов их употребления в стихотворном корпусе футуристов имеет важное прикладное значение, так как приучает читателя к филологическому пониманию истории и культуры русского языка.

Ключевые слова: антропоним, окказионализм, поэтическая картина мира, русский авангард футуристической направленности, языковая личность автора.

N.V. Razumkova
Qufu Normal University
(Qufu, China)
e-mail: 18nadezhda3@mail.ru

ANTHROPONYMIC FRAGMENT OF A POETIC PICTURE OF THE WORLD (OCCASIONAL ASPECT)

This article examines the use of occasional anthroponyms in the poems of M.I. Tsvetaeva, V.V. Mayakovsky, Vl.V. Khlebnikov. The aim of the paper is to analyze the characteristics of new formations motivated by personal names, as they characterize a creative linguistic personality. Using a text-centric approach, the specific features of anthroponymic fragments in a poetic worldview are determined through the lens of the author's mental capacity to utilize the rich resources of the Russian language. The interpretation of expressive anthroponymic images is guided by data from the cultural and historical context. Occasional forms, created by masters, not only imbue the text with a distinctive poetic quality, but also mobilize reader interest. The diversity of anthroponym models and methods of their use in the poetry of the Futurists has an important practical significance, as it accustoms the reader to a philological understanding of the history and culture of the Russian language.

Key words: anthroponym, occasional form, poetic picture of the world, Russian avant-garde of futuristic orientation, linguistic personality of the author

Обозначенная тема статьи представляется актуальной, поскольку обусловлена интенсивностью изучения ономастического богатства в языке русской поэзии, о чем свидетельствует обилие публикаций. Сопровождая человека повсюду, имена собственные (ИС) занимают важное место в лексической системе. ИС в художественной ипостаси, вступая в разнообразные связи с остальными словами, создает многоуровневые ассоциации, влияет на восприятие текста и его интерпретацию. Накопленный значительный материал в данной области послужил теоретико-методологической опорой для нашей работы (Г.Ф. Ковалев, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, О.И. Фонякова и др.).

Когнитивный вектор современной научной парадигмы способствовал обогащению литературной ономастики свежими идеями и концепциями, позволяя взглянуть на предмет под новым углом зрения – в терминах «концепт», «поэтическая картина мира», «языковая личность». Антропонимы активно участвуют в формировании индивидуально-авторской картины мира. В рамках данной статьи антропонимы рассматриваются в текстовых категориях темы, хронотопа и модальности в той мере, в какой они характеризуют языковую личность (ЯЛ) творца. Осмысление поэтического материала продиктовано не поиском новых закономерностей, а стремлением обратить внимание на эмоциональную палитру авторских приемов ситуативного употребления ИС. Избранные методы исследования (реферативный, категориальный, сопоставительный, лингвистическое комментирование) обусловлены поставленной целью. В центре внимания находится творческая индивидуальность Серебряного века – неоромантического периода в литературе и искусстве, ознаменованного активным поиском новой эстетической концепции. Языковая личность с присвоенной ею языковой системой, «включающей вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационный уровни» [Капулов 2002], открывает оригинальные пути отбора конкретных языковых единиц и их комбинаторики, конструируя собственную картину мира.

Предметом изложения в данной статье являются окказионализмы, мотивированные личными именами, и комплекс ассоциаций им порождаемый. Традиционно окказионализмы понимаются как «речевые явления, создаваемые под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо коммуникативного задания, выражения смысла или его экспрессивного оттенка» [Бельчиков 2003 : 384]. Окказиональные антропонимы призваны передать индивидуально-авторское видение мира.

Устойчивый интерес к словотворчеству наиболее ярко проявился в произведениях футуристов. Источником исследования стали стихотворные тексты М.И. Цветаевой, В.В. Маяковского, Вл.В. Хлебникова. В читательском сознании масштаб личностей этих поэтов огромен, творческая индивидуальность многолика, судьба глубоко трагична, картина мира цельна и уникальна. О заслугах поэтов в области семантико-словообразовательной окказиональности сказано достаточно много (для примера [Барковская 2008; Мельникова 2004; Ревзина 2009]), однако поиск и толкование нюансов выражения смысла или необычного оттенка языковых единиц в произведениях поэтов постоянно находится в зоне внимания почитателей их таланта.

В исследуемом материале тема человека сфокусирована на окказиональных моделях, мотивированных личным именем, отчеством, фамилией. «Предельно антропоцентрический языковой знак, максимально приближенный к человеку» [Голомидова 1998 : 64], личное имя характеризует лирического героя, отражает ментальные установки и творческое мышление автора. Кроме того, ИС в литературном произведении «играет очень важную роль ориентира во времени и пространстве» [Суперанская 2007 : 30].

Реализация возможностей окказионального антропонима создает неповторимый образный строй в лирическом произведении. Энигматичность окказионального антропонима, выполняющего изобразительно-выразительную функцию, играет своей ассоциативной структурой и устанавливает отношения с другими словами по фонетической или семантической аттракции. В основе креативной деятельности лежит ментальная способность человека творчески использовать свои знания, привлекая старые знания и порождая новые. Следует подчеркнуть универсальность процессов продуктивной деятельности, инициированной творческими устремлениями художника слова. Не соответствующие общепринятому стандарту языковые модели дают автору возможность строить цепочки ментальных пространств в максимально эффективной форме.

Показательно в этом отношении творчество М.И. Цветаевой. Антропонимикон поэтессы насчитывает более 500 единиц, 370 из которых встречаются многократно [Горбаневский 1985 : 87]. Богатый интеллектуальный потенциал поэтессы находит свое отражение в ис-

пользовании имен виднейших деятелей культуры, литературы, мифологии. Так, в стихотворении «Чтобы край земли не вымер» имя поэта Маяковского представлено в исконно древнерусской полногласной форме, намекающей на сходство с князем Владимиром Святославовичем: *Будь, младенец, Володимир: / Целым миром володей!* Окказиональный способ презентации личного имени футуриста производится посредством звукового консонанса гипокористического имени *Володя* (падежная форма Володей в Ablativus auctoris) и полногласной формы императива глагола «владеть» (*володей*).

В стихотворении «Маяковскому» реализуется сугубо адресная тема. Цветаева создает окказионализмы, мотивированные фамилиями *Маяковский* и *Шаховский* исходя из индивидуальных человеческих качеств данных персоналий: *Парень! не по-маяковски / Действуешь: по-шаховски*. Отыменные наречные модели, образованные префиксально-суффиксальным способом, обозначают манеры поведения лирического героя. Отсылки к ИС имплицитно соотносят самоубийство поэта с дворянским поступком, на это намекает фамилия Шаховский, принадлежащая знатному боярскому роду. Функция этой аллюзии состоит в том, чтобы подкрепить в сознании читателя величие образа Маяковского как общественного лидера, поэта-богатыря, презиравшего мещанские порядки. Противопоставляя творческую народную силу поэзии Маяковского «салонной» лирике, Цветаева критикует современника в отступлении от декларируемых им идей.

В поэме «Сибирь» поэтесса упоминает Ивана Грозного в необычном сочетании личного имени и патронима – *Иванищу Васильичу Край Строгановыми, / Как на ладони поданный*. Антропоним складывается из полного имени с суффиксом *Иван-ище*, имеющим подчеркнуто ироничный увеличительный оттенок, и просторечной формы отчества *Васильич*. Для придания определенной окраски другому персонажу поэмы «Сибирь» Цветаева обращается к уменьшительному имени с редуцированным окончанием: *Стоит Костлявым служкою / Толчок: куды глядишь? / В монастыре том с кружкой / Ходил Распутин Гриш*. Сочетание фамилии и просторечного обращения (*Гриш*) мотивировано осознанием образа персонажа как сибирского крестьянина, который приобрел известность благодаря тому, что стал другом семьи императора Николая II.

В замечательно изящной поэме-сказке «Переулочки», созданной по мотивам былины о Добрыне и Маринке, лирические герои безымянны парадоксально. Однако, в подражание фольклору, Цветаева конструирует антропонимические модели в официальной стилистике, традиционной для русской культуры – «личное имя + отчество» (по имени называют, по отчеству величают): *Разрумяниста моя Знобь-Тумановна! / Лихоманочка моя Лихомановна!* Сложения из нарицательных слов, денотативно относящихся к таким сферам, как «ландшафт» (*Синь-Озеровна*), «птицы» (*Высь-Ястребовна*), «драгоценные камни» (*Глыбь-Яхонтовна*), служат великолепной иллюстрацией креативных потенциалов русского слова. Лирическое настроение подчеркивается звучанием сонорных и звонких согласных (**л, р, з**) в многократно повторяющемся слове с цветовым компонентом *лазорь*: *Да и в ла – / зорь! Лазорь, лазорь, Крутая гора! Лазорь, лазорь, Вторая земля! Зорь-Лазаревна, / Синь-Ладоновна, / Лазорь-лазорь, / Прохлада моя! Ла – зорь!* Усиливает экспрессию окказиональная модель *Зорь-Лазаревна*, состоящая из усеченной гипокористической формы нарицательного существительного *Зоренька* с патронимом (*Зорь-Лазаревна*), производным от древнееврейского имени *Лазарь* («Бог помог»). Комбинирование ИС *Лазарь* и фонетически близкого ему нарицательного существительного *лазорь* формирует смысловые связи, углубляющие эмоциональный спектр лирического произведения. Экспериментируя словообразовательными возможностями русского языка, сдвигая различные семантические сущности, поэтесса поворачивает слова разными гранями. Созданный автором зримый ассоциативный фон превращает в символ горы, землю, прохладу, которые в совокупности олицетворяют райский соблазн. Трагическая любовь колдуньи к Добрыне в интерпретации Цветаевой имеет положительный финал: героиня, представленная в ореоле романтизированных антропонимических образов

(*Синь-Ладановна, Зыбь-Радуговна etc*), завораживает доброго молодца не волшебством, а небесным соблазном.

В поэтическом наследии В.В. Маяковского тоже немало окказионализмов, мотивированных ИС. Обратимся к стихотворению «Слегка нахальные стихи товарищам из Эмкхи»: *И с разискреннею силищей / кроют мрачные от желчи / Понастроили страшилищей / сволочи микел анжельчи*. Сюжет строится на тематической оппозиции «культура» и «разруха» за счет противопоставления личных имен Микеланджело Буонаротти (крупнейший мастер эпохи Высокого Возрождения), Лоренцо Медичи (флорентийский покровитель искусств и наук) и фамилии конкретного чиновника Цивцивадзе, мечтающего установить бюсты в ущерб благоустройству дорог. Ироническое переосмысление ИС на фоне использования высокой лексики (*мраморные лики, вздымая, душой облагорожен*) и грубых слов (*морда, рожи, будь ей пусто*) эффектно подчеркивает эмоциональный накал политической сатиры Маяковского. Текстовая категория темы «политика» реализуется благодаря окказионализмам, мотивированным фамилиями государственных и политических деятелей. Ассоциативный фон антропонимов способен привлечь и задержать внимание читателя, обострить интригу сюжета. Например: *Господин Керзон, / бросьте / этот звон железом. / Ступайте в отставку! / Чего керзоните?! / Наденьте галоши, / возьмите зонтик. / И, / по стопам Ллойд-Джорджиным, / гуляйте на даче, / занимайтесь мороженым*. Окказионализм (*керзоните*) образован посредством слияния фамилии видного английского публициста, путешественника и государственного деятеля – Джорджа Натаниела Керзона и глагольного окончания второго лица множественного числа. От сложного имени британского дипломата Ллойд Джорджа Дэвида, известного своим прагматизмом и умением вести переговоры, поэт создал окказиональное прилагательное со значением индивидуальной принадлежности (*по стопам Ллойд-Джорджиным*). Окказиональное употребление фамилий британских реакционных деятелей выступает в качестве знака, манифестирующего концептуально важный компонент идейно-художественного замысла стихотворения ровно настолько, насколько это было нужно для читателей того времени.

Новообразования с антропонимическим элементом в поэзии Велимира Хлебникова отличаются необычайной яркостью и свежестью. Интересным представляется такой словообразовательный тип, как отыменные глаголы, хотя поэт уделял глагольному словотворчеству значительно меньше внимания, чем именному [Григорьев 1986 : 127]. Текстовая категория темы человека является важным элементом знаменитого стихотворения «Усадьба ночью, чингисхань!», где главным выразительным средством выступает глагол, образованный от имиджевого имени: *Усадьба ночью, чингисхань! / Шумите, синие березы. / Заря ночная, заратустрь! / А небо синее, моцарть! / И, сумрак облака, будь Гойя! / Ты ночью, облако, роопсь!* Известное в мировой истории и культуре имя, вступая в разнообразные связи с другими словами текста, формирует тематические ряды – «искусство», «мировая история», «природа», тесно переплетенные между собой. Поэт наделяет своих персонажей действиями, выраженными глаголами, обозначающими качество действия (*чингисхань, моцарть, роопсь*). ИС характеризует состояния природных объектов (*сосны ветром омамаены*). Особая роль отводится именам в качестве связующего звена времени и пространства (*Батый, Мамай, Каин, Газдрубал*). Прошлое, настоящее и будущее совпадают в ментальных пространствах. Хлебников создал особый жанр – «заклятие именем», в котором реализуются смысловые контрасты: «Запад», «Евразия», «музыка», «живопись», «война», «природа», «социум». Природное, культурное, психическое начала за счет конкретизации антропонимических образов синтезируются в энергию творчества.

Итак, представленная толика примеров, акцентирующих окказиональный аспект антропонимического фрагмента поэтической картины мира, воплощенный в творчестве футуристов, основывается на философской теории имяславия Хлебникова, согласно которой энергичная сущность языка представляется как миротворящее и мироорганизующее начало

[Мельникова 2004]. Тематическое богатство антропонимикона, структурное и функциональное разнообразие в языке русского авангарда свидетельствуют не только об эрудиции поэтов, но их знании и уважении традиций русского именования. Мотивированное включение в ткань стихотворного текста окказиональных антропонимических моделей нацелено не только на выражение нюансов индивидуализации персонажа и желания избежать тривиальности, но и мобилизовать закодированные в памяти читателя элементы ассоциативно-образного восприятия.

Таким образом, отыменные окказиональные модели конструируются талантливыми мастерами с помощью притяжательных прилагательных (*по стопам ллойджорджиным*), наречий (*по-маяковски, по-шаховски*), глагольных форм (*чингисхань; керзоните*). В ситуативном употреблении окказиональный антропоним становится «самовитым словом» (термин Велимира Хлебникова), обладающим собственной жизнью (от лат. *vita* «жизнь»), собственной формой и художественной ценностью. Думается, что предложенный подход (антропоориентированный + текстоцентрический) продуктивен и перспективен в плане исследования ономастического фрагмента поэтической картины мира.

В прикладном аспекте материалы статьи могут найти применение на занятиях по РКИ. Выполняя аттрактивную функцию, слова, созданные поэтами от личного имени, играют важную роль в познании истории и культуры русского языка.

Библиографический список

1. Барковская Н. Стихотворение Велимира Хлебникова «Усадьба ночью, чингисхань!..» в историко-литературной перспективе // Интерпретация и авангард: межвузовский сборник научных трудов / под ред. И.Е. Лощилова. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://russianway.rhga.ru/upload/main/Hlebnikov%20anthology%20T2/488%20497.pdf> (дата обращения – 22.01.2026).
2. Бельчиков Ю.А. Окказионализмы // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
3. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 1998. 232 с.
4. Горбаневский М.В. «Мне имя – Марина ...» (Заметки об именах собственных в поэзии М. Цветаевой) // Русская речь. 1985. №4. С. 56-64.
5. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 256 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиторил УРСС, 2002. 264 с.
7. Маяковский В.В. Сочинения в 2-х т. М.: Правда, 1988. 1536 с.
8. Мельникова Н.А. Имя в системе поэтического языка Велимира Хлебникова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Омск, 2004. 203 с.
9. Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 600 с.
10. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного: монография. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 368 с.
11. Хлебников Вл. Творения. М.: Советский писатель, 1987. [Электронный ресурс]. URL: <https://traumlibrary.ru/book/hlebnikov-tvorenia/hlebnikov-tvorenia.html> (дата обращения - 19.01.2026).
12. Цветаева М.И. Стихотворения. Поэмы. М.: Правда, 1991. 688 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Разумкова Надежда Васильевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент факультета русского языка
Цюйфуского педагогического
государственного университета,
SPIN-код: 2356-1708,
e-mail: 18nadezhda3@mail.ru

Razumkova Nadezhda Vassilyevna,
Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor, Docent of the Department of
Russian Language, Qufu Normal University,
SPIN-code: 2356-1708,
e-mail: 18nadezhda3@mail.ru

УДК 811.11

В.И. Чететка

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru*

Л.В. Лукина

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: lookyna@gmail.com*

О.И. Рыжков

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: olegryzh@mail.ru*

МИФОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА)

Статья посвящена исследованию мифонимов как лингвистического и культурного феномена в контексте древнегерманского героического эпоса. Мифонимы, или имена персонажей мифологического происхождения, представляют собой уникальное явление, отражающее глубинные структуры мифологического сознания и языковой картины мира. В статье рассматривается этимологическая база мифонимов, их прагматическая мотивация, символическая нагруженность и коммуникативные функции в героическом эпосе. Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем ономастику, прагматику речевого акта и когнитивную лингвистику. Анализ конкретных примеров из древнегерманского эпоса (на материале древнеанглийского и древневерхненемецкого языков) позволяет выявить закономерности в номинации мифологических существ и героев, отражающие космогонические представления германских народов. Результаты исследования демонстрируют, что мифонимы функционируют как закодированные единицы мифологического знания, передающие представления о природе, судьбе, героизме и сакральности в архаичной культуре.

Ключевые слова: мифоним, мифологическое знание, ономастика, прагматика номинации, древнегерманский эпос, имя-творчество, семантическая структура, героический нарратив, древнеанглийский язык, древневерхненемецкий язык.

V.I. Chechetka

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru*

L.V. Lukina

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: lookyna@gmail.com*

O.I. Ryzhkov

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: olegryzh@mail.ru*

MYTHONYMS AS AN OBJECT OF MYTHOLOGICAL KNOWLEDGE (ON THE EXAMPLE OF OLD GERMANIC HEROIC EPIC)

The article is devoted to the study of mythonyms as a linguistic and cultural phenomenon in the context of Old Germanic heroic epic. Mythonyms, or names of mythological characters, represent a unique phenomenon reflecting the deep structures of mythological consciousness and the linguistic picture of the world. The article examines the etymological basis of mythonyms, their pragmatic motivation, symbolic load and communicative functions in heroic epic. The research methodology is based on a comprehensive approach including onomastics, pragmatics of speech act and cognitive linguistics. Analysis of specific examples from Old Germanic epic (on the material of Old English and Old High German languages) makes it possible to identify patterns in the nomination of mythological creatures and heroes, reflecting the cosmogonic ideas of Germanic peoples. The results of the study demonstrate that mythonyms function as encoded units of mythological knowledge, transmitting ideas about nature, fate, heroism and sacredness in archaic culture.

Key words: mythonym, mythological knowledge, onomastics, pragmatics of nomination, Old Germanic epic, name-creation, semantic structure, heroic narrative, Old English, Old High German.

В современной лингвистике имя как феномен языка и культуры занимает центральное место. Однако специфические типы имён, в частности мифонимы (имена мифологических существ и героев), требуют особого внимания, поскольку они служат хранилищами мифологического знания, закодированного в морфологической и семантической структуре лексемы. Актуальность данного исследования определяется необходимостью переосмысления соотношения между языком, мифологией и культурой в архаичных обществах. Древнегерманский героический эпос, представленный в разных произведениях, которые относятся к средневековью – раннему (англосаксонский «Беовульф») и классическому (исландские песни «Старшей Эдды» и немецкая «Песнь о нибелунгах»), содержит богатый материал для анализа мифонимической системы. Проблема исследования может быть сформулирована следующим образом: каким образом мифонимы функционируют как носители мифологического знания, и какие закономерности можно выявить в их номинативной структуре? Постановка данного вопроса обусловлена предположением, что мифонимы не являются произвольными знаками, но отражают миропонимание, космологические схемы и ценностные ориентации древнегерманских сообществ. Цель настоящей работы – выявить и систематизировать принципы мифонимической номинации в древнегерманском эпосе, а также определить их коммуникативные и символические функции.

Традиционная ономастика как установленная дисциплина долгое время рассматривала имена преимущественно с точки зрения их этимологии и функциональности в культурной идентификации реальных объектов. Однако современный подход к ономастике предполагает расширение её методологического арсенала и применение концепций из смежных областей – прагматики, когнитивистики, семиотики [Крушевский 1986]. В рамках этого расширенного понимания мифоним определяется как имя, генетически восходящее к мифологическому предшественнику, несущее в себе информацию о сакральных и космогонических представлениях культуры. Мифонимы отличаются от обычных антропонимов или топонимов своей глубокой символическостью, многослойностью семантики и прямой связью с нарративными традициями. Такие имена функционируют одновременно на нескольких уровнях: денотативном (обозначение конкретного персонажа), коннотативном (аккумуляция культурных смыслов) и метасимволическом (кодирование философско-мифологических идей) [Топоров 1977].

Прагматическая теория речевого акта, разработанная Дж. Остином и развитая Дж. Сёрлем [цит. по Гонгалю Е.Ф. 2011], позволяет рассматривать процесс номинации как перформативный акт, в котором имя не просто ассоциирует звуковую форму с денотатом, но создает социальную реальность, устанавливает иерархии и передает знание. Применительно к мифонимам это означает, что акт наречения героя или божества не является нейтральным описанием, но содержит в себе предикацию, оценку и программирование судьбы [Фомина, Чет-

ка 2009]. Концепция имени-творчества (*name-creation*), развивавшаяся в работах, посвященных магии слова и символическому творчеству, подчеркивает, что в архаичных культурах имя не следует за реальностью, но предворяет и формирует её. Древнегерманская традиция, как показывают исторические источники и лингвистические исследования, придавала особое значение имени как инструменту власти, судьбы и магического воздействия [цит. по Чечетка, Лукина 2023]. Например, Норны в скандинавской мифологии определяют судьбы людей и богов посредством произнесения имён. Такое понимание имени тесно связано с прагматическим измерением языка, где каждое высказывание (и каждое имя, в частности) совершает действие в социальной и космической реальности [Фомина, Чечетка 2009].

Что касается ономастики в контексте английского и немецкого языков, то здесь следует отметить – древнеанглийский и древневерхненемецкий языки, будучи корпусом близкородственных германских языков, сохранили архаичные черты индоевропейской морфологии и семантики. Данное обстоятельство делает их идеальным материалом для исследования мифонимов. В ономастике английского языка ученые выделяют нескольких слоёв: кельтский субстрат, римское влияние, германское наследие и нормандское влияние [Успенский 1994]. Мифонимы древнеанглийского периода часто содержат морфемы, отражающие германские божества и природные явления: например, имена, содержащие элементы *wul-* (волк), *here-* (армия), *gold-* (золото) [DWDS]. В древневерхненемецком ономастике мифонимы обладают ещё более прозрачной семантикой: такие имена как *Sigmund/Siegmund* (победоносный защитник), *Brunhild* (дева-защитница, валькирия), *Hagen* (обитель) демонстрируют этимологическую связь с семантическими полями боевых доблестей, защиты и территориальной власти [Фомина, Чечетка 2009]. Практики номинации в обоих языках отражают общегерманский принцип: имя должно содержать информацию о назначении, судьбе, боевых качествах или сакральной роли персонажа. Лингвистические сравнения показывают, что система мифонимов более консервативна, чем система обычных имён, в перспективе дольше сохраняя архаичные морфологические структуры и семантические мотивации дольше [Simek 2007].

На основе анализа текстов древнегерманского эпоса нами были выделены следующие типы мифонимов:

1. Теонимы (имена божеств и сакральных существ):

1. *Wodan/ Odin (Один)* – восходит к индоевропейскому корню, связанному с вдохновением, поэзией и ядом. Этимологически связан с санскритским *vāta* (ветер, дыхание), что отражает роль Одина как божества ветра, духа и магии. (Водан был древнегерманским богом неба и войны, который в скандинавской мифологии превратился в Одина. Он был богом победы, смерти и кровавых жертвоприношений и ассоциировался с повешением и рунами.)
2. *Donar (Тор)* – от древнегерманского корня *þonar-*, связанного с громом и звуком грома. Это имя напрямую номинирует одну из главных функций божества – управление стихией грома и молнии. Интересно, что Донар (*Donar*) – бог грома и непогоды у древних германцев, соответствует скандинавскому Тору. Ему был посвящен четверг (нем. *Donnerstag*).
3. *Frija (Фрейя)* – происходит от индоевропейского корня *priy-* (любимая, дорогая). *Фригга*, (др.-сканд. *Frigg*); также *Фрия* (др.-в.-нем. *Frija*, «возлюбленная») – в германско-скандинавской мифологии жена Одина, верховная богиня. Покровительствует любви, браку, домашнему очагу, деторождению.

2. Антропонимы героического цикла (имена героев эпоса):

1. *Beowulf* (древнеанглийское *bēo-* «пчела» + *wulf* «волк») – композитное имя, создающее оксюморон природных существ, символизирует комбинацию мудрости (пчела) и ярости, военной агрессии (волк). Такая структура указывает на амбивалентность героя, сочетающего в себе ловкость и грубую силу.
2. *Hroðgar* (древнеанглийское *hrod* «слава» + *gar* «копье») – имя, указывающее на славу в бою, достигаемую посредством оружия. Морфемная структура прямо коррелирует с функцией героя как военного вождя.

3. *Grendel* – происхождение этого имени дискутируется, но часто связывается с германским корнем *grand* (перемалывание, разрушение) или скандинавским *grandi* (ворчание, рычание). Имя функционирует как номинация зла, беспорядка, хаоса, противопоставляемого космосу и порядку мира людей.

3. Хтонические имена (имена существ нижних миров):

- 1) *Muspelheim* (в скандинавской традиции: *mus* – огонь, *pel* – мир) – имя царства огня и разрушения. Семантика имени прямо отражает его космологическую функцию – причину конца света (Рагнарёк).
- 2) *Niflheim* (*nif* – туман, *hel* – подземный мир) – имя первозданного хаоса и туманов. Морфемная структура передает предельно архаичное, допредметное состояние космоса. (Ср.: Нифльхейм, в скандинавской мифологии, известен как "Мир тумана" и в первую очередь является царством льда и холода. Он часто ассоциируется с загробной жизнью для тех, кто не погиб героической смертью, и связан с богиней Хель, которая правит этим царством.)

Большую роль в данном контексте играет прагматическая мотивация. Мифонимы в древнегерманском эпосе выполняют комплекс прагматических функций [Puhvel 1987]:

- 1) *номинативная функция* – фиксирование персонажа в нарративном пространстве: произнесение имени вызывает к жизни персонажа, активизирует его характеристики в сознании слушателя;
- 2) *прескриптивная функция* – программирование судьбы и роли: имя предписывает герою или существу его судьбу, его функцию в космическом порядке. Ср.: герой *Sigmund*, чьё имя буквально означает «защитник победы», обречён быть великим воином;
- 3) *аксиологическая функция* – передача оценки и ценностного отношения культуры: имена богов кодируют то, что культура считает высшими ценностями (*слава, победа, защита*), в то время как имена антагонистов *Grendel, Loki* кодируют отрицаемые ценности (*хаос, предательство, разрушение*);
- 4) *магическая функция* – в архаичном понимании, знание истинного имени давало власть над существом. Эта функция отчётливо видна в скандинавских мифологических текстах, где рифмованные формулы часто содержат перечисления имён богов, что рассматривалось как форма магической инвокации.

В результате сравнительного анализа древнеанглийской и древневерхненемецкой традиций было выявлено, что в *древнеанглийской* традиции (на примере Беовульфа) мифонимы тяготеют к более сложным композитным структурам, часто включающим эмоциональные или абстрактные компоненты. Так, имена героев часто содержат элементы, обозначающие психологические состояния: *mod* (мужество, дух), *sorg* (забота, печаль), *dream* (радость), что указывает на более психологизированный подход к номинации, отражающий влияние христианизации [OED].

В *древневерхненемецкой* традиции (материал средневековой героической поэмы «Песнь о Нибелунгах») мифонимы сохраняют большую архаичность и конкретность: имена часто обозначают военные доблести (*Siegfried* – «мирная победа» но в контексте боя), физические качества (*Hagen* – место силы, твердыня), или сакральные атрибуты.

Любопытно, что в обеих традициях наблюдается тенденция к амбивалентности номинации: героические имена часто содержат противоположные семы, что отражает сложность героического характера. Ср.: *Beowulf* – это одновременно миролюбие (пчела) и агрессия (волк). *Brunhild* содержит элементы как защиты (*hild*), так и огня, горения (*brun*), что создает образ воительницы, охваченной боевым азартом.

Проведённый анализ демонстрирует, что мифонимы в древнегерманском эпосе функционируют как сложные семиотические системы, в которых морфемная структура имени прямо коррелирует с космологическими представлениями и ценностной системой культуры. Мифоним не является произвольным знаком – его структура мотивирована и содержит в себе программирующую информацию о персонаже, его роли в мифологическом нарративе и его месте в космической иерархии. Интерпретация результатов позволяет предположить, что система мифонимов отражает

архаичное понимание языка как творческой и магической силы. В этом смысле процесс номинации мифологического существа был не описанием предсуществующей реальности, но актом творчества, в котором имя создавало реальность. Древнегерманские сообщества, судя по ономастическому материалу, видели в имени инструмент власти над миром, средство упорядочения хаоса и кодирования знания.

Сравнение древнеанглийской и древневерхненемецкой традиций показывает, что, несмотря на общегерманское наследие, обе традиции развивали различные стратегии номинации, отражающие специфику их исторического развития. Древнеанглийская традиция более подвержена психологизации и христианскому влиянию, в то время как древневерхненемецкая сохраняет большую близость к архаичным, сакральным значениям.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что мифонимы не изолированы от социальной коммуникации. Они функционировали в контексте эпических сказаний, которые исполнялись в общественных собраниях, передавались в устной традиции. Произнесение имени героя или божества в этом контексте имело реальные социальные последствия – оно укрепляло групповую идентичность, передавало ценности, связывало слушателей с космическим порядком, в котором они видели себя участниками.

Таким образом, на основе проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Мифонимы в древнегерманском эпосе служат не просто обозначением персонажей, но хранилищем мифологического и космогонического знания. Морфемная структура мифонима содержит информацию о роли существа в космосе, его ценностном статусе в культуре и его судьбе.
2. Мифонимы выполняют множество прагматических функций – от прямого обозначения персонажа (номинативная функция) до программирования его судьбы и передачи ценностных установок культуры (прескриптивная и аксиологическая функции).
3. Система мифонимов более консервативна, чем система обычных имён, и сохраняет архаичные морфологические и семантические структуры, восходящие к индоевропейскому праязыку.
4. Мифонимы древнегерманского эпоса часто содержат амбивалентные семы, отражая комплексность героического характера и двойственность его роли в борьбе порядка и хаоса.
5. Древнеанглийская и древневерхненемецкая традиции, хотя и разделяют общегерманское наследие, развивали специфические стратегии номинации, отражающие их исторический путь и культурные влияния.
6. Исследование мифонимов подтверждает архаичное понимание языка как магической и творческой силы, в котором акт именования был одновременно актом творчества и упорядочения космоса.

Следовательно, мифонимы остаются актуальным предметом лингвистического анализа, позволяющим глубже понять структуру архаичного сознания, формы передачи знания в устных культурах и роль языка в создании и поддержании социальной и космической реальности.

Библиографический список

1. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen (DWDS). URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (дата обращения: 05.01.2026).
2. Puhvel J. Comparative Mythology / J. Puhvel. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1987. – 262 p.
3. Simek R. Dictionary of Northern Mythology / R. Simek; transl. from the German by Angela Hall. Cambridge: D.S. Brewer, 2007. 432 p.
4. The Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com> (дата обращения: 10.01.2026).

5. Гонгало Е.Ф. Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля [Электронный ресурс]. URL: https://catalog.ggau.by/downloads/%D0%9A%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%9C_2011/7.pdf (дата обращения 06.012026)
6. Крушевский М.А. Очерки по языкознанию. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1986. 375 с.
7. Топоров В.Н. Праславянская культура в зеркале имён / В.Н. Топоров // Славянская ономастика. Москва: Академия наук, 1977. С. 27–84.
8. Успенский Б.А. Имя как идеологический феномен / Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избранные труды. Москва: Гнозис, 1994. Т. 2. С. 245–289.
9. Фомина З.Е., Чечетка В.И. Концепты «Мужчина» и «женщина» в древнегерманской картине мира [текст]: монография. Воронеж: ВГПУ, 2009. 192 с.
10. Чечетка В.И. Феномен «Seele – Geist (душа – дух)» в лингвокультуре Германии / В.И. Чечетка, Л.В. Лукина // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. [Электронный ресурс] / Отв. ред. С. А. Скуридина. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 102–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чечетка Валентина Ивановна,

кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры иностранных языков и
технологии перевода
Воронежского государственного техниче-
ского университета
SPIN-код: 1138-2588
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Chechetka Valentina Ivanovna

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Foreign Languages and Trans-
lation Technology
Voronezh State Technical University
SPIN-код: 1138-2588
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Лукина Людмила Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков и
технологии перевода
Воронежского государственного техниче-
ского университета
SPIN-код: 3105-3014
e-mail: lookyna@gmail.com

Lukina Lyudmila Vladimirovna,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Foreign Languages and Trans-
lation Technology
Voronezh State Technical University
SPIN-код: 3105-3014
e-mail: lookyna@gmail.com

Рыжков Олег Игоревич,

старший преподаватель кафедры ино-
странных языков и технологии перевода
Воронежского государственного техниче-
ского университета
SPIN-код: 8255-0668
e-mail: olegryzh@mail.ru

Ryzhkov Oleg Igorevich

Senior teacher of the Department of Foreign
Languages and Translation Technology
Voronezh State Technical University
SPIN-код: 8255-0668
e-mail: olegryzh@mail.ru

УДК 81'373.2:821.161.1-21

И.М. Петрачкова
Гомельский государственный медицинский университет
(Гомель, Республика Беларусь)
e-mail: innamihail@mail.ru

ПОЛИОНИМИЧНОСТЬ КАК СЮЖЕТНАЯ ФОРМУЛА ПЬЕСЫ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ГАЛИНА «ЛИЦО»

В настоящей работе рассматривается такая категория, раскрывающая механизмы создания смыслов поэтонимов в драме А. М. Галина «Лицо», как полионимичность. Автором статьи отмечается, что присвоение репрезентативному герою нескольких имен связано не только с характеристикой создаваемого драматургом художественного образа, но и с развитием сюжетного действия драмы, а также с формированием идейного замысла писателя. Интерпретация полионимичных ономапотических средств служит раскрытию сюжетной формулы произведения, в которой комбинация имен является движущей силой развития театрального действия. Указывается, что многоименность образа даже одного действующего лица пьесы является доминантным и системообразующим признаком, способным активировать сюжетные линии других персонажей. Полионимичность в пьесе – не просто художественная игра с именами, а глубинная структура развития личности ключевого героя, которую последовательно обнажает сюжет произведения. Частный случай полионимичности (многоименность лишь одного героя) представляет собой архитектурный принцип целого, является доминантным и системообразующим признаком. Многоименность, порождающая интригу, кульминацию и проблематику самоидентификации, проецируется на драматургическую структуру в целом, становясь ее формулой.

Ключевые слова: полионимичность, антропоэтоним, имя собственное, художественный контекст, интродукция, интерпретация, драматургия, сюжетная формула.

I.M. Petrachkova
Gomel State Medical University
(Gomel, Republic of Belarus)
e-mail: innamihail@mail.ru

POLYNYMY AS A PLOT FORMULA OF THE PLAY BY ALEXANDER MIKHAILOVICH GALIN "THE FACE"

This paper examines the concept of polyonymy, a category that reveals the mechanisms by which poetonyms create meaning in A. M. Galin's drama "The Face." The author notes that assigning multiple names to a representative character is associated not only with the characterization of the playwright's artistic image but also with the development of the drama's plot and the formation of the writer's ideological concept. The interpretation of polyonymous onomatopoeic devices serves to reveal the work's plot formula, in which the combination of names serves as the driving force behind the development of theatrical action. It is argued that the multi-named nature of even a single character in the play is a dominant and system-forming feature capable of activating the plot lines of other characters. Polyonymy in the play is not simply an artistic play with names, but a deep structure of the key character's personality development, which is consistently revealed by the plot of the work. A particular case of polyonymy (the multiple names of just one character) represents the architectonic principle of the whole, serving as a dominant and system-forming feature. This polyonymy, which generates intrigue, climax, and the problem of self-identification, is projected onto the dramatic structure as a whole, becoming its formula.

Keywords: polyonymy, anthropoethonym, proper name, artistic context, introduction, interpretation, dramaturgy, plot formula.

Сюжетная формула произведения – это достаточно устойчивая структура, представляющая собой комбинацию универсальных архетипов (образов и конфликтов, понятных людям разных культур) и традиционных элементов сюжета (завязки, развития действия, кульминации и развязки). В пьесе А.М. Галина «Лицо» при назывании ключевого действующего

героя на первый план выступает такой художественный прием, как *полионимия*, которая содействует построению сюжета пьесы, формирует интригу и является движущей силой его развития. *Полионимия* (*Брагин / Арнольд / Андрей / Андрей Николаевич Брагин / Николай*) рассматривается нами не как изолированный прием характеристики, а как ключевой сюжеттообразующий принцип, определяющий архитектонику всей пьесы. Через анализ ряда антропонимов, присвоенных репрезентативному герою драмы (*Брагин – Арнольд – Андрей – Николай*) раскрывается основной конфликт и механизм развития действия. Полионимия существует как в ономастике реальной, так и поэтической. В «Словаре ономастической терминологии» Н.В. Подольская определяет этот художественный прием следующим образом: «*Полионимия* – многоименность: из греч. ‘имеющий много имен’» [Подольская 1978 : 112]. Некоторые писатели активно используют этот прием номинации для многогранного раскрытия образа, а порой и для воплощения авторской задумки. Широкое применение полионимии отмечается на страницах театральных произведений второй половины XX в. (в пьесах А. Н. Арбузова, В. С. Розова, Д. М. Липскерова, Е. А. Греминой и др. [см. подробнее: Петрачкова 2025 : 167, 209–212, 269, 302–303]), что позволяет нам провести категоризацию данного механизма осмысления поэтонима и закрепить его в виде ономапоэтической категории *полионимичности*. *Полионимичность* – ономапоэтическая категория, которая отчетливо проявляется в присвоении нескольких имен одному персонажу в художественном контексте (далее ХК). Кроме того, в каждом произведении зачастую *полионимичность* связана с другими категориями интерпретации (семантической мотивированностью, полисемией, компонентностью, авторской рефлексивностью, вариативностью и др.), а также с выполнением разных функциональных задач: охарактеризовать персонаж, выполнить техническую функцию перевоплощения, сгенерировать идейный замысел и проч. Но прежде всего, как нам представляется, первостепенная роль *полионимичности* – привлечь внимание исследователя-интерпретатора художественного текста непосредственно к ономапоэтическому пласту средств, который сопровождает референта-носителя в литературном произведении.

Предметом исследования статьи стала пьеса А. М. Галина «Лицо». Объект изучения – механизм осмысления многоименности у одного действующего лица. И этому механизму отведена еще более значимая роль – воплощение сюжетной формулы названной драмы.

В соответствии с канонем создания любого театрального произведения, драматург знакомит читателя/зрителя с именами героев в перечне действующих лиц. Среди ономапоэтических средств А.М. Галин интродуцирует исключительно однокомпонентные антропонимы: это 3 фамилии (*Брагин, Соловьева, Дранков*) и 1 личное имя (*Ольга*). Каждое из индивидуально-авторских поэтонимов, безусловно, семантически значимо в ХК. Несмотря на то, что другим персонажам присвоено тоже как минимум два разных антропонима (например, *Ольга/Дашенька, Шура Дранков / Алеко Дранков* и под.), в фокусе нашего исследования анализ нескольких ядерных ИС, присвоенных лишь одному главному герою пьесы «Лицо» – *Андрею Николаевичу Брагину: Брагин / Арнольд / Андрей / Николай*. Тем не менее эта *полионимичность* репрезентативна и значима для всей пьесы, поскольку конфликт, заключенный во множественности имен, является смысловым центром всего произведения. Интродукция номинаций в текст весьма своеобразна. По мере развертывания сюжета автор сначала вводит фамилию *Брагин*, затем псевдоним (имя-фиктоним) *Арнольд*, личные имена и отчество персонажа *Андрей / Андрей Николаевич / Николай / Коля*, которые во взаимодействии с ХК глубже раскрывают характер героя, его идеалы и устремления, образ жизни, поведение, обрисовывают разные коммуникативные ситуации, взаимоотношения между участниками драмы и основывают сюжетную формулу драмы. На примере интерпретации множества ядерных имен собственных персонажа ярче всего виден механизм работы сюжетной формулы пьесы А.М. Галина «Лицо». Именно поэтонимы движут сюжет (формируют завязку, кульминацию и развязку действия), определяют устремленность главного героя к цели и являются выразителями основных идей художника слова. Антропонимы, их варианты, структурные

формы и апеллятивные комбинации (*Брагин / румын Арнольд / Арнольд / Андрей / Андрей Николаевич / Андрей Николаевич Брагин / Николай / Коля*), присвоенные главному герою, – многослойная авторская характеристика, работающая на ключевые морально-этические темы пьесы: двойничество, утрату и поиск идентичности, вину и возможное искупление. Обратимся к анализу каждого из 4 антропонимов (*Брагин / Арнольд / Андрей / Николай*), которые обыгрываются в ХК по отдельности и служат сюжетной организации пьесы.

Согласно Б.О. Унбенгауну [Унбенгаун 1989 : 155], фамилия *Брагин* произошла от названия напитка *брага* – ‘старый русский слабо алкогольный напиток, род пива’, а также созвучна с устаревшим глаголом *бражничать* – ‘пить хмельные напитки, проводить время в веселых попойках, пьянствовать’ и апеллятивом *бражничество* – ‘провождение времени в веселых попойках’ [СРЯ 1981 : 1 : 111]. В ХК пьесы отчетливо прослеживается связь этого поэтонима с темой опьянения, ухода от реальности, иллюзии и «бражничества». Главный герой Андрей *Брагин* ведет двойную жизнь, пребывая в пьянящей иллюзии, которую сам и создал. Даже его новая личность (*Арнольд*) – это своего рода духовное опьянение, побег от себя. Символично в этой связи, что спутником и собеседником *Брагина* на протяжении всей пьесы является психиатр Дранков, хронический алкоголик, физическое опьянение которого отражает метафорическое опьянение *румына Арнольда* его новой жизнью. Выбор драматургом фамилии выступает прежде всего в качестве сюжетообразующего средства. Поэтоним работает не только как метафора, но и материализуется в обстановке, образе жизни и действиях героя, создает плотный ХК, подтверждающий эту этимологическую игру. Так, в монологе жены Ольги отчетливо обрисован мир, в котором жил Андрей *Брагин* до исчезновения: его прошлое – это социальное бражничество, пьянящая гонка статусов, ложное ощущение могущества: «*ОЛЬГА. Туда-сюда. Два дня в Париже, потому что там кто-то важный гуляет свадьбу дочери, через несколько дней летим в Италию на чей-то день рождения... И так без конца...*» [Галин 2013 : 25]. Показательно, что прошлая жизнь *Брагина* – это бесконечная череда чужих праздников, кочевое существование в состоянии вечного опьянения. Однако, даже сменив лицо и имя, *Брагин* по-прежнему продолжает оставаться хозяином пространства «бражничества», а именно ресторана молдавской кухни. Это его территория, его владение. *Брагин* играет здесь роль человека, поддерживающего атмосферу «бражничества». Так, в ХК ключевое сценическое действие *Брагина* – регулярно подливать алкоголь своим собеседникам (сначала Дранкову, Соловьевой, затем и Ольге), поощряя и регулируя их опьянение. И вот уже его первый вопрос как хозяина: «*Что пьем?*» [там же : 10]. Далее Соловьева, заметив, как он подливает вино Дранкову, отмечает: «*А вы коварный!*» [там же : 13]. Дранков же в свою очередь поощряет действия *Брагина*: «*Наливайте, наливайте, не бойтесь!*» [там же : 11]. *Брагин* выступает в роли исполнителя этого желания. Он подливает коньяк в вино Дранкова: «*Брагин осторожно налил ему коньяка!*» [там же : 14]. И наконец, по телефону распоряжается: «*Иса! Принеси коньяк в мой кабинет!*» [там же : 21]. Как видим, *Брагин* – не просто собеседник, а распорядитель выпивки, организатор атмосферы «бражничества», в которую погружены персонажи со своими абсурдистскими, «опьяненными» рассуждениями. *Брагин* создает и поддерживает то самое «опьянение», в котором правда смешивается с ложью, прошлое – с настоящим, психиатр – с пациентом, муж – с любовником жены. В его ресторане все «перебродило» и смешалось, как в *браге*. В ХК антропоним *Брагин* выступает и в качестве символа смешения и подмены. Смешение кухонь и лиц: ресторан молдавский, но работают там узбеки, таджики, молдаване. Сам хозяин – русский, выдающий себя за румына: «*БРАГИН. Работают узбеки, таджики, молдаване – дружная семья народов... Есть и один румын... звать его Арнольд. Он перед вами!*» [там же : 9]. В ресторане стирается грань между реальностями. Например, в кабинете на стене – фотопанорама неведомой реки, создающая иллюзию, что герои сидят на берегу и, «...кажется, что течет река без начала и конца, а сервированный стол и стулья стоят на речном берегу» [там же : 8]. В этом пространстве все расплывается, словно в хмельном угаре. Вполне закономерно, что многоимен-

ность (*Брагин / Арнольд / Андрей / Николай*) возникает именно в этой пропитанной «брагой» атмосфере, где одно легко превращается в другое, и полионимичность здесь – не внешний прием номинации, а сюжетная формула, органично вырастающая из художественной ткани пьесы.

Псевдоним *Арнольд* – не просто выдуманное герою имя, а смысловая антитеза, новый миф, который Брагин пытается прожить. После проведения пластической операции по изменению лица (попыткой навсегда исчезнуть из этого мира такому человеку как Андрей Брагин, стать новой личностью, изменить судьбу и создать новую жизнь) ключевой герой произведения присваивает и новое имя-фиктоним *Арнольд* (ср. 'нем. *Arnold* [издр.-герм. *Arinwald*: *arn, aro орел* + *waltan царить, господствовать*]; 'сильный, орлиный властитель' [Суперанская 2005 : 40]). Избранный псевдоним звучит иностранно, жестко, искусственно. Это своеобразная маска, призванная скрыть русское, «мужицкое», страдающее ядро Брагина, который купил имя, как паспорт. По сути *Арнольд* – такой же товар, как и румынский паспорт. В перестроечную эпоху все продается: лица, паспорта, родина, имена. Искусственность и чужеродность антропонима *Арнольд* постоянно подчеркивается в пьесе посредством реплик персонажей. Например, психиатр Дранков сразу же улавливает нелепость имени-маски: «ДРАНКОВ. *Арнольд? Красиво. Можно в цирке выступать*» [Галин 2013 : 11] Он воспринимает Арнольда как клоуна, циркача, человека-актера. Но для самого Брагина – это имя-проект, новый имидж: «СОЛОВЬЕВА. *А зачем борода? БРАГИН. Для имиджа*» [там же : 10]. Борода – это тоже часть образа *Арнольда*, такая же накладная, как и все его румынское прошлое. Так, в ХК имя *Арнольд* становится иронической, «купленной» программой: в отличие от труса и беглеца Брагина, «орел» *Арнольд* – полная его противоположность, вымышленная личность, призванная скрыть подлинную сущность персонажа. Брагину надоело все время быть на вторых ролях. Как признает Ольга, ее муж был не хозяином, а «сторожем» и «прислуживал» на этом пиру жизни: «ОЛЬГА. ... начался разгул, – друзья, их жены... кто кого богаче, кто круче... А он-то крутым не был, просто сторожил украденные деньги, прислуживал <...> Да ладно, что теперь говорить! Ничтожество по сути...» [там же : 25]. Новый Брагин-*Арнольд* хочет стать настоящим «властителем» своей судьбы. Выбор герою имени-фиктонима *Арнольд* – это своеобразная компенсация прежнего унижения. К тому же звучание имени нерусское, европейское, с заграничным шиком, что для эпохи 90-х – знак успеха, принадлежности к «цивилизованному» миру, куда и сбежал герой с украденными деньгами. Именно псевдоним запускает всю интригу пьесы и является ее главной «тайной». Завязка драмы строится на том, что Соловьева приходит на встречу не с Андреем Брагиным, а с «румыном *Арнольдом*». Вся первая часть действия – попытка понять, кто этот *Арнольд* и что ему нужно. Мотив тайны постоянно поддерживается и Брагиным, который всячески обыгрывает свою двойственность: «БРАГИН. *А я даже не знаю, каким именем назваться. В паспорте я Арнольд...*» [там же : 11]. Его незнание, «каким именем назваться» – квинтэссенция кризиса идентичности. *Арнольд* – это паспорт, но не личность. Кульминация раскрытия, разгадки тайны *Арнольда* происходит в два этапа. Для Соловьевой и Дранкова – это момент, когда Брагин признается: «*Я хочу к ней (жене Ольге. – И. П.) вернуться... вернуть мое лицо обратно*» [там же : 17]. Для Ольги (главная разгадка) – это та кульминационная точка, когда Брагин кричит: «*Я не Арнольд, будь он неладен! ... Я Андрей!*» [там же : 27]. Очевидно, что построение сюжета пьесы связано с движением действия, обуславливающим переход героя от *Арнольда* к *Андрею*. Понимание *Арнольд* выступает и в качестве объекта любви и причины развернувшейся трагедии. Самый драматический поворот сюжета – Ольга влюбляется не в мужа, а в его симулякр – *Арнольда*, в романтический миф о «румыне», в его рассказы о Дунае, в его загадочность: «ОЛЬГА. ...Ты мне в свой прошлый приезд рассказывал про свою кочевую жизнь, про Дунай» [там же : 23]. Брагин ревнует жену к собственному псевдониму, к той части себя, которая оказалась привлекательнее его подлинного. Здесь *Арнольд* персонажируется как соперник, которого нужно «казнить». Это вершина полионимического кон-

фликта: личность находится в состоянии войны с самой собой: «**БРАГИН** (Ольге): ...*И это ты при муже практически другому мужику такое сказала! ... Не хрена у тебя не вышло с Арнольдом! Я его казню в Ларнаке. Все! Высшая мера! Капут ему! ... Давай за упокой раба Божьего Арнольда*» [там же : 41].

Антропоним *Андрей* (ср. 'рус. [из греч. *Andreas: andreios мужественный; лат. Andreas*]' [Суперанская 2005 : 35]) – намек на мужественность, храбрость, связанные с возвращением. Желание «вернуть лицо» – это, по сути, желание вернуться к *Андрею*, к мужеству быть собой, принять свою судьбу и ответственность. Брагин бежал, проявив малодушие, и теперь хочет снова обрести себя. Имя *Андрей* – это символ внутреннего поиска и духовного возвращения (как к жене, так и к себе). Поэтоним *Андрей*, во-первых, связан с поступком героя вернуться к себе настоящему: «**БРАГИН** (кричит Ольге). *Не Арнольд! ... Я – Андрей! Старуха, внимательно посмотри! Я Андрей. <...> Андрей Николаевич Брагин. Город Ижевск, улица Подбельского, дом семь. Отец собирал автоматы Калашникова... Познакомился с тобой на выпускном вечере в политехе...*» [Галин 2013 : 27]. Во-вторых, это имя-пароль, воскрешающий прошлое героя, и имя-надежда на возвращение своего истинного «я»: «**БРАГИН**. *Чего я от себя бегаю?! Могу я хоть под конец жизни пожить по-белому?*» [там же : 18]. В-третьих, желание сбросить маску *Арнольда* и вернуть имя *Андрей* напрямую ведет героя в зону смертельного риска. Соловьева как человек, знающий цену жизни и смерти «на войне» 1990-х, выступает главным свидетелем этого риска. Она пытается образумить героя, подчеркивая смертельную опасность его появления в Москве: «*Вы рискованный человек – такие, как вы, сюда не возвращаются*» [там же : 9]. Женщина считает, что, вернувшись, Брагин, рискует жизнью и говорит об этом Ольге: «*Я твоего мужа спасала, его убить должны были. И я боюсь, что он сейчас себя неправильно ведет. Это Москва, тут через день стрельба. <...> он приезжает к тебе рискуя жизнью*» [там же : 34]. В этих словах прямая оценка поступка героя: его стремление к жене – не сентиментальный порыв, а смертельный риск, связанный с проявлением безрассудного мужества.

И наконец, еще один антропоним *Николай/Коля* (ср. *Николай* 'рус. [из греч. *Nikolaos : nikaō побеждать + laos народ; лат. Nicolaus*]' [Суперанская 2005 : 165]), который перекликается с отчеством персонажа *Николаевич*, также обусловлен сюжетной формулой драмы. Соловьева под воздействием вина и усталости оговаривается, обращаясь к Дранкову, и называет Брагина *Николаем/Колей*: «*Какой он тебе Арнольд! Ты можешь запомнить: он Николай, Коля*» [Галин 2013 : 37]. Это не путаница, а подсознательное улавливание сути персонажа. Она видит в нем не *Андрея* (личность), а определенный статус, диагноз людей перестроечной эпохи (*Николаевич / Николай* – сын эпохи победителей/пораженцев). Брагин же принимает любую версию себя («*Да я и на Колю согласен*» [там же : 37]), поскольку отчаянно хочет вернуть хоть часть собственного «я». Оговорка Соловьевой – это прорыв бессознательного к правде, который прослеживается на уровне сюжета и поступка, на уровне социальной иронии и трагедии, а также на уровне психологического прозрения. С одной стороны, *Андрею* удалось победить: завладеть чужими деньгами и, изменив лицо, и избежать расправы. Но, с другой стороны, по сути Брагин «победил» самого себя, уничтожив своего *Андрея*, заменив его *Арнольдом*. Одержал «победу» и над женой, поскольку его побег стал для Ольги личной катастрофой, «победой» над ее прежней жизнью. В метафорическом смысле победил Брагин и собственный народ, так как, будучи частью системы, обобравшей страну, *Андрей Николаевич* участвовал в «покорении» и унижении своих же людей. Его деньги – трофеи этой «победы». Трагический парадокс заключается в том, что он, *Николай/Николаевич*, — «сын победителя народов» изменил отцовскому пути честного труда (его отец был простым оружейником из Ижевска, «*собирал автоматы Калашникова*» [там же : 27]), вступив в игру, в которой «побеждают» иначе. Поэтому отчество, скорее всего, звучит как укор и напоминание о предательстве своих корней. Называние героя *Коля/Николай* – это момент художественной правды, когда сквозь многоименность (*Брагин / Арнольд / Андрей*)

проглядывает стержневая, родовая идентичность героя – *Николаевич*. Это его неизменная часть, данная от отца и эпохи. Полионимия здесь объединяет в себе всю трагедию репрезентативного героя, обнажая главные противоречия личности.

Таким образом, полионимичность в пьесе – не просто художественная игра с именами, а глубинная структура развития личности ключевого героя, которую последовательно обнажает сюжет произведения. Частный случай полионимичности (многоименность лишь одного героя) представляет собой архитектурный принцип целого, является доминантным и системообразующим признаком. Многоименность, порождающая интригу, кульминацию и проблематику самоидентификации, проецируется на драматургическую структуру в целом, становясь ее формулой. Конфликт и взаимодействие имен *Брагин* (опьянение ложью), *Арнольд* (купленная маска), *Андрей* (мужество обретения утраченной правды), *Николаевич/Николай* (амбивалентное наследие) не просто характеризуют героя, но генерируют основные события: завязку-интригу, кульминацию-признание и развязку-провал возвращения. Через многоименность только одного персонажа художник слова раскрывает общую драму эпохи, в которой идентичность оказалась разменяна, а подлинное лицо – утрачено. Все это делает категорию *полионимичности* ключевым принципом построения художественной реальности пьесы А.М. Галина «Лицо».

Библиографический список

1. Галин А.М. Лицо. М: «ФТМ», 2013. 43 с.
2. Петрачкова И.М. Ономапоэтическое пространство русской драматургии второй половины XX века: монография. Гомель: ГомГМУ, 2025. 387 с.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. язык, 1981–1984. Т. 1. А–Й. 1981. 698 с.
5. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: сравнение, происхождение, написание. М.: Айрис-Пресс, 2005. 384 с.
6. Унбенгаун Б. О. Русские фамилии: пер. с англ.; общ. ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Петрачкова Инна Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка как
иностранного
Гомельского государственного медицинско-
го университета,
SPIN-4083-7715,
e-mail: innamihail@mail.ru

Petrachkova Inna Mikhailovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor,
Head of the Department of Russian as a Foreign
Language
Gomel State Medical University,
SPIN-4083-7715,
e-mail: innamihail@mail.ru

УДК 81'373.23

Е.В. Нагорная

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: nowikowa1katja@mail.ru*

И.А. Меркулова

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: igell@yandex.ru*

ОНИМЫ В ПОЭЗИИ А.В. ЖИГУЛИНА

Статья посвящена характеристике онимов в поэзии А.В. Жигулина. Актуальность нашего исследования объясняется усилением интереса к вопросу изучения системы собственных имен в поэтическом тексте. Основными задачами исследования является: а) определение состава и количественных характеристик онимов в стихах А.В. Жигулина; б) выявление семантических характеристик используемых онимов и особенностей их функционирования. Имена собственные в поэзии А.В. Жигулина представлены тремя группами: антропонимы, топонимы, гидронимы. Антропонимы представляют синхронный поэту временной отрезок. Особое место в топонимике занимают хоронимы (микротопонимы) города Воронежа – родины А.В. Жигулина: *ул. Беговая, Пеше-Стрелецкая, Помяловского, Сакко и Ванцетти, Петровский сквер*. Гидронимы – названия водных объектов (рек). Некоторые из них протекают по территории Воронежской области – *Дон, Битюг, Хава, Каменка, Калитва*. Другие связаны с местами пребывания автора – *Колыма, Чуна, Кама, Теберда, Нева, Кура, Нерль*. Также в стихах А.В. Жигулина упоминаются два озера – *Иссык-Куль* и *Чудское*. Названий морей и океанов в поэзии А.В. Жигулина не найдено. Ономастикон поэзии А.В. Жигулина представлен различными, но немногочисленными группами имен собственных. Преобладание антропонимов над всеми другими онимами позволяет охарактеризовать ономастикон поэта как лично ориентированный.

Ключевые слова: Жигулин, поэзия, оним, антропоним, топоним, гидроним.

E. V. Nagornaya

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: nowikowa1katja@mail.ru*

I. A. Merkulova

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: igell@yandex.ru*

ONIMES IN THE POETRY OF A.V. ZHIGULIN

The article is devoted to the characteristics of onyms in the poetry of A. V. Zhigulin. The relevance of our research is explained by the growing interest in studying the system of proper names in poetic texts. The main objectives of the study are: a) to determine the composition and quantitative characteristics of onyms in A. V. Zhigulin's poems; b) to identify the semantic characteristics of onyms that were used and the peculiarities of their functioning. Proper names in A. V. Zhigulin's poetry are represented by three groups: anthroponyms, toponyms and hydronyms. Anthroponyms reflect the time period contemporaneous with the poet. A special place in the toponymy is occupied by choronyms (microtoponyms) of Voronezh — A. V. Zhigulin's hometown: *Begovaya Street, PesheStreletskaya Street, Pomyalovsky Street, Sakko i Vantsetti Street, and Petrovsky Square*. Hydronyms are names of water bodies (rivers). Some of them flow through the territory of the Voronezh Region: the *Don*, the *Bityug*, the *Khava*, the *Kamenka*, and the *Kalitva*. Others are associated with the places where the author stayed: the *Kolyma*, the *Chuna*, the *Kama*, the *Teberda*, the *Neva*,

the Kura, and the Nerl. In addition, two lakes are mentioned in A. V. Zhigulin's poems: Issyk- Kul and Chudskoe. No names of seas or oceans have been found in A. V. Zhigulin's poetry. The onomasticon of A. V. Zhigulin's poetry is represented by various, but rather few, groups of proper names. The predominance of anthroponyms over all other onyms allows us to characterise the poet's onomasticon as personally oriented.

Key words: Zhigulin, poetry, onym, anthroponym, toponym, hydronym.

Изучению языка поэзии лингвистика всегда уделяла большое внимание. Среди характеристик идиостиля поэта особое место занимает система собственных имен, используемых им в произведениях. Благодаря способности вмещать большой объем дополнительной культурологической информации онимы значительно расширяют «историко-культурную географию поэтического текста» [Голубева 2024 : 27]. В последнее время наметилось усиление интереса к данному вопросу, распространился термин «поэтоним» [Калинкин 2008], под которым понимается любое собственное имя в художественном произведении, а авторская лексикография приобрела новое направление – поэтонимография [Григорьев 2005; Обухова 2009; Федотова 2017]. Среди работ, связанных с изучением имен собственных в поэзии, отметим исследования поэтических текстов Б. Пастернака, О. Мандельштама, В. Брюсова [Рогозина 2009; Никулкина 2020; Ковалев 2021; Голубева 2024].

Целью нашего исследования является рассмотрение собственных имен, функционирующих в поэзии А.В. Жигулина, советского и российского поэта, родившийся в Воронеже. В истории отечественной культуры имя Анатолия Владимировича стоит в одном ряду с именами выдающихся мастеров слова – уроженцев Воронежского края: А.В. Кольцова, И.С. Никитина, И.А. Бунина, А.П. Платонова, С.Я. Маршака, А.Т. Прасолова.

Основные задачи исследования:

1. Определить состав и количественные характеристики онимов в стихах А.В. Жигулина.
2. Выявить семантические характеристики используемых онимов и особенности их функционирования.

Первое, на что можно обратить внимание, это использование собственных имен в самой сильной позиции текста – названии стихотворения. Б. Пастернак, объясняя название трагедии «Владимир Маяковский», в свое время писал: «Заглавье скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, но – предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру. Заглавье было не именем сочинителя, а фамилией содержания» [Пастернак 1989 : 70-71].

У А.В. Жигулина находим несколько таких примеров: ВСТРЕЧА С ВОРОНЕЖЕМ 1954 г., ВОРОНЕЖ 1960 г., МОСКВА 1962–1963 г., СТРАНА ЛИМОНИЯ 1960 г., СВЕТКА 1961 г., РАССВЕТ В БУТУГЫЧАГЕ 1963 г., БОРИСОГЛЕБСК 1965 г., ТЕБЕРДА 1965 г., ЯЛТА 1965 г., МАРТА 1965 г., КОРШЕВО 1966 г., БЕЛЯЕВО-БОГОРОДСКОЕ 1966 г., ИРИНЕ 1967 г., УГЛЯНЕЦ 1969 г., КОЛОМЕНСКОЕ 1969 г., РИГА 1973 г., АРХАНГЕЛЬСКОЕ 1973 г., ПРОЩАНИЕ С ЮРМАЛОЙ 1973 г., СУЗДАЛЬ 1973 г., ОБОРОНА ВЛАДИМИРА 1973 г., КАМЕНКА 1973 г., ТБИЛИСИ 1973 г., МАКОВОЕ ПОЛЕ В КИРГИЗИИ 1974 г., СТИХИ ИРИНЕ 1976 г. СЕЛО ПОДГОРНОЕ 1978 г., РАЗДУМЬЯ РУССКОГО СОЛДАТА ФЕДОРА МИКУЛИНА 1978 г., ПРАВНУК ФЕДОРА МИКУЛИНА 1978 г., ПОРУЧИК РОДИОНОВ 1980 г., СЕРЖАНТ РЫБАКОВ 1985 г., ОСВОБОДИТЕЛЯМ БЕЛГРАДА 1985 г., ДОМ БЛОКА 1985 г., РОССИЯ БОГА НЕ ЗАБЫЛА... 1991 г., АХ, РОССИЯ, РОССИЯ! ГЛУХАЯ ТОСКА 1992 г., ИРА, ИРА! ВНОВЬ НЕРАЗБЕРИХА 1997 г., МАМА! ДВОРЯНКА РАЕВСКАЯ... 1998 г. Все эти заголовки включают имена, которые органично соотносятся с личной жизнью и персональной творческой деятельностью поэта.

Имена собственные, встречающиеся в текстах самих стихотворений, можно распределить по трем крупным группам, в зависимости от типа онима (количественная характеристика представлена на рисунке 1).

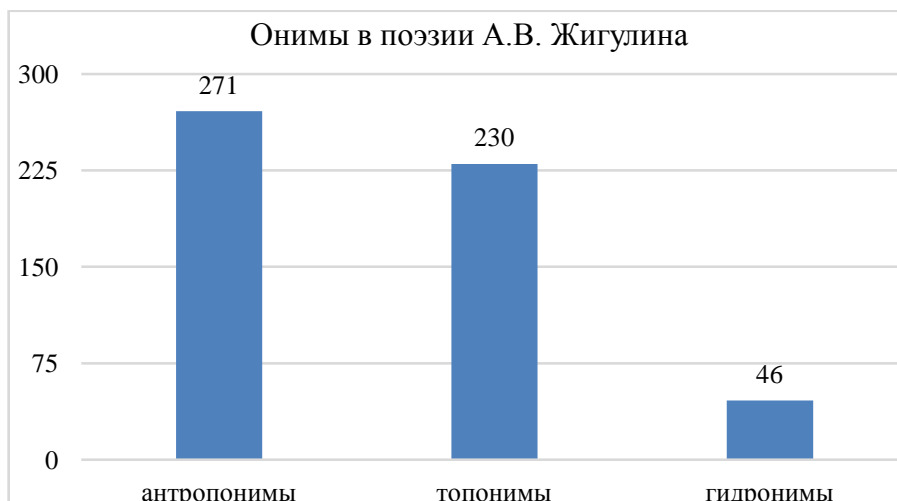

Рис. 1. Онимы в поэзии А.В. Жигулина

1. Антропонимы. В поэзии А.В. Жигулина встречаются как полные официальные имена (фамилии, личные имена, отчества), так и неофициальные антропонимы (гипокористики, прозвища, инициалы). Наиболее частотные фамилии: *Раевский* (11 употреблений), *Горталов* (6 употреблений), *Микулин* (6 употреблений).

Раевские – предки Анатолия Владимировича по линии матери, что подтверждают следующие строки:

Ян Стефанович Раевский, Дальний-дальний пращур мой! Почему кружится лебедь Над моею головой?; И легко мне с болью резкой Было жить в судьбе земной. Я по матери — Раевский. Этот лебедь — надо мной. («БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ» 1986 г.)

Из уточнений А.В. Жигулина к стихотворению БОЙ ЗА ЗЕЛЕНЫМИ ГОРАМИ Плевна, 30–31 августа 1877 года: «*Пять турецких контратак были отбиты. Но для продолжения боя уже не было сил. Прикрывать отступление вызвался майор Горталов с горстью солдат-храбрецов. Подвиг Горталова имел большой военно-практический и глубокий нравственный смысл. Уже было известно, что турки подвергают раненых жестоким пыткам, стараясь продлить их страдания как можно дольше. Благодаря майору Горталову русские, отступая, унесли с собою всех своих раненых.*»

*...А майору Горталову
Мнится в смертном дыму,
Как по гребню по алому
Помощь мчится к нему.*

Про Микулина: «*Не горюй и не кланяйся пулям — Легче сладить с любой бедой. До свидания, Федор Микулин», — Шепчет ива над синей водой.* («СЕЛО ПОДГОРНОЕ»); *В гулком эхе притихших Зеленых кварталов Все мне слышится имя: Горталов, Горталов... В шуме гордого дуба, Что стар и ссутулен, Все мне слышится имя: Микулин, Микулин...* («ПРАВНУК ФЕДОРА МИКУЛИНА» 1978 г.)

Не обошел вниманием А.В. Жигулин своих братьев по перу. В стихах имеется апелляция к поэтам: *Б. Ахмадулиной, А.Блоку, С. Есенину, В. Маяковскому, Б. Окуджаве, А. Твардовскому, Б. Ручьеву, Б. Слуцкому, Н. Якушеву, Л. Сулаберидзе, М. Цветаевой, О. Чухонцеву.* Заметим, что Жигулина интересуют поэты исключительно XX века. Среди писателей упоминаются: *С. Аверинцев, Л. Аннинский (литературный критик), Г. Красухин, Ф.М. Достоевский, В. Песков, А. Солженицын, Ф. Сологуб, А. Яшин.* Как правило, представители писательского цеха становятся в стихах А.В. Жигулина живыми людьми – яркими, эмоциональными, чувствующими. *В костюмчике белом Под пенью дроздов Идёт ко мне Белла С букетом цветов... На свете на белом Немало чудес — И чудная Белла, И сказочный лес.* (1998 г.); *Жизнь*

поэта после смерти — Вечный спор добра и зла... Книги, дали и повети, Память, злая, как стрела,— И опять — осока, ветер — Чем душа его жила. («ДОМ БЛОКА» 1985 г.); Лишь бы правды погуще, Как Твардовский сказал, А не райские кущи И стотысячный зал. («НАПУТСТВИЕ» 1985 г.); Среди известных личностей, повлиявших на ход истории, А.В. Жигулин выбирает Наполеона, Ленина и Сталина, упоминает военачальников Буденного, Деникина, Скобелева, Суворова и террористов Бандеру, Импулявичюса. Своевременно и современно читается, например, стихотворение «Враг»:

Бандеровского бандита
 Выловили в лесу,
 Где над сырým оврагом
 Ветер качает лозу.
 Он до последней пули
 Сопротивлялся, гад.
 Мы потеряли в схватке
 Трoих хороших ребят.
 Вот он стоит перед нами:
 На грязном мундире – мох,
 На белой немецкой пряжке
 Выбито: «С нами бог».
 Он католической веры.
 На шее блестит медаль.
 Святая дева Мария
 Смотрит с медали вдаль.
 Он говорит, что любит
 Родину и весну,
 Солнечную Украину,
 Неба голубизну.
 Любит белые хаты,
 Но ненавидит нас.
 Нас – коммунистов, красных,
 Поймавших его сейчас...
 Я тоже люблю эти вербы,
 Склоненные над водой,
 И вишни, и белые хаты.
 Я тоже – как он – молодой.
 Я тоже люблю Украину,
 Но по-другому люблю.
 Поэтому – дайте обоим –
 Я сам его застрелю.
 Не очень приятное дело,
 Хоть он, конечно, и враг,
 Особенно, если видишь
 Мозоли на сильных руках,
 Особенно, если знаешь,
 Что враг твой – крестьянский сын,
 Что, может, его обманули,
 Заставили взять карабин.
 Но жалости нет ни капли.
 И нет для пощады сил.
 Лежат на земле товарищи.

*Это он их убил.
Эту жестокою правду
Ничем никогда не закрыть...
Ну-ка, шагай к врагу!
Чтоб яму тебе не рыть...
Не позднее 1961 г.*

Среди личных имен в поэзии А.В. Жигулина лидирует *Ирина* (есть и неполный вариант *Ира*) – 23 употребления. Это имя жены поэта, его музы. Вторую позицию занимает *Вера* – 11 употреблений, далее по частоте следуют *Владимир* (варианты *Володька*, *Володя*) и *Иван* (*Ванька*, *Ванюша*) – по 7 употреблений. Редкие имена представлены *Аввакумом*, *Виерой*, *Дамианой*, *Лелей*, *Марицей*, *Моисеем*, *Соломеей*, *Фазилем*, *Яном*. Эти имена принадлежат как реальным персонажам (Фазиль Искандер), так и вымышленным героям.

Таким образом, большинство антропонимов представляют синхронный поэту временной отрезок, подтверждая, что А.В. Жигулин – человек XX века, поэт своего непростого и неоднозначного времени. В его стихах почти не встречается отсылка к античности и иным культурам, отсутствуют фольклорные онимы.

2. Топонимы. Это имена географических объектов – неоднородная группа, представленная:

а) названиями стран: *Россия*, *Русь* (32 употребления), *Польша* (4 употребления), *Украина*, *Литва* (по 3 употребления), ФРГ (2 употребления), Америка, Белоруссия, ГДР, Киргизия, СССР, США, Франция (по 1 употреблению). Интересно название несуществующей страны Лимония (3 употребления). *Галдели чайки бестолково, Ворочал льдины мутный вал. И кто-то в шутку Край суровый Страной Лимонией назвал.* («СТРАНА ЛИМОНИЯ» 1960 г.); *«Страна Лимония – планета, Где молоко как воду пьют, Где ни тоски, ни грусти нету, Где вечно пляшут и поют.* («СТРАНА ЛИМОНИЯ» 1960 г.).

Относительно происхождения этого имени существуют различные версии. Страной *Лимонией* неофициально именовали со второй половины 1940-х годов один из жилых районов бывшего подмосковного города Кунцево (ныне в черте Москвы) за ярко-желтый цвет всех зданий, не менявшийся годами.

«Страна Лимония» упоминается В.С. Высоцким в песне «Баллада о детстве» 1975 года. Смысл строки Высоцкого – возвращение с трофеями воинов – победителей.

*У тети Зины кофточка
С драконами да змеями –
То у Попова Вовчика
Отец пришел с трофеями.
Трофейная Япония,
Трофейная Германия...
Пришла страна Лимония,
Сплошная Чемодания!*

б) названиями городов: *Воронеж* (20 употреблений), *Москва* (19 употреблений), *Магадан* (6 употреблений), *Берлин*, *Плес*, *Сухуми* (по 3 употребления).

в) названиями сел, деревень: *Подгорное* (4 употребления), *Коршево* (3 употребления), *Белогорье* (3 употребления), *Углянец* (3 употребления).

В топонимиконе присутствуют единицы, связанные с географическими перемещениями автора. Они автобиографичны и сохраняют впечатления поэта от встреч, поездок и событий, происходивших в реальной жизни. Например, *Бутугычаг* (6 употреблений) – исправительно-трудовой лагерь и рудник, существовавший в 1937-1956 годах на территории нынешней Магаданской области. Об этом времени и месте поэт пишет так: *Качалась на воде коряга, Светило солнце с высоты. У белых гор Бутугычага Цвели полярные цветы...* («Летели гуси за Усть-Омчуг» 1963 г.); *Нас обжигал морозный воздух, Снежинки стыли на плечах, И*

рядом с нами были звезды. Под нами спал Бутугычаг. («РАССВЕТ В БУТУГЫЧАГЕ» 1963 г.); Мне помнится Рудник Бутугычаг И горе У товарищей в очах. Скупая радость, Щедрая беда И голубая Звонкая руда. («Мне помнится Рудник Бутугычаг» 1964 г.); Привет тебе, Судьбы моей рычаг, Серебряный рудник Бутугычаг! («Мне помнится Рудник Бутугычаг» 1964 г.).

г) названия элементов рельефа: *Ай-Петри, Альпы, Куришская коса, Монмартр, Паарнидис, Шипка*.

Особое место в топонимике занимают хоронимы (микротопонимы) города Воронежа – родины А.В. Жигулина: *ул. Беговая, Пеше-Стрелецкая, Помяловского, Сакко и Ванцетти, Петровский сквер*; неофициальные районы, известные лишь местным жителям – *Отрожка, Придача, Чижовка*; символические места – *Чернавский и Вгресовский мосты*.

3. Гидронимы – названия водных объектов (рек). Некоторые из них протекают по территории Воронежской области – *Дон, Битюг, Хава, Каменка, Калитва*. Другие связаны с местами пребывания автора – *Колыма, Чуна, Кама, Теберда, Нева, Кура, Нерль*. Интересным представляется название *Нетёка* в произведении КАМЕНКА 1973 г. благодаря которому можем утверждать, что данное стихотворение написано именно о городе Суздале, несмотря на то, что гидроним *Каменка* встречается в нескольких регионах Российской Федерации. Подтверждение находим в курсе лекций Н. В. Мягиной «Суздальская крепость имела три проездные башни. За Ильинскими воротами и восточным рвом крепости постепенно разрастался посад. С востока его территорию прикрывало русло впадавшей в Каменку речки Гремячки, с севера посад защищал искусственный ров («Нетёка»), смыкавшийся с Каменкой.» [Мягина : 27]. Также в стихах А.В. Жигулина упоминаются два озера – *Иссык-Куль* и *Чудское*. Названий морей и океанов в поэзии А.В. Жигулина не найдено.

Таким образом, рассмотрение онимической лексики А.В. Жигулина позволяет более глубоко проникнуть в поэтический мир автора, выявить внутренние закономерности авторской поэтики. Его ономастикон представлен различными, но немногочисленными группами имен собственных. Преобладание антропонимов над всеми другими онимами позволяет охарактеризовать ономастикон поэта как лично ориентированный. Поэту интересен человек и все, что с ним происходит. Большинство топонимов используется в прямом номинативном значении, позволяя автору точно указывать место и делая его поэзию автобиографичной. Кроме того, описание некоторых номинаций может послужить своеобразным справочником, дающим новую лингвистическую и иную информацию.

Библиографический список

- 1) Голубева А.А. Имена собственные в поэзии О.Э. Мандельштама как средство трансляции диалога культур // Взаимодействие языков и культур: материалы докладов XI Международной научной конференции (Череповец, 17–19 октября 2024 г.) / под редакцией Г.Н. Чиршевой. Череповец: ЧГУ, 2025. С. 23–33.
- 2) Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2005. – 446 с.
- 3) Калинин В.М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки // Λογος όνομαστικῆς. – 2008. № 2. С. 96–101.
- 4) Ковалев Г.Ф. Библиография исследований ономастики О.Э. Мандельштама // Воронежское лингвокраеведение: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. Вып. 5. Воронеж: Воронежский госу дарственный университет, 2021. С. 17–20.
- 5) Мягина Н.В. Историко-культурные центры Владимирской области : курс лекций : [для специальности 43.02.10 "Туризм"]; ВлГУ, Каф. музеологии и истории культуры. Владимир, [б. г.]. 53 с.

- 6) Никулкина О.Г. Имена собственные в стихотворениях Б.Л. Пастернака (к 130-летию со дня рождения писателя) // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2(31). С. 289-293.
- 7) Обухова Е.С. Принципы составления словаря ономастических единиц творчества А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 24 с.
- 8) Пастернак Б. Охранная грамота. М., 1989. С. 70-71.
- 9) Рогозина В.И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова // Λογος ὀνομαστικῆς. 2009. № 1(3). С. 94–99.
- 10) Федотова К. С. Поэтонимография как новое направление авторской лексикографии // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 39–53.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жигулин А.В. Огни моего города. (1959)
2. Жигулин А.В. Костер-человек. (1961)
3. Жигулин А.В. Рельсы. (1963)
4. Жигулин А.В. Память. (1964)
5. Жигулин А.В. Стихи. (1965)
6. Жигулин А.В. Полярные цветы. Стихи. (1966)
7. Жигулин А.В. Поле боя. Лирика. (1968)
8. Жигулин А.В. Прозрачные дни. (1970)
9. Жигулин А.В. Чистое поле. (1972)
10. Жигулин А.В. Свет предосенний. (1972)
11. Жигулин А.В. Полынный ветер. (1975)
12. Жигулин А.В. Стихотворения. (1976)
13. Жигулин А.В. Горящая береста. (1977)
14. Жигулин А.В. Соловецкая чайка. (1979)
15. Жигулин А.В. Калина красная — калина черная. (1979)
16. Жигулин А.В. Жизнь, нечаянная радость. (1980)
17. Жигулин А.В. Избранное. (1981)
18. Жигулин А.В. Воронеж. Родина. Любовь. Книга лирики. (1982)
19. Жигулин А.В. В надежде вечной. (1983)
20. Жигулин А.В. Стихотворения. (1984)
21. Жигулин А.В. Из разных лет, из разных далей. (1986)
22. Жигулин А.В. Стихотворения. (1987)
23. Жигулин А.В. Весеннее имя (стихи). (1987)
24. Жигулин А.В. Белый лебедь. (1988)
25. Жигулин А.В. За рекой Чуною. (1988)
26. Жигулин А.В. Стихотворения. (1988)
27. Жигулин А.В. Летящие дни. (1989)
28. Жигулин А.В. Стихотворения (2000)
29. Жигулин А.В. Далекый колокол. (2001)
30. Жигулин А.В. Полвека боли и любви (2003)
31. Жигулин А.В. Встреча с Воронежем (2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Нагорная Екатерина Валерьевна, аспирант,
преподаватель кафедры теоретической и при-
кладной лингвистики, Воронежского государст-
венного университета,
SPIN-код: 2201-3034,
e-mail: nowikowa1katja@mail.ru

Nagornaya Ekaterina Valerievna, post-
graduate student, lecturer of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics, Vo-
ronezh State University,
SPIN-code: 2201-3034,
e-mail: nowikowa1katja@mail.ru

Меркулова Инна Александровна,
доктор филологических наук, доцент кафедры
теоретической и прикладной лингвистики,
Воронежского государственного университета,
SPIN-код: 1672-9584
e-mail: igel1@yandex.ru

Merkulova Inna Alexandrovna,
Doctor of Philology, Associate Professor of
the Department of Theoretical and Applied
Linguistics, Voronezh State University,
SPIN-code: 1672-9584
e-mail: igel1@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.2

А. А. Кормилаева

*Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Российская Федерация)
e-mail: akormilaeva@rambler.ru*

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ ЦИКЛА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»)

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора И.А. Буниным антропонимов и топонимов в цикле рассказов «Темные аллеи». Цель статьи – изучить закономерности интродукции, функции этимологически мотивированных имен собственных, эксплицирующих индивидуально-авторскую картину мира прозаика, в чьем творчестве в равной степени сопрягаются реалистическая и импрессионистская стилистические тенденции. Исследование базируется на теоретических положениях литературной ономастики. Для описания интерпретативного потенциала поэтонимов в произведениях И.А. Бунина применяется ряд методов: индуктивный, описательный, контекстологический анализ. Автором статьи отмечается, что в рассказы о любви прозаик осознанно включает стилистически маркированные библеизмы, прецедентные онимы, экклезионимы, семантически связанные с апеллятивами с положительной коннотацией микротопонимы, что способствует актуализации бинарной оппозиции «духовное – земное», мотивов нравственного выбора, любви. О личном и повседневном И.А. Бунин рассуждает только с точки зрения бытия вообще. Автором работы выявлены основные типы процессов преобразования семантики имен собственных в рассказах цикла «Темные аллеи», а именно несовпадение положительной этимологии антропонима с безнравственным поведением персонажа, вторичная номинация в форме перифрастического прозвища с иронической подсветкой. В статье доказано, что поэтонимы в произведениях И.А. Бунина выполняют оценочно-характеризующую, стилистическую, символическую функции и дают начало игровой поэтике. Имена собственные в цикле «Темные аллеи» за счет особенностей внутренней формы выделяются из гомогенного повествования, декодируют авторские интенции, раскрывают психологический подтекст, углубляют мотивно-образную структуру.

Ключевые слова: имя собственное, оним, антропоним, топоним, поэтоним, этимология, коннотация, И. А. Бунин, «Темные аллеи».

A. A. Kormilaeva

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russian Federation)
e-mail: akormilaeva@rambler.ru*

PROPER NAME IN THE PROSE OF I. A. BUNIN (BASED ON STORIES OF THE CYCLE "DARK ALLEYS")

This paper examines the peculiarities of I. A. Bunin's choice of anthroponyms and toponyms in the cycle of stories "Dark Alleys". The purpose of the article is to study the patterns of introduction, the functions of etymologically motivated proper names that explicate the author's individual worldview of the novelist, in whose work realistic and impressionistic stylistic tendencies are equally intertwined. The research is based on the theoretical principles of literary onomastics. To describe the interpretative potential of poetonyms in the works of I. A. Bunin uses a number of methods: inductive, descriptive, contextual analysis. The author of the article notes that the novelist consciously includes stylistically labeled biblical phrases, precedent onyms, ecclesionyms, and microtoponyms semantically related to appellatives with positive connotations in his stories about love, which contributes to the actualization of the binary opposition "spiritual – earthly", motives of moral choice, and love. I. A. Bunin talks about personal and everyday things only from the point of view of being in general. The author of the work identifies the main types of processes of transformation of the semantics of proper names in the stories of the Dark Alleys cycle, namely, the discrepancy between the positive etymology of the anthroponym and the immoral behavior of the character, the secondary nomination in the form of a periphrastic nickname with an ironic highlight. The article proves that poetonyms in the works of I. A. Bunin perform evaluative, characterizing, stylistic, symbolic functions and give rise to game poetics. Proper names in the cycle "Dark Alleys", due to the peculiarities of the internal form, stand out from the homogeneous narrative, decode the

author's intentions, reveal the psychological subtext, deepen the motif-figurative structure.

Key words: proper name, onym, anthroponym, toponym, poetonym, etymology, connotation, I. A. Bunin, "Dark Alleys."

В связи со становлением во второй половине XX века литературной ономастики как междисциплинарной отрасли научных знаний лингвисты приходят к выводу об интерпретативном потенциале имен собственных в художественных текстах. Вымышленные или реальные онимы за счет этимологии, фонетических особенностей, например, звукосимволизма, рассматриваются как эстетические знаки, участвующие в репрезентации авторских интенций, раскрытии психологического подтекста. Интродукция проприальных единиц в романы, рассказы, повести не бывает случайной. Так, Г.Ф. Ковалев, основатель воронежской ономастической научной школы, указывает на обусловленность выбора имени собственного рядом факторов: сознанием писателя (в антропониме имплицитно отражается субъективное отношение прозаика к герою), значением и системностью онима, особенностями хронотопа [Ковалев 2017 : 11-12]. Подлинно нейтральных форм с нулевой стилистической окраской среди поэтонимов не существует. Онимы – единицы авторского прагматикона, расширяющие комплекс мотивов благодаря семантическому компоненту: «Имена собственные – это своеобразный культурный код, содержащий в себе в свернутом виде информацию, которую читатель должен раскодировать» [Королева 2020 : 12]. Подчеркнем, что полифункциональные антропонимы и топонимы составляют ядро ономастического пространства художественного текста.

Цель настоящей работы сводится к изучению закономерностей интродукции, функций этимологически мотивированных имен собственных, эксплицирующих индивидуально-авторскую картину мира И.А. Бунина. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, самобытным творческим методом конкретного прозаика, во-вторых, возможностью углубления мотивно-образной структуры, идейного содержания рассказов цикла «Темные аллеи» (1937-1944) через интерпретацию онимов.

Преобладание чувственного начала над рациональным, подмена сюжета философскими размышлениями героев о смутно ощущаемых метафизических категориях, принцип изображения мира как впечатления, лирический пафос, фрагментарность повествования, ослабление событийного ряда – характерные черты прозы И.А. Бунина, в чьем творчестве в равной степени сопрягаются реалистическая и импрессионистская стилевые тенденции. Сохранившиеся записные книжки с перечнями этимологически мотивированных антропонимов свидетельствуют о вдумчивом отборе писателем проприальных единиц для собственных рассказов: «На его столе я видел длинные списки имен и фамилий, разбитые на категории, на национальности, по областям, по сословиям, длинные выписки из святцев, которые он внимательно изучал» [Бахрах 1979 : 440]. Также известно, что И.А. Бунин «особенно остро относился к исторической топонимии» [Ковалев 2011 : 278]. Соответственно, представляется возможным говорить об осознанно включенных прозаиком проприальных единицах, обладающих метаописательным потенциалом, в рассказы о любви. В произведениях И.А. Бунина «объектом, в сторону которого сдвигается событийность, выступает имя собственное» [Баженова 2015 : 11]. Так, понятие сюжетности подменяется психологизмом. Рассмотрим закономерности интродукции и ролевой статус антропонимов, топонимов в рассказах цикла «Темные аллеи».

Значимой особенностью функционирования поэтонимов с мотивированной внутренней формой в произведениях И.А. Бунина мы считаем противопоставление положительной этимологии антропонима безнравственному поведению героя. Подобный прием интродукции имени собственного выполняет стилистическую функцию, то есть «разбивает» читательские ожидания, усиливает нарративное напряжение. Для доказательства правомерности тезиса обратимся к рассказу «Темные аллеи», посвященному печальной истории любви представителей разных сословий. И.А. Бунин неслучайно выбирает для центрального персонажа-

дворянина «говорящие» имя и отчество – *Николай Алексеевич*, что в переводе с греч. *nikaos* + *laos* и *alexo* означает ‘победитель народов’, ‘защитник’ [Суперанская 2005 : 28, 165]. Семантика антропонима противопоставлена отрицательным качествам героя: его малодушию, зависимости от общественного мнения. Безусловно, нельзя считать победителем и защитником слабовольного Николая Алексеевича, который из-за сословных предрассудков, гордыни в юности отказывается от настоящей любви. Он бросает крестьянку Надежду без объяснений, а впоследствии не может сохранить семью, остается в одиночестве: «*Никогда я не был счастлив в жизни <...> Жену я без памяти любил. А изменила, бросила меня еще оскорбительней, чем я тебя. Сына обожал <...> А вышел негодяй, мот, наглец*» [Бунин 2019 : 147]. Главному герою не хватает смелости избавиться от предубеждений. Всю жизнь он вынужден бежать от воспоминаний о счастливом, но невозвратимом прошлом. Так, антропоним *Николай Алексеевич* раскрывается в рассказе «Темные аллеи» в ироническом ключе. Этимология имени с положительной коннотацией контрастирует со сниженным образом, актуализируя мотив беспомощности человека перед превратностями судьбы. Самоуверенному Николаю Алексеевичу, который всегда пытался выглядеть в глазах окружающих смелым человеком, примерным семьянином, не удается воплотить мечты в жизнь. Он стыдится своего бессилия, что подчеркнуто риторическими фигурами речи: «*Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор!*» [Бунин 2019 : 148]. В другом рассказе («Второй кофейник») И.А. Бунин наделяет проститутку-натурщицу именем *Катя (Катька)*, этимология которого восходит к греч. *katharon* – ‘чистота, благопристойность’ [Суперанская 2005 : 284]. Ироническая подсветка имени подчеркивает тяжелую судьбу главной героини, заостряет проблему насилия в обществе: «*Потом тетя вздумала в бордель меня продать <...> Ну, он и пустил меня по рукам, не велел ворочаться в трактир <...> Ну, **Катька**, молчать...*» [Бунин 2019 : 349]. Сирота Катя вынуждена забыть о порядочности, учтивости по приезду в Москву, чтобы позировать знаменитым художникам, за масками приличия которых скрываются исключительно темные помыслы, грубость нравов. Резюмируя, отметим: антитеза и ирония – типичные приемы, характерные для поэтики И.А. Бунина. Они находят отражение даже на лексическом уровне при номинации персонажей.

Вторичная номинация, проявляющаяся в форме перифразы, сравнения, – основные типы процессов преобразования семантики имен собственных в рассказах И.А. Бунина. По нашим представлениям, подобные модели имянаречения центральных фигур повествования выполняют оценочно-характеризующую функцию, дают начало игровой поэтике. В подтверждение тезиса рассмотрим рассказ «Гая Ганская». И.А. Бунин вводит в перволичностное повествование прецедентное имя собственное как когнитивный вербальный феномен: «*Я как раз в ту пору провел две весны в Париже, вообразил себя **вторым Мопассаном** по части любовных дел и, возвращаясь в Одессу, ходил пошлейшим щеголем*» [Бунин 2019 : 263]. В позиции семантического предиката с определителем «*второй*» прозаик использует фамилию известного французского писателя – Мопассана. В сознании большинства людей произведения этого романиста ассоциируются с историями о плотской любви непристойного содержания (достаточно вспомнить текст «Милый друг»). Соответственно, перифрастическое прозвище *второй Мопассан* имеет ироническую подсветку, характеризует вернувшегося из-за границы безымянного рассказчика как ветреного, легкомысленного человека, готового влюблять в себя молодых девиц ради удовлетворения собственного самолюбия. ИмPLICITные основания подобной оценки подтверждаются творительным сравнением с негативной окраской «*ходил пошлейшим щеголем*». Герой как будто перенимает стратегию поведения харизматичных героев-авантюристов Мопассана. Также можно предположить, что И.А. Бунин с помощью антропонима *второй Мопассан* предвосхищает трагическую развязку произведения «Гая Ганская»: любовь представляется как трагедия, связанная с отсутствием духовной близости между центральными персонажами. Насмешливый рассказчик не задумывается, что причиняет возлюбленной боль из-за желания уехать в Италию без нее.

Считаем важным подчеркнуть, что в рассказе «Гая Ганская» топонимы семантически связаны с нарицательными существительными с положительной коннотацией. Например, приставка со значением ‘очень / пере’ в урбанониме *Преображенская площадь* является важным информативным элементом: она задает возможность восприятия имени собственного как символа духовного возрождения уставшего от скуки и пошлости светского общества рассказчика: *«И вот иду я однажды в чудесный апрельский день по Дерibasовской, перехожу Преображенскую и на углу встречаюсь вдруг с Галей»* [Бунин 2019 : 263]. Именно здесь безымянный герой впервые встречается с возлюбленной. Душа молодого и амбициозного художника преображается вследствие длительного общения не только с грациозной Галей, но и с ее гостеприимным отцом, живущим в Отраде: *«Однажды, тоже весной, пошел наконец в Отраду и был встречен Ганским с такой трогательной радостью, что сгорел от стыда, как по-свински мы его бросили»* [Бунин 2019 : 265]. Топоним *Отрада* семантически соотнесен с лексемой ‘радость’, а значит актуализирует приоритет духовного над земным, искренней любви над одиночеством. Так, семантически соотнесенные с апеллятивами имени собственные углубляют мотивный комплекс рассказа «Гая Ганская».

Обилие вымышленных антропонимов – еще одна особенность включения проприальных единиц в цикл «Темные аллеи», причем библеизмы нередко становятся инвариантами вторичной номинации загадочных женских персонажей. В центре рассказа «Весной, в Иудее» – воспоминания безымянного путешественника о красоте племянницы шейха Аида. Израильянка напоминает повествователю Суламифь, возлюбленную мудрого царя Соломона, селянку из виноградника: *«„Оглянись, оглянись, Суламифь!“ – подумал я. Ведь Суламифь была, верно, похожа на нее»* [Бунин 2019 : 401]. На наш взгляд, этот библеизм выполняет стилистическую функцию, указывая на причины расставания персонажей. В библейской истории целомудренная любовь Суламифь и Соломона противостоит прелюбодеянию, земному влечению. В рассказе И.А. Бунина повествователь наоборот нарушает запрет о недопустимости встреч наедине с девушкой до брака, тайно приглашает героиню к себе в номер гостиницы: *«Я не удержался, поцеловал ее голое предплечье – она взглянула на меня вопрошающе. Я положил в ладонь несколько мелких монет»* [Бунин 2019 : 402]. О близости персонажей узнает дядя Аид, который, защищая честь племянницы, стреляет в ногу рассказчику, спешно покидающему пустыню. Эстетическая роль библеизма *Суламифь*, на наш взгляд, заключается в культивировании идеи космизма, доказательстве мысли о вневременности вечной любви и ощущения жизни как постоянного движения. О личном, повседневном И. А. Бунин говорит только с точки зрения бытия вообще.

Многое сказано нами об антропонимах, однако нельзя не упомянуть о «пространственности» (по определению литературоведов) прозы И.А. Бунина, что подтверждается обилием микротопонимов в рассказах о любви. Так, в качестве еще одной особенности интродукции имен собственных мы отмечаем превалирование экклезионимов – отцерковных наименований. Они помогают донести до читателей мысль о приоритете духовных ценностей над материальными. Обратим внимание на рассказ «Чистый понедельник». В центре повествования – история любви двух безымянных героев, помещенных автором в московский хронотоп начала XX века. Количественное превалирование названий географических объектов (25 единиц) при полном отсутствии личных имен позволяет сделать следующий вывод: основным средством характеристики персонажей становится не антропоним, а топоним. Нам представляется, что перемещения героев в пространственных координатах отражают их мировоззренческие установки. Большая часть экклезионимов встроена в речь загадочной, образованной, утонченной главной героини, с одной стороны, получающей удовольствие от праздной жизни в Москве, посещения дорогих ресторанов, с другой – проявляющей интерес к святым местам. С помощью «стыка духовных и мирских субстанций» [Кудрявцева 2003 : 161] И.А. Бунин характеризует сложный внутренний мир центрального женского персонажа. «Она» находится как будто на перепутье, совершает нравственный выбор. Главная героиня

при встречах с возлюбленным искренне восхищается красотой архитектуры многих храмов, царящей в них атмосферой спокойствия, уединения: «*Хотите поехать в Новодевичий монастырь?*»; «*Тут есть еще Марфо-Мариинская обитель*»; «*Недавно я ходила в Зачатьевский монастырь – вы представить себе не можете, до чего дивно поют там стихиры! А в Чудовом еще лучше. Ах, как было хорошо!*» [Бунин 2019 : 228, 229]. Риторические вопросы и восклицания усиливают лирический пафос. Мы считаем, что экклезионимы *Новодевичий монастырь*, *Марфо-Мариинская обитель*, *Зачатьевский* и *Чудов монастырь* выполняют оценочно-характеризующую функцию. Этот разряд топонимов подчеркивает душевную красоту, чистоту помыслов главной героини, присущие ей светлое мироощущение, поэтическое восприятие действительности. Дополнительные коннотативные элементы можно найти при обращении к хронике вышеназванных святых мест. Например, известно, что в XVI–XVII веках в Новодевичьем монастыре постриг принимали, как правило, только знатные женщины, жертвуя драгоценностями, мирской славой ради спасения души. Параллель с этим историческим фактом мы находим в сюжете рассказа «Чистый понедельник». В развязке произведения главная героиня решительно отрекается от земной любви, безнравственной мирской жизни, выбирая служение на духовном поприще: «*В Москву не вернусь, пойду пока на послушание, потом, может быть, решусь на постриг*» [Бунин 2019 : 234]. Экклезионим *Новодевичий монастырь*, наряду с оценочно-характеризующей, выполняет стилистическую функцию предвосхищающей развязки. Топоним становится символом духовного возрождения центрального женского персонажа.

Таким образом маркированные онимы в рассказах И.А. Бунина выполняют оценочно-характеризующую, стилистическую, символическую функции и дают начало игровой поэтике. Топонимы, библеизмы, прецедентные антропонимы актуализируют бинарную оппозицию «духовное – земное», мотивы любви и нравственного выбора.

Библиографический список

1. Баженова Я.В. Имя как событие в поэтике бунинского рассказа // Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспективны свободы-2015». Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. С. 10-13.
2. Бахрах А.В. Бунин в халате: по памяти, по записям. Нью-Йорк : Товарищество зарубежных писателей, 1979. 176 с.
3. Бунин И.А. Темные аллеи : рассказы. М.: Эксмо, 2019. 416 с.
4. Ковалев Г.Ф. И.А. Бунин и советская действительность в зеркале ономастики // Международная научная конференция «И. А. Бунин и XXI век», посвящённая 140-летию со дня рождения писателя. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2011. С. 276–281.
5. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. №3 (26). С. 10-21.
6. Королева И.А. Языковые ономастические средства авторской оценки в поэзии А. Т. Твардовского (к 110-летию Твардовского) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. №2 (37). С. 10-17.
7. Кудрявцева Н.Г. Москва и Петербург как концепты русского языкового сознания // Крымский научный центр НАН Украины и МОН Украины. 2003. С. 158-161.
8. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: Эксмо. 2005. 544 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кормилаева Александра Андреевна,
магистрант 2 курса направления подготовки
44.04.01 Педагогическое образование
Ярославского государственного педагогиче-
ского университета им. К. Д. Ушинского,
SPIN-код: 5713-7178,
e-mail: akormilaeva@rambler.ru

Kormilaeva Alexandra Andreevna,
Master's student of the 2nd year of training
44.04.01 Pedagogical education
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,,
SPIN-code: 5713-7178,
e-mail: akormilaeva@rambler.ru

УДК 81'373.2

С.А. Попов

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: spo@bk.ru*

Е.В. Оськина

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: oskina2002@gmail.com*

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НАРРАТИВНЫЙ И ФИЛОСОФСКИЙ КОД В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»

Статья посвящена анализу функций системы имён собственных (ономастикона) в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота». Исследование проводится в рамках Воронежской ономастической школы в русле литературной ономастики с привлечением методологии постмодернистской поэтики. Предметом анализа выступает ономастическое пространство романа, рассматриваемое как ключевой элемент художественной системы, обеспечивающий деконструкцию культурных кодов и реализацию философского замысла. Цель работы – выявить структурную организацию и нарративно-философские функции поэтонимов. В результате проведённого исследования применяется метод классификации и контекстуального анализа ономастических единиц, что позволяет выделить три основных типа поэтонимов в романе: историко-мифологические симулякры, философско-концептуальные имена и имена-аллюзии. Детальный анализ ключевых антропонимов («Пётр Пустота», «Чапаев», «Барон Юнгерн», «Мария») демонстрирует, что они функционируют не как средства создания достоверных характеров, а как элементы метатекстуального шифра, инструменты интертекстуальной игры и носители философских концептов. Делается вывод о структурообразующей роли ономастикона, который формирует метафизический хронотоп произведения и служит для выражения центральной идеи об иллюзорности любых идентичностей и идеологических конструктов. Результаты исследования могут быть применены в практике анализа постмодернистского текста и в теоретических работах по литературной ономастике.

Ключевые слова: Воронежская ономастическая школа, литературная ономастика, поэтоним, Виктор Пелевин, «Чапаев и Пустота», постмодернизм, симулякр, интертекстуальность, художественный код, деконструкция.

S.A. Popov,

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: spo@bk.ru*

E.V. Oskina

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail:
oskina2002@gmail.com*

ONOMASTIC SPACE AS A NARRATIVE AND PHILOSOPHICAL CODE IN VICTOR PELEVIN'S NOVEL «CHAPAYEV AND VOID»

The article analyzes the functions of the system of proper names (onomasticon) in Victor Pelevin's novel «Chapayev and Void». The research is conducted within the framework of literary onomastics using the methodology of postmodernist poetics. The subject of the analysis is the onomastic space of the novel, considered as a key element of

the artistic system that ensures the deconstruction of cultural codes and the realization of the philosophical concept. The aim of the work is to identify the structural organization and narrative-philosophical functions of poetonyms. As a result of the study, the method of classification and contextual analysis of onomastic units is applied, which allows us to distinguish three main types of poetonyms in the novel: historical-mythological simulacra, philosophical-conceptual names, and names-allusions. A detailed analysis of key anthroponyms («Pyotr Pustota», «Chapayev», «Baron Ungern», «Maria») demonstrates that they function not as means of creating reliable characters, but as elements of a metatextual cipher, tools of intertextual play, and carriers of philosophical concepts. The conclusion is made about the structure-forming role of the onomasticon, which forms the metaphysical chronotope of the work and serves to express the central idea of the illusory nature of any identities and ideological constructs. The results of the study can be applied in the practice of analyzing postmodernist texts and in theoretical works on literary onomastics.

Keywords: Voronezh Onomastic School, literary onomastics, poetonym, Victor Pelevin, «Chapayev and Void», postmodernism, simulacrum, intertextuality, artistic code, deconstruction.

Творчество Виктора Пелевина занимает особое место в современной русской литературе благодаря органичному сочетанию философской рефлексии, иронической игры с культурными кодами и постмодернистской деконструкции устоявшихся смыслов. Роман «Чапаев и Пустота» (1996) является в этом отношении ключевым, поскольку в нём наиболее последовательно реализуется принцип симулятивности художественной реальности. Значимую роль в формировании этой реальности играет система имён собственных, или ономастикон произведения, выступающий в качестве одного из центральных нарративных и философских кодов [Таинственный Виктор Пелевин 2002 : 7–8].

Постмодернистская парадигма, сформировавшаяся во второй половине XX века, характеризуется кризисом «больших нарративов», утратой веры в универсальные идеологии и целостную идентичность субъекта. Восприятие реальности как системы знаков и симулякров, лишённых устойчивого референта, закономерно трансформирует и функцию имени собственного в литературе. В постмодернистском тексте оно утрачивает роль однозначного идентификатора личности или объекта, превращаясь в подвижный семиотический знак, значение которого конструируется интертекстуальными связями и игровыми контекстами. Таким образом, ономастика здесь ориентирована не на характерологию, а на демонстрацию условности самого акта именованья [Белоконева 2012 : 65–69].

Ономастическое пространство романа «Чапаев и Пустота» представляет собой сложно организованную систему, где каждый элемент сознательно отобран для реализации авторской стратегии. Для выявления его внутренней структуры необходимо обратиться к типологии поэтонимов, предложенной в специальных исследованиях [Алтухова 2004 : 17–18]. В романе можно выделить три основных типа ономастических единиц.

Во-первых, это **историко-мифологические симулякры** – имена *Чапаева, Анки, Котовского, Фурманова*. Эти поэтонимы активируют в сознании читателя советский героико-революционный миф, однако в тексте Пелевина он подвергается иронической и философской деконструкции.

Во-вторых, это **философско-концептуальные имена**, центральным из которых является *Пустота*. Такие имена напрямую воплощают абстрактные категории и становятся инструментами метафизического осмысления реальности.

В-третьих, это **имена-аллюзии** (*Мария, Кавабата, Шварценеггер*), формирующие эффект семантического коллажа и стирающие границы между высоким и массовым дискурсами.

Наиболее наглядно философская и нарративная функция ономастики проявляется в анализе ключевых поэтонимов, формирующих смысловое ядро романа. Центральный ономастический образ романа заключён в имени главного героя – *Пётр Пустота*.

Фамилия *Пустота*, представляющая собой окказиональное использование абстрактного существительного, вступает в конфликт с базовой функцией антропонима – идентифицировать конкретную личность. Имя *Пётр* (греч. *petros* – ‘камень’), несущее семантику твёрдости и основания, образует с фамилией семантический оксюморон «твёрдая пустота», что сра-

зу указывает на кризис идентичности персонажа. В тексте этот антропоним проходит сложную трансформацию: от восприятия как странной, но условно приемлемой фамилии (по аналогии с реальными фамилиями типа *Доброта*) – к обнажению его прямого смысла. Кульминацией становится вывод, представленный как диагноз: «... это и есть ваша личность» [Пелевин 1996 : 47]. Таким образом, имя из идентификатора превращается в онтологическую характеристику, а поиск своей личности подменяется осознанием её изначальной отсутствующей природы. «Пустота» перестаёт быть фамилией персонажа и становится названием состояния реальности, к постижению которого ведёт сюжет. Герой не «обладает» пустотой как свойством, но постепенно осознаёт, что он и есть эта пустота. Следовательно, данный поэтоним выполняет не характерологическую, а структурообразующую и телеологическую функцию: он является одновременно диагнозом, методом и целью повествования.

Поэтоним *Чапаев* служит ярчайшим примером пелевинской игры с готовыми культурными кодами. Эта фамилия к 1990-м годам полностью утратила связь с историческим прототипом (легендарным «красным» комдивом В.И. Чапаевым), превратившись в знак-симулякр, отсылающий к комплексу советских мифов: героическому фильму братьев Васильевых, анекдотическому фольклору, образу «народного героя». Пелевин использует этот узнаваемый пакет ассоциаций, чтобы подвергнуть его радикальной деконструкции. Чапаев в романе – не лихой командир, а мистик, буддист, философ, рассуждающий о природе реальности. Имя Чапаева является плотной интертекстуальной цитатой. Оно отсылает, во-первых, к официальному советскому мифу (фильм, книга Д.А. Фурманова); во-вторых, к контркультурному анекдоту (глуповатый Чапаев и находчивый Петька); в-третьих, к массовому сознанию 1990-х, для которого этот миф стал предметом ностальгии и иронии одновременно. Пелевин сталкивает эти коды, чтобы показать их полную семиотическую условность. В художественной системе романа «Чапаев» – это функция духовного проводника. Он – тот, кто помогает Петру Пустоте (и читателю) увидеть иллюзорность не только исторического мифа, но и любой предлагаемой реальности, включая реальность собственного «я». Его имя становится инструментом, который, будучи «вскрытым», ведёт к постижению пустоты.

Роман насыщен именами, которые работают как компактные узлы культурных аллюзий, создавая эффект семиотического коллажа. Например, имя *Барон Юнгерн* образовано от исторического прототипа (барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг, «кровавый» мистик), но фонетически и семантически сближено с Карлом Густавом Юнгом (аллюзия на коллективное бессознательное, архетипы) и Эрнстом Юнгером (философ «тотальной мобилизации», писатель). Юнгерн Пелевина – не столько персонаж, сколько концептуальный конструкт, в котором сплавлены история, психология, мистика и философия. Его имя выступает шифром, требующим декодирования и вовлекающим читателя в интеллектуальную игру.

Другой пример – имя героини *Мария*, реализующее принцип наложения дискурсов. С одной стороны, это отсылка к библейскому архетипу – *Богородице*, символу духовного спасения и милосердия. С другой – прямая аллюзия на героиню мексиканской «мыльной оперы» «Просто Мария», популярной в Советском Союзе в конце 1980-х – начале 1990-х гг., симулякра страсти и мелодрамы. Столкновение сакрального и профанного в одном ономастическом знаке маркирует двойственность как объекта любви Петра, так и самой изображаемой реальности.

Проведённая классификация и анализ позволяют выявить иерархию ономастических единиц повести. Ядро системы образуют философемы-антропонимы («Пустота»), которые взаимодействуют с историко-мифологическими симулякрами («Чапаев», «Котовский»), окружёнными поясом культурных аллюзий («Мария», «Юнгерн»). Эта структура соответствует общей постмодернистской стратегии коллажа. В синтезе ономастикон выполняет конституирующую роль в создании особой художественной реальности романа. Он формирует её метафизический хронотоп, обеспечивает ведение интертекстуального диалога и его деконструкцию, совмещает философскую глубину с иронической дистанцией. Система имён высту-

пает метатекстуальным шифром, раскрывающим центральный замысел произведения – демонстрацию мира как «абсолютной пустоты», где любое именование, идентичность или идеология суть иллюзорные конструкты, подлежащие осознанию и преодолению.

Таким образом, анализ ономастического пространства романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» подтверждает его структурообразующую роль в художественной системе произведения. Имена собственные здесь последовательно реализуют функции нарративного и философского кода, обеспечивая деконструкцию культурных клише и проблематизируя саму возможность устойчивой идентичности в мире симулякров.

Библиографический список

1. Алтухова О.Н. Ономастический контекст в постмодернистской литературе (на материале произведений В. Пелевина): автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01: утв. 12.11.04. Волгоград, 2004. 28 с.
2. Белоконева А.О. Миф, имя, судьба героя в эстетике постмодернизма (на материале произведений В.О. Пелевина) // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52) Т. 3. С. 65–69.
3. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. Москва: ВАГРИУС, 1996. 399 с.
4. Таинственный Виктор Пелевин: библиографический указатель / сост. О. Б. Шакирова. Уфа: Нац. б-ка им. А.-З. Валиди, 2002. 45 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попов Сергей Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры связей с общественностью,
рекламы и дизайна, доцент кафедры изда-
тельского дела Воронежского государствен-
ного университета,
SPIN-код: 8544-6919,
e-mail: spo@bk.ru

Оскина Елизавета Викторовна,
Студент 4 курса направления «Издательское
дело» филологического факультета Воро-
нежского государственного университета,
e-mail: oskina2002@gmail.com

Popov Sergey Alexandrovich,
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public
Relations, Advertising and Design, Associate
Professor of the Department of Publishing at
Voronezh State University,
SPIN-код: 8544-6919,
e-mail: spo@bk.ru

Oskina Elizaveta Viktorovna,
4th year student of the direction "Publishing" of
the Philological Faculty of Voronezh State Uni-
versity,
e-mail: oskina2002@gmail.com

УДК 81

Н.Б. Бугакова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: bugakovanb@yandex.ru*

ТОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ВПРОК»)

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению способности топонимов как элементов модели ономастического творчества А. Платонова участвовать в формировании пространства, создаваемого автором на страницах своих произведений. Эта работа продолжает цикл исследований топонимикона платоновских текстов. Материалом исследования служат топонимы, отобранные нами методом сплошной выборки из повести «Впрок», которая позиционируется писателем как бедняцкая хроника. Отмечается, что мотив странствия, путешествия, дороги в повести реализуется не впервые, этот прием не является новым для А. Платонова, герои которого зачастую путешествуют. Сам писатель объяснял популярность мотива дороги в своих текстах тем, что на ходу герои рассеивают тяжесть души. В ходе исследования топонимы, введенные писателем в ткань художественного произведения, классифицируются как реальные и вымышленные (мифотопонимы). Результатом исследования становится заключение автора о том, что в формировании пространства повести участвуют как реальные, так и вымышленные топонимы. Топонимы, отнесенные нами к реальным, существуют на карте нашей страны, их употребление отличается географической точностью, что способствует созданию конкретного пространства. Топонимы, обозначенные нами как вымышленные, используются А. Платоновым для того, чтобы создать собирательный образ населенного пункта, продемонстрировать всеобщность происходящего, т.е. такие топонимы являются частью хронотопа пути, заданного образом железной дороги в произведении. Как видим, автор мастерски использует топонимику как средство художественной выразительности, создавая многослойный текст, где реальные и выдуманные географические названия работают на раскрытие основных смыслов повести.

Ключевые слова: А. Платонов, топонимы, мифотопонимы, пространство, путешествие.

N.B. Bugakova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: bugakovanb@yandex.ru*

TOPONYMS AS A MEANS OF SPACE FORMATION (BASED ON A. PLATONOV'S NOVEL "FOR THE FUTURE")

This study examines the ability of toponyms, as elements of A. Platonov's model of onomastic creativity, to contribute to the formation of the space the author creates within the pages of his works. This work continues a series of studies of the toponymic context of Platonov's texts. The research material is toponyms selected using a continuous sampling method from the story "Vprok," which the writer positions as a poor man's chronicle. It is noted that the motif of wandering, travel, and road is not new to Platonov, whose characters often travel. The writer himself explained the popularity of the road motif in his texts by the fact that on the move, the characters dispel the heaviness of their souls. In the course of the study, the toponyms introduced by the writer into the fabric of the work are classified as real and fictitious (mythoponyms). The study concludes that both real and fictitious toponyms participate in the formation of the story's space. The toponyms we've identified as real exist on the map of our country; their use is characterized by geographical accuracy, which contributes to the creation of a specific space. The toponyms we've designated as fictitious are used by the author to create a collective image of a settlement and demonstrate the universality of what's happening; that is, they are part of the chronotope of the route, defined by the image of the railroad in the work. As we can see, the author masterfully uses toponymy as a means of artistic expression, creating a multilayered text in which real and fictitious geographical names work to reveal the story's core meanings.

Keywords: A. Platonov, toponyms, mythoponyms, space, travel.

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению способности топонимов как элементов модели ономастического творчества А. Платонова участвовать в формировании пространства, создаваемого автором на страницах своих произведений. Эта работа продолжает цикл исследований топонимикона платоновских текстов [Бугакова 2025а; Бугакова 2025в; Бугакова 2023]. Материалом исследования служат топонимы, отобранные нами методом сплошной выборки из повести «Впрок», которая позиционируется писателем как бедняцкая хроника. История этого произведения рассмотрена, в частности, в работах Е.В. Антоновой [Антонова 2021], М.В. Заваркиной [Заваркина 2015], А.Г. Садовникова [Садовников 2014] и др. Обобщая изложенное в обозначенных статьях, отметим, что отношение к повести менялось с течением времени: воспринятая И.В. Сталиным как рассказ «агента наших врагов» [Власть и художественная интеллигенция 1999 : 150] после публикации в журнале «Красная новь» в 1931 году и подвергнутая жесточайшей критике, в результате чего А. Платонов «был объявлен «кулацким агентом», «враждебной сволочью» и вычеркнут на несколько лет из советской печатной литературы» [Бугакова 2025б], повесть была реабилитирована в 1980-е годы, после чего к ней возник активный интерес ученых разных направлений.

Одним из центральных мотивов повести, по мнению А.Г. Садовникова [Садовников 2014 : 277], является мотив «порожного пространства», поскольку, «являясь результатом интерпретации сюжетной ситуации странничества», этот мотив сопрячен сиюминутному и вечному, что делает его проводником «скрытой генерализующей идеи о сущности и целях движения человека и человечества в природно-космическом бытии» [там же].

Отметим, что «странничество», или путешествие героя, как сюжетно-композиционное решение не ново: в частности, писатель использовал этот прием в романе «Чевенгур», главный герой которого, Саша Дванов, тоже путешествует; примечательно, что и путешествие Дванова, и путешествие героя повести «Впрок» осуществляются по «новорожденным колхозам» [Бедрикова, Зайцева 2025 : 580]. Сам автор объясняет популярность хронотопа дороги в своих текстах следующим образом: «Русские странники и богомольцы потому и брели постоянно, что они рассеивали на своем ходу тяжесть горюющей души народа» [Платонов 2019 : 345]. «Художественная целесообразность такого перемещения героев в пространстве состоит в том, что автор имеет возможность показать и соотнести между собой различные синхронные модели существования, представив их частями единого бытийного потока (метафорой которого предстает дорога)» [Яблоков 2004 : 10], – пишет Е.А. Яблоков в одном из исследований, посвященных анализу хронотопа А. Платонова.

Путешествие героя начинается в марте, что достаточно символично: это первый весенний месяц, именно в это время происходит пробуждение природы после зимней спячки; после дня весеннего равноденствия (обычно 19-21 марта) начинается астрономическая весна; известно, что ряд народов (иранского и тюркского происхождения) в день весеннего равноденствия отмечают Новый год. Таким образом, начало путешествия в марте символизирует начало новой жизни героя, авторская характеристика которого – «некий душевный бедняк, измученный заботой за всеобщую действительность» [Платонов 2020 : 7]. Эмблематично, что писатель не использует антропоним для обозначения персонажа; так реализуется одна из отличительных черт модели ономастического творчества А. Платонова – употребление вместо антропонима функционально определяющего апеллятива. Герой садится «в поезд дальнего следования» [Платонов 2020 : 7] на Казанском вокзале в Москве, являющейся «верховным руководящим городом» [Платонов 2020 : 7]. Употребленный писателем топоним *Москва* отнесем к реальным: известно, что Москва – это столица России, а на момент создания повести – столица СССР. Поезд дальнего следования, в который садится герой повести, очевидно, следует на юг России; такое заключение можно сделать на основе того, что один из персонажей замечает: «Сейчас Рязань будет» [Платонов 2020 : 8]. Топоним *Рязань* так же отнесем к реальным: Рязань – это один из древнейших городов России, основанный в 1095

году и расположенный в 200 км юго-восточнее Москвы. Кроме того, писатель использует следующее обозначение одного из пассажиров: он имеет «среднее тамбовское лицо» и может быть жителем «бывшего Шацкого уезда» [Платонов 2020 : 8]. Это подтверждает наше предположение о движении поезда на юг; в настоящее время поезда, следующие с Казанского вокзала г. Москвы по южным направлениям, проезжают в том числе и Тамбовскую область (станция Мичуринск). Шацкий уезд как административная единица существовал до 1925 года (поэтому А. Платонов использует определение *бывший*), а город Шацк, в настоящее время входящий в состав Рязанской области, ранее относился к Тамбовской губернии.

Герой, следующий на поезде «в течение одних суток», уехал далеко: «я ... сошел с поезда уже в Острогожском округе» [Платонов 2020]. Известно, что Острогожск – это город в Воронежской области, основанный «в 1652 г. при впадении в р. Тихая Сосна р. Острогощь» [Поспелов 2008 : 336]; по мнению В.М. Поспелова, гидроним Острогощь «образован как притяжательное прилагательное от др.-рус. Личного имени Острогост» [там же]. В городе находится одноименная железнодорожная станция, входящая в состав Юго-Восточной железной дороги. Упомянутый город герой называет родиной «ценнейшей во всем СССР Михновской овцы» [Платонов 2020 : 15]. Макротопоним *СССР* обозначает Союз Советских Социалистических Республик – государство, образованное на территории Российской империи и просуществовавшее с 1922 по 1991 г. Введение в текст этого макротопонима способствует формированию особого отношения к упомянутой породе овец. Однако судьба этих животных печальна: «Селения Острогожского района – Ольшаны, Гумны, Писаревка, Осиповка, Гнилое, Средне-Воскресенское, Рыбенское, Луки, Александровка – ... совершенно отказались от разведения и выращивания овец, так как последние, поголовно пораженные фациолезом, гибнут тысячами на заболоченных пастбищах» [Платонов 2020 : 16]. Все использованные в данном случае писателем топонимы являются реальными: населенные пункты с такими названиями в настоящее время существуют и входят в состав Острогожского района Воронежской области. Примечательно написание топонима Рыбенское; в настоящее время это село имеет два названия – Рыбное и Рыбинское. Известно, что населенный пункт был основан в 1766 году как немецкая колония Рибенсдорф на месте урочища Рыбное (очевидно, рядом был водоем с большим количеством рыбы). Топоним Рибенсдорф образован сложением немецкой лексемы *das Dorf* (деревня) и, очевидно, русской лексемы *рыба*, получившей некоторое фонетическое переосмысление, основанное на том, что в немецком языке отсутствует звук *ы*. В 1915 году населенный пункт был переименован в Рыбное. А. Платонов, используя написание через *-е-* (Рыбенское), возможно, хотел сохранить первую часть топонима Рибенсдорф (отмечается также написание Рыбенсдорф). Однако нельзя исключать вероятность того, что такое написание топонима возникло в результате ошибки.

Упомянутая писателем порода овец – михновская – действительно была выведена в селе Михново Острогожского уезда Воронежской губернии в 19 веке. Таким образом, сообщая, что животные «гибнут тысячами на заболоченных пастбищах» [Платонов 2020 : 16], А. Платонов, полагаем, пишет о реальной ситуации. Тема мелиорации была близка писателю. Известно, что он долгое время работал губернским мелиоратором в Воронеже, где родился и жил [Бугакова 2021 : 611] и был очень озабочен состоянием земель в СССР, считал, что необходимо сделать плодородной максимальное количество земли, а для этого необходимо провести мелиоративные работы. Эта позиция находит отражение и в рассматриваемом произведении: «Окветотдел в своих докладах и планах считает мелиорацию – осушение болот и заболоченных пастбищ – единственным средством избавить овцеводство от постоянной угрозы гибели и находит существенно необходимым немедленную организацию работ по осушке заболоченных пастбищ» [Платонов 2020 : 16]. Размышляя о необходимости мелиорации пастбищ, герой повести использует реальный гидроним *Тихая Сосна*, этимология которого, по мнению В.М. Поспелова, является спорной [Поспелов 2008 : 412]: мелиоративные работы необходимо провести «в первую очередь по течению реки Тихой Сосны ... , пой-

ма которой (массив поймы 30000 гектаров) после осушения станет экономической базой округа, а также будет разрешена проблема разведения Михновской овцы во всем округе» [Платонов 2020 : 16].

К вымышленным отнесем топонимы 1-е и 2-е Отрадное, о которых персонаж рассматриваемой повести сообщает: «Деревня, где я теперь присутствовал, называлась 2-м Отрадным, 1-е же находилось еще где-нибудь» [Платонов 2020 : 39]. Известно, что на территории Воронежской области существует поселок Отрадное (в настоящее время пригород Воронежа), который был образован в 1968 году путем слияния сел Выкрестово и Гололобово; название *Отрадное* за образовавшимся населенным пунктом было закреплено в связи с тем, что на этой территории в начале 19 века располагалась усадьба баронессы Софьи Фёдоровны Сталь-фон-Гольштейн, которая носила название Отрадное.

Сообщая о 1-м Отрадном, что оно находится «еще где-нибудь» [Платонов 2020 : 39], автор, очевидно, хочет обратить внимание читателя на тот факт, что происходящее в этом населенном пункте типично для всех населенных пунктов страны на тот момент. Таким образом, вымышленный топоним *1-е Отрадное* является собирательным образом советской деревни. И напротив, место, в котором присутствует герой, 2-е Отрадное, несмотря на то что представлено как реальное, очевидно, является вымышленным. Такая гипотеза возникает при анализе характеристики населенного пункта: «2-е Отрадное до сих пор еще не было колхозом, и даже ТОЗа в нем не существовало, точно здесь жили какие-то особо искренние единоличники или непоколебимые подкулачники» [Платонов 2020 : 39]. Известно, что коллективизация в Воронежской области осуществлялась масштабно, и 26 января 1930 года состоялся VII Пленум обкома ЦЧО, на котором И. Варейкис выступил с докладом «О мерах ликвидации кулачества как класса в связи со сплошной коллективизацией ЦЧО». В докладе была поставлена практическая задача на ближайшие два месяца (февраль-март): раскулачить 90-105 тысяч хозяйств, за пределы области выселить 12-13 тысяч кулацких семей [ГАОПИ-ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1085. Л. 9]. А.Г. Евстратов отмечает, что «борьба по раскулачиванию активно велась по всей Воронежской области. Так, только за один 1930 г. было раскулачено 5 558 хозяйств Усманского округа, 5 292 хозяйства Борисоглебского округа и 11 563 хозяйства Россошанского округа. Лишь за несколько месяцев 1930 г. было раскулачено 208 крестьян Новохоперского района» [Евстратов 2013 : 327]. Учитывая такие темпы коллективизации, считаем существование населённого пункта, где жили бы единоличники и подкулачники, сомнительным. Полагаем, таким образом писатель хотел обратить внимание на то, что на территории СССР коллективизация шла неравномерно, в частности, на западе страны процесс коллективизации длился до 1950-х годов.

Использованное А. Платоновым название хутора *Перепальный* также отнесем к мифотопонимам, однако необходимо отметить, что, вероятно, прообразом этого названия послужил реально существующий на территории Воронежской области топоним – хутор Перевальный, упоминания о котором встречаются в списке населенных пунктов Острогжского уезда Воронежской губернии за 1782 г. Отмечается, что в хуторе жил 81 человек, в то время как в тексте рассматриваемой повести сообщается, что на этом хуторе «единолично и зажиточно» хозяйствовал старинный, вековой кулак Семен Верещагин. Такое противопоставление направлено на то, чтобы продемонстрировать вымышленность описываемых событий и фактов.

Введённый в текст произведения топоним *Понизовка* существовал и обозначал деревню Понизовка, расположенную на реке Оскол и относившуюся до 1917 года к Валуйскому уезду Воронежской губернии (в настоящее время Валуйский район Белгородской области). В хужественном пространстве повести этот топоним использован для обозначения собирательного образа советской деревни, о чем сообщает сам автор: это имя «подходяще и для тысячи других деревень» [Платонов 2020 : 49]. Такие деревни располагаются по низу земли, что «объясняется недостатком воды или трудностью ее добычи на верхних почвах» [Платонов

2020 : 49], т.е. способ заселения «по низу земли» обусловлен гидрологическими условиями; в результате такого заселения «когда идешь по дальним частям СССР, то видишь как бы пустую незаселенную страну» [Платонов 2020 : 49]. Размышления героя завершаются мыслью о том, что «во многих наших южных, юго-восточных и центрально-черноземных районах социализм должен явиться, в числе прочих своих элементов, также и в качестве воды на водоразделах» [Платонов 2020 : 50].

Мифотопонимом является также название колхоза «Без кулака»: «Что будет дальше на моем пути? – спросил я у Григория. – Колхоз «Без кулака», – сказал Григорий. – Там председателем мой двоюродный брат, Сенька Кучум, скажи ему, что ты был у меня. А еще далее у тебя будет 2-е Отрадное, там тоже меня знают, и ты кланяйся кому-нибудь!» [Платонов 2020 : 46]. Герою предстоит преодоление трудностей, в котором ему помогут окружающие (так писатель подчеркивает важность взаимовыручки). Описанный эпизод схож с сюжетом русских сказок, который часто основывается на справедливости и взаимопомощи.

Таким образом, завершая рассмотрение топонимикона повести А. Платонова «Впрок», отметим, что в формировании пространства повести участвуют как реальные, так и вымышленные топонимы. Топонимы, отнесенные нами к реальным, существуют на карте нашей страны, их употребление отличается географической точностью, что способствует созданию конкретного пространства. Топонимы, обозначенные нами как вымышленные, используются автором для того, чтобы создать собирательный образ населенного пункта, продемонстрировать всеобщность происходящего, т.е. они часть хронотопа пути, заданного образом железной дороги в произведении. Как видим, автор мастерски использует топонимику как средство художественной выразительности, создавая многослойный текст, где реальные и выдуманные географические названия работают на раскрытие основных смыслов повести.

Библиографический список

1. Антонова Е.В. К истории критики повести «Впрок» А.П. Платонова: о возможном поводе для «большого взрыва» // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 4. С. 246–261. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-246-261>.
2. Бедрикова М.Л., Зайцева Т.Б. Трансформация образа автора в повести А. Платонова «Впрок» (1931): от «субъекта» к «наблюдателю» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. Том 18. Выпуск 2. С. 578-588.
3. Бугакова Н.Б. Роль топонимикона в формировании пространства (на материале романа А. Платонова «Чевенгур») // *Проблемы общей и региональной ономастики. Материалы XIV Международной научной конференции*. Махачкала, 2025а. С. 32-34.
4. Бугакова Н.Б. Культурно-ономастический фон романа А. Платонова «Счастливая Москва» // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2025б. № 1 (56). С. 1-11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: *Теория языка и межкультурная коммуникация*. №1(56), 2025 г. Дата выпуска: 31.03.2025 г. (дата обращения: 17.01.2026).
5. Бугакова Н.Б., Ревякина Т.Л. Топонимикон романа А. Платонова «Счастливая Москва» // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2025в. № 3 (58). С. 100-106.
6. Бугакова Н.Б. Топонимы как маркёры вымышленного пространства романа А. Платонова «Чевенгур» // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 51-57.
7. Бугакова Н.Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») // *Неофилология*. 2021. Т. 7. № 28. С. 611-617.

8. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 150.
9. ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1085. Л. 9.
10. Евстратов А.Г. Социальные преобразования воронежского села в 1930-е гг.: противоречивый характер их итогов // Теория и практика общественного развития, 2013. С. 327-329.
11. Заваркина М.В. Жанровый синтез в повести А. Платонова «Впрок» // Проблемы исторической поэтики, 2015. №13, с. 589-612.
12. Платонов А. Впрок (бедняцкая хроника). Андрей Платонов. Сочинения. Т. 4 (1928-1932). Книга первая. Повести. ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2020. С. 7-69.
13. Платонов А. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 672 с.
14. Поспелов В.М. Географические названия России: топонимический словарь: более 4000 единиц. Москва: АСТ: Астрель, 2008. С. 336, 412.
15. Садовников А.Г. О сущности человека и некоторых библейских мотивах в прозе Андрея Платонова (повесть «Впрок. Бедняцкая хроника») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. №2(2). С. 276-279.
16. Яблоков Е.А. «Падающая башня» (О художественном пространстве Платонова) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы; ответственный редактор В.Ю. Вьюгин; Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Санкт-Петербург: Наука, 2004. 554 с. Книга 3. С. 6-14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бугакова Надежда Борисовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации
Воронежского государственного техническо-
го университета,
SPIN-код: 1080-8136,
e-mail: bugakovanb@yandex.ru

Bugakova Nadezhda Borisovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor of
the Department of Russian Language and Inter-
cultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 1080-8136,
e-mail: bugakovanb@yandex.ru

УДК 81

Г.Ф. Ковалев
*Независимый исследователь,
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ИГРА С ЛИЦАМИ (АНТРОПОНИМИЯ В АНЕКДОТАХ)

Статья посвящена таким явлениям в анекдотах, как игра в имена (антропонимы). Чаще всего такая игра обнаруживается в анекдотах об известных людях: артистах, спортсменах, писателях и их героях. В статье показывается обильное поле такой игры и его возможности, причём практически опущены такие громадные сферы ономастической игры как «Герои литературных произведений» и «Люди политики».

Ключевые слова: анекдот, антропоним, фамилия, имя, игра, ономастическая игра.

G.F. Kovalyov
*Independent researcher,
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

ONOMASTIC PLAY WITH FACES (ANTHROPONYMY IN JOKES)

This article examines the phenomenon of name play (anthroponymy) in jokes. This play is most often found in jokes about famous people: artists, athletes, writers, and their heroes. The article demonstrates the rich scope of such play and its possibilities, while practically omitting such vast areas of onomastic play as "Literary Heroes" and "Political Heroes."

Keywords: joke, anthroponym, surname, first name, play, onomastic play.

- Непристойность можно отыскать в любой книге, за исключением телефонной.
- Не скажи, Петрович, презанимательные встречаются фамилии.

Когда речь заходит об антропонимах в анекдотах, то чаще всего ссылаются на имена и фамилии очень известных людей, как правило, политиков, артистов, музыкантов, композиторов и т.д. Но антропонимия политических анекдотов – это особая статья, даже в уголовном кодексе. Здесь не место исследовать такой материал. Я уже готовлю «Политическую энциклопедию в анекдотах», но это очень большой материал будущего. Кроме того, в таких анекдотах гораздо реже происходит именно игра с именами, больше – игры с отношениями и идеями (сравните: политические игры!). Конечно же, в данной статье практически почти опущена и такая громадная сфера ономастической игры как «Герои литературных произведений», которая тоже готовится отдельным изданием.

Анекдоты же, в которых сутью была семантическая игра с помощью самых известных фамилий, зафиксированы ещё в XIX веке. Считается, что началось это с формирования знаменитой «Могучей кучки» – объединения видных русских композиторов. Они были не только зачинателями русской классической музыки, но и в какой-то мере юмористами (не все, конечно). Композиторы были практически особыми людьми со своими специфическими способностями и характерами. Это были люди на глазах (а, видимо, правильнее – на ушах) нарождающейся русской музыкальной классики. Вот их фамилии и попадали в тексты анек-

дотов с распространённым сюжетом, в котором обыденные предметы и состояния передаются... фамилиями.

Хорошо известен – в разных вариантах – так называемый «композиторский» текст, ср.:

Проснулся рано утром, продрал Глазунова. Встал, поел Мясковского с Хренниковым и Сметаной и запил Чайковским. Но тут мне стало Паганини <...> (https://coollingua.blogspot.com/2011/07/blog-post_18.html, понедельник, 18 июля 2011 г.)

Потом появился уже более полный текст, содержащий и больше «говорящих» фамилий зарубежных композиторов. До нашего времени дошёл уже почти самый полный текст: *В один Римский ресторан зашёл как-то Корсаков. Заказал Глазунова из яиц Штрауса, Сметану, Мясковского с Гречаниновым, Хренниковым и Чесноковым, запил Чайковским. Да видно Бизе оказалось Тухмановым. В животе стало Пучинни и Паганини, лицо Белинни. Схватив Шляпина, надел Шуберта и с Шуманом выскочил на Дворжаса. Повесил Шуберта на Шостаковиче. Сел у Могучей кучки Мусоргского. Дунаевский, Дунаевский, Бах и Гуно! Подтёр Шопена Листом, почесал Мендельсона и пошёл. А до дому Верстовский. Попал под дождь, промок до Шнитке и весь в Глинке. А у жены Глюк! Стала вся Пахмутова, как Оффенбах его по Бородину и Скрябин по Лядову. А ведь был он Добронравов и во рту не Россини!*

В середине XX века, в связи с успехами наших хоккеистов на мировой арене, появляются аналогичные тексты, в которых героями сюжета являются представители советской команды, а также и чешской (*Поспихил, Хоришевски, Сухи* и др). Сейчас эти тексты практически утрачены. Причиной забвения стало введение наших войск в Чехословакию в 1968 г., а потом лучшие советские хоккеисты постепенно перебрались в НХЛ. Данная тенденция перехода российских хоккеистов в НХЛ наблюдается и в настоящее время, вот анекдот, иллюстрирующий эту ситуацию:

– Мы ведем репортаж с матча НХЛ. Сегодня на льду – команды Флориды и Чикаго... Буре набирает скорость, нас Могильному... Зелепукин.. Шайбу перехватил Каменский... обыгрывает Фетисова, бросок!.. Но в воротах надёжно играет Николай Хабибуллин.

Вот такой он, американский хоккей...

Очевидно, что приём работы с «говорящими фамилиями» был заимствован из литературы, особенно из комедийной драматургии. Их талантливо использовали Д.И. Фонвизин, И.А. Крылов и многие другие драматурги.

А вот как обработал наш яркий юморист М.Н. Задорнов известные фамилии, создав «целостный рассказ-иносказание» о «библиотечной читальне» с помощью этих фамилий, правда, значительно позже аналогичного по сюжету анекдота о Чапаеве, Петьке и Фурманове:

– Ну что, Саня, в субботу вечером в библиотеку идем? Как в какую? В загородную, конечно. Она до двух ночи работает, и у нас там знакомый библиотекарь есть. Помнишь, который в прошлый раз с подносом упал и все книжки между столиками разлил? Я ему уже звонил. Попросил приготовить три брошюры о Петрове-Водкине.

– Ты с ума сошёл, Петь, – три брошюры о Петрове-Водкине на двоих! Это же какие мы с тобой начитанные оттуда уползём! К тому же я теперь, сам знаешь, ничего, кроме Сухово-Кобылина, не читаю.

– Сень, ты чё? Сухово-Кобылина вместе с Петровым-Водкиным читать нельзя. Это все равно, что сказки Еришова! Наутро будешь чувствовать себя коньком-горбунком!

Таким образом, широкое использование «говорящих фамилий» привело к их беспроблемному внедрению во все возможные типы и ранги юмористических построений.

Вот и авторы известных словарей стали материалом для ономастической шутки:

– Помогите, пациент думает, что он – словарь!

– Срочно в Ожеговский центр!

– В такую Даль?

А вот пример использования таких механизмов создания языковой игры, как хиазм:
Тутанхамон / Тут он Хамон, а там он Хаим; Беба из Одессы (Адис-абеба).

Или оксюморон: *Последние русские цари: Владимир Самозванец, Иосиф Грозный, Никита Блаженный и Леонид Летописец.*

Разговор двух блондинок:

– Почему иногда пишут «Л.Н. Толстой», а иногда – «А.Н. Толстой»?

– Ну, кому как нравится – «Лёша» или «Алёша».

– А почему иногда пишут «А.Н. Толстой», а иногда «А.К. Толстой»?

– То же самое – «Николаич» или «Коляныч».

Они же продолжают:

– А Роза Вётров – это мужчина или женщина?

– Женщина, конечно!

– А почему тогда Вётров?

– Фамилию мужа, значит, взяла.

Поэт-юморист из Уфы Леонид Соколов каламбурно обыграл именование президентов США:

Как-то раз, убежав из барака,

Я спросил у Обамы Барака:

– В чём секреты семейного брака?!

Тот ответил: – Не знаю, однако...

И спросил я мистера Билла:

– Тебя била жена или не била?!

Билл ответил: – Что было, то было,

Если била, то, значит, любила!

(Лит. газ., 2023, №14, с.32).

Его же германо-медицинская шутка:

Фриц одноразового пользования.

(Лит. газ., 2025, №26, с.32).

Он же составил и «Женские каламбурчики»:

Любит кур Олеся,

Любит куролесить...

Привет вам, дама,

от Жан Клод Ван Дама!

Вся заминка

Из-за Нинки...

И в дождь Дусю

Я дождуся...

И всё-таки, Валя,

Зачем нам кивали?!

Где анкета

Анки этой?

Для матери Аллы

Везу материалы...

(Лит. газ., 2025, №16, с.32).

Из календаря:

«В этот день 5 лет назад Фархад Абу Симбел Аль Сдурел Ибн Хотаб Шобон Сгорел был удостоен премии Всемирной Ассоциации Автолюбителей за изобретение ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ЗА РУЛЁМ (посмертно)».

Стало известно, из-за чего в своё время расстроилась помолвка актёров Жана Рено и Меган Фокс.

Невеста внезапно поняла, что после свадьбы она станет Рено Меган.

Семья Романа и Эльвиры, когда скандалила, своими криками напоминала похмелье пиратов:

– Рома!

– Эля!

Вопль в сети: «Хочу парня Рому. Чтоб быть ромовой бабой».

А это уже ономастическая игра Андрея Вознесенского с наименованием Марины Цветаевой:

Бульвар в Лозанне

*Шёл в гору от цветочного ларька,
вдруг машинально повернул налево.*

*Взгляд пригвоздила медная доска –
за каламбур простите – «ЦветаЕва».*

*Зачем я езжу третий год подряд
в Лозанну? Положить два георгина
к дверям, где пела сотню лет назад –
за каламбур простите – субМарина.*

Интересен юмор по поводу имен Чук и Гек, выбранных А.Гайдаром для персонажей повести:

Кстати, Чук и Гек уже долго разыскивают своего брата Чака, незаконно усыновлённого американцами Норрисами.

Образованный человек может отличить Гоголя от Гегеля, Гегеля от Бебеля, Бебеля от Бабеля, Бабеля от кабеля, кабель от кобеля, а кобеля от сучки, а необразованный может отличить только последних двух.

В четверостишии С. Белорусца использован принцип «ономастической рокировки», до него уже использованный В. Маяковским:

– Полутюлень-

Полугора...

– Гаргантюэль?

– Пантагрюа!.. (Независимая газ., 2022, №224, с.16).

Майор заметил троих солдат из своего подразделения и остановил их:

– Ваши фамилии?

– Рядовые Иванов, Петров, Сидоров.

– Вы что? Братья что ли?

– Никак нет.

– А, значит – однофамильцы?..

«Говорят, что...

*Кощей Бессмертного приговорили к пожизненному заключению;
легендарный Калашников учился хорошо и всегда получал зачёты автоматом;
Прометей оформил договор горения;
Диоген опять на кого-то покати́л бочку;
Герасим пишет Муму-ары;
у Карлсона опять поехала крыша;
всадник без головы когда-то влюбился и совсем потерял голову»*
(Соколов Л. Говорят, что... // Лит. газ., 2023, №7, с.32).

Каламбур в эпиграмме на Б.Л. Пастернака, имевший хождение в советское время:

*Хоть ваш словарь **невыносимо нов**,
Властитель дум **не вы, но Симонов**.*

Стихи Сергея Сатина

ВАВИЛОН

*Гюльнара Ивановна Смит
реально работает в МИД.
Муж тоже нормальный чувак,
Мыкола Аронович Пак.*

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ...

*У Изяслава суперимя.
Вот подфартило парню, право!
Он Изя в Иерусалиме,
А в Омске и в Рязани – Слава.* (Лит. газ., 2014, №47, с.16).

Кузьма Распрегорький (В. Буренин – о Максиме Горьком).

В начале XX века В.С. Лихачев создал эпиграмму, в которой фамилия Победоносцева методом отпадений формирует ступеньки «говорящих» фамилий, причём на одну больше, чем дало бы слово «победа»:

Победоносцев – для Синода, Обедоносцев – для двора, Бедоносцев – для народа, и Дноносцев – для царя.

Разрыв имени собственного даёт возможность породить новые единицы уже не совсем адекватные онимам:

Тадж махал, Марк шагал, Стивен сигал... все занимались активным отдыхом.

И наоборот: соединение онимных псевдоединиц позволяет сформировать обычный текст: «В первом же мотеле, который я посетил, я нашёл, среди дюжины явно человеческих адресов, следующую мерзость: Адам Н. Епилинтер, Есноп, Иллиной. Мой острый глаз немедленно разбил это на две хамских фразы, утвердительную и вопросительную [Адам не пил. Интересно, пил ли Ной?]]» (В. Набоков).

В. Маяковский иностранные слова записывает средствами русской графики. Из английского слова получается русское: «ду ю уант» – вышел «дуй Иван» («Do you want > – ты хочешь?); «ай сэй иф» – Асеев (« I say if > – я скажу, если...).

Примеры трактовки семантического наполнения конкретной фамилии:

– Вовочка, расскажи нам, кто такой Лев Леценко?

– Марь Иванна, Лев Леценко это как лошадь Пржевальского, только лев.

В кроссворде:

– Известный российский певец с рыбной фамилией, звериным именем и аптечным отчеством – кто это?

– Лев Валерьянович Лещенко.

Когда в ЗАГСе расписывались Ольга Петровна Шило и Олег Николаевич Мыло, у всех был только один вопрос, как в поговорке: поменяет ли Шило на Мыло?

И русская пословица почти целиком вошла в анекдот:

– *А можно мне в кабину?*

– *Фамилия?*

– *Груздь.*

– *Полезай в кузов!*

– *Как Вас зовут?*

– *Янина.*

– *Здравствуйте, Нина. Я – Вася.*

Писатель-модернист В.О. Пелевин в своих произведениях «работает» над фамилиями – и своими, и чужими. Вот что из этого вышло:

«Происхождение этого термина было загадочным и темным – натягивая сапоги, я перебрал в уме все варианты возможной этимологии и не нашел ни одного подходящего. Правда, мне пришел в голову забавный каламбур: «тачанка» – «touch Anka» <дотронься до Анки (пер. с англ.)> [Пелевин 2003: 249]. А если бы на месте Пелевина был итальянец, то он бы скаламбурил потрогай за зад: итал. апса – бедро, таз, зад).

«Я не Навуходоносор... Я такой же Монстрадамус, как Навуходоносор, так что какая разница» [Пелевин 2005: 41]. Monstradamus (междусловное наложение англ. «monster» и «Nostradamus») – злодей из американских комиксов, которые печатались в американском журнале «The Shadow» (Тень).

«Раньше, при старой орфографии, была возможность хоть на письме уйти от потребности. Я записывала свое имя «А Хулі» [Пелевин 2012: 9]. Сама героиня называет замену в своем имени русской литеры и на устаревшую i, к сожалению выброшенную из русского алфавита в 1918 г., теперь иностранную букву i вынужденной мерой, так как оно соответствует грубому и неподобающему русскому выражению («Ну, и что?..»).

Имена героев романа В.О. Пелевина «Омон Ра» – Кривомазов Омон, Кривомазов Овир, Кривомазов Матвей – сочетают аллюзии на образы классической литературы (роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») и советской реальности. Братьев подстерегает нелегкая судьба, а надежды отца относительно судьбы детей не оправдываются. Фамилия *Карамазов* изменена, сегмент фамилии «криво» указывает назначение «промах», «не в цель». В действительности герои идут по жизни «криво», не прямыми путями. Так, имя *Овир*, образованное от аббревиатуры ОВИР – отдел виз и регистраций иностранных граждан, не помогает выезду за рубеж: *«Овир, которого отец хотел сделать дипломатом, умер от менингита в четвертом классе»*. Глава семьи – Матвей, тоже является обладателем нелегкой судьбы.

У Саввы Мамонтова было пятеро детей. Их имена он выбирал так, чтобы начальные буквы составили в итоге имя Савва: Сергей, Андрей, Всеволод, Вера и Александра.

А как же русские люди могут жить без своих любимцев – домашних собак и кошек? Показательно, что зоонимы их прекрасно и точно отражают вкусы, интересы и интеллект хозяев:

– *У меня живут два кота: черный кот – Чернышевский, белый кот – Белинский.*

– *У подруги есть кот, которого зовут Котлета. Просто он летом родился.*

– *У соседа-болельщика две собачки-болонки с кличками Фифа и Уефа.*

– *Как зовут вашего кота?*

– *Георгий Васильевич.*

– А по-другому не могли назвать?

– А по-другому он не отзывается.

Бабушка не отличалась фантазией. Поэтому одного кота назвала Вася, а второго – Невася.

– Здравствуйте, а можно к вам в детский садик ребёнка записать?

– Так это же кот Василий!

– Да, но он мне – как сын.

Не понимаю эту глупую привычку говорить с животными как с людьми.

Правда, Барсик? Чего молчишь?

Сидят мужики, выпивают. Один говорит:

– Я своего кота зову Пенопласт. Сколько раз ни топил – всё равно всплывает.

Другой:

– А я своего – Бумеранг, куда его ни забросишь – всё равно возвращается.

Третий:

– А мы своего называем Джордано Бруно.

Остальные хором: Да вы садисты!

– Да нет, он просто на звёзды смотреть любит.

Собака по имени Гаврила способна произнести почти половину своего имени.

Найдена собака. Доберман. Окрас чёрный. Зовут Бобик, не исключено, что врёт.

Вор залез в дом, вдруг слышит голос:

– Иисус видит тебя!

Испугался, замер, подождал, вроде ничего не происходит. Идёт дальше, опять голос:

– Иисус видит тебя! Вор включает свет, видит попугая.

– Ты чего меня пугаешь! Как тебя зовут?

– Вассисуалий.

– Не фигу себе имечко у попугая.

– Это ещё что. Вон, добермана вообще Иисусом назвали.

Литовская деревня. Хозяин зовёт собаку:

– Шарик, Шарик! – Молчание.

– Шарикас, Шарикас!

– Гавс!

Образ жизни насекомых был перенесён и на людей:

– Богомол – это ваша девичья фамилия?

– Нет, по мужу.

– А где ваш муж?

– Я – вдова... Он умер сразу после свадьбы, в первую брачную ночь.

– А что случилось?!

– Что-то с головой...

– Братан, она предложила тебе остаться на ночь? И ты отказался? Ты серьёзно?!

– Да ну её нафиг. Та ведь у неё ж фамилия – Богомол.

– Подскажите, какое имя для моей дочери будет созвучно с отчеством Никитична?

– Добрыня!

И о женском общении:

– Какие девчонки красивые! Как вас зовут?

– Алина, не говори ему!

– Хорошо, Аня!

– Милый, ты кого всю ночь Наташей называл?

– А, ты её не знаешь. Мы во сне познакомились.

– Изя, что это ты всю ночь называл меня Наденькой?

– Софа, ты не поверишь. Мне снилось, что я Ленин.

Любовь всегда уходит по-английски. Зато Надежда задерживается допоздна.

– Люся, ну, когда же ты перестанешь быть такой ревнивой?

– Люся?! А это кто ещё?!

– Папа, ты узнал тест ДНК?

– Зови меня дядей Витей!

Толстый чумазый мальчик победил сразу в двух конкурсах:

«Неряха года» и «Ряха года».

– Почему мою сестру зовут Париж?

– Потому, что мы зачали её в Париже!

– Спасибо, пап.

– Да не за что, Карантин.

А это уже нечто близкое к... пистолетам:

В зал ресторана вошли неразлучные Макаров и Стечкин, и оба изрядно на взводе

– Я – Георгий!

– Ну, шо вы! Георгий – тот, кто змея копьём победил. А вы – просто Жорик.

Официанта Жору в ресторане шутя называют Георгий Обедоносец.

У нас теперь такие лекарства, что ими ругаться можно:

– Ну, ты и Ибуклин!

– На себя посмотри, Имудон!

Даже астрология была использована в ономастической игре:

У нас на работе есть девушка, по гороскопу она – Весы, а по весам – Телец.

– Девушка, вы кто по гороскопу?

– Рыба, а вы?

– Рыбак.

– Почему они развелись,

– Он – Весы, она – Дева. Дева поправилась, Весы – сломались.

У дачников свой гороскоп. Летом они становятся Раком и Водолеем.

А это правда, что лекторы и блогеры чаще всего появляются на свет под знаком Водолея?

Очень неприятно, когда парень Лев, а ведёт себя как какой-нибудь Водолей. Никакого уважения к астрономии.

Мать одиннадцати детей заявила: до полной коллекции ей не хватает только Водолея.

Используется в народе и «народная этимология», которая помогает понять непонятное:

Воспитательница Виолетта Валерьевна к концу первого рабочего дня в детском саду согласилась, что её зовут Фиолетовое Варенье.

Учитель физкультуры Владимир Мирославович разрешил первоклашкам называть его просто Владимир, после того, как за пять минут побывал Милосраловичем, Малосраловичем и Мимосраловичем.

*– А у меня жена – Наталья Орейро.
– Какая ж твоя Наталья – Орейро?!
– Такая орейра, что уши закладывает.*

*– Унучёк, дык как зовут твою немца, от которого я так схожу с ума?
– Альцгеймер, бабуля.*

Весёлые родители по фамилии Калина назвали дочку Ладой.

*– Ты что такой грустный?
– Да вот сын у меня родился.
– А как назвали?
– Людовик.
– А почему Людовик?
– Да потому что уже четырнадцатый!*

*– Как вас зовут?
– Василий.
– Дети есть?
– Да, сын Василий и дочь Василиса!
– А животные в доме есть?
– Кот Васька.
– К сожалению, мы не можем вас принять на должность креативного менеджера.*

В российской гостинице:

*– Имя?
– Бонд. Джеймс Бонд.
– Значит: Бонд Джеймс Бонд.
– Нет! Джеймс, потом Бонд.*

- Джеймс Потом Бонд?
- Только Джеймс Бонд!
- Анатолий Джеймс Бонд?
- Ой, напишите: 007...

Мне пришлось выделить среди прочих так называемые «еврейские» анекдоты, где представлена замечательная языковая игра. Эти анекдоты как правило, создаются самими этническими евреями. Такие анекдоты содержат этнографические и социально-экономические подробности еврейского социума. Кроме того, в связи с трагической историей данного этноса, в таких анекдотах гиперболизируется негативное отношение к евреям. Правда, это всё подаётся со своеобразным еврейским юмором.

- Изя, а что за имя такое – Ихтиандр?
- Ихти – по-гречески рыба, андр – человек.
- То есть всё вместе значит по-нашему – Фишман?!

Магазин канцтоваров. Посетитель:

- Извините, мне нужен ватман.

Продавец:

- Ватман уже ушёл.
- Нет, мне нужен ватман для кульмана...
- Кульман второй день болен.
- Вы меня неправильно поняли, я – дизайнер.
- Вижу, что не Иванов.

- Вы слышали? Выпустили Драйзера.
- Это который завскладом работал? Амнистия. Сейчас многих отпускают.

- Здесь проживают супруги Гольдберг?
- Нет. Но на первом этаже живёт господин Гольд, а на четвертом госпожа Берг.
- Ага, Значит, они разошлись.

Знакомый таксист рассказал, что все проблемы на планете из-за богатых мира сего. Особенно из-за семьи Ротвеллеров.

Три еврея пришли к священнику менять имена. Священник говорит:

– Ты, Мойша, будешь Михаил. И однозвучно, и однозначно. Ты, Борух, будешь Борис. И однозвучно, и однозначно. А ты, Сруль, будешь Акакий. Не однозвучно, но однозначно. [Левенбук 2003: 63-64].

Областная украинская больница. Два санитаря перебирают истории болезни.

– Ой, глянь, Черножопенко, – говорит один, – яка смешна фамилия: Кац. [Левенбук 2003: 275].

- Миша! Ну, ты что опять празднуешь, да ты опять пьяный?
- Как, Клара, ты не знаешь, какой сегодня праздник?
- Ну, и какой?
- День железнодорожника! Вот и праздную!
- Боже, какой ты железнодорожник? Ты всю жизнь торгуешь в аптеке! Ну, скажи, какое отношение ты имеешь к нашему вокзалу?

– Клара, а моя фамилия? Шлагбаум!!!

Еврейский мальчик прибегает домой:

Мама, мама, я нашел котенка! Давай назовём его Изей.

– Ну что ты! Изя – это же человеческое имя. Назови лучше Васькой...

Данные изложенного материала показывают безграничность ономастической игры в анекдотах. Поражает разнообразие приёмов игры имени-лица. В целом же всё это показывает силу, мощь, красоту и потенциал русского языка, а также безбрежные возможности анекдота как своеобразного зеркала нашей жизни.

Библиографический список

1. Пелевин В.О. Чапаев и пустота: роман. М., Вагриус, 2003.
2. Пелевин В. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре. М., Открытый Мир, 2005.
3. Пелевин В.О. Священная книга оборотня: роман. М. : Эксмо, 2012.
4. Левенбук А., Хайт А., Григорьев Ю. Еврейские анекдоты навсегда. М., 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ковалев Геннадий Филиппович,
доктор филологических наук,
профессор;
независимый исследователь;
SPIN-код: 2855-2430;
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Kovalev Gennady Filippovich,
Doctor of Philology,
Professor; independent
researcher;
SPIN-code: 2855-2430;
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

УДК 81

Л.Дж. Кокова

*Кабардино-Балкарский государственный университет им.Х.М.Бербекова
(Нальчик, Российская Федерация)
e-mail:kokovaleila@yandex.ru*

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГИДРОНИМОВ КБР В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Исследование посвящено принципам формирования гидронимов на территории КБР. Целью работы является систематизация гидронимов республики и их представление в общей гидронимической картине России. Поскольку водные объекты республики уникальны по красоте и физико-химическим свойствам, они требуют детального описания, в том числе и ономастического анализа. Гидронимы республики наряду с универсалиями имеют особенности. Они связаны в первую очередь с особенностями ландшафта республики. Русские и адыгские названия водных объектов отражают особенности равнинной местности, а балкарские связаны с объектами горного ландшафта. Среди особенностей гидронимики республики можно отметить практически полное отсутствие гидронимов, связанных с названиями болот. Это объясняется их отсутствием в республике, хотя топкие места и названия, связанные с ними, есть. Среди балкарских названий уникальны те, что связаны с ледниками и реками, сформированными при их таянии. В статье приведен ономастический анализ уникальных водных объектов, находящихся на территории республики и известные далеко за ее пределами. Это озеро Шадхурей, Голубые озера, Чегемские водопады. Результаты исследования будут иметь прикладное значение. Собранные сведения по гидронимии республики могут стать частью словарей по ономастике Северного Кавказа и России, а также помогут в составлении путеводителей для многочисленных гостей республики.

Ключевые слова вода, река, озеро, водопад, родник, гидроним, топоним,

L.J.Kokova

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M.Berbekov
(Nalchik, Russian Federation)
e-mail:kokovaleila@yandex.ru*

ABOUT THE PECULIARITIES OF THE FORMATION OF CBD HYDRONYMS IN THE ONOMASTIC SPACE OF RUSSIA

The study is devoted to the principles of the formation of hydronyms in the territory of the CBD. The purpose of the work is to systematize the hydronyms of the republic and present them in the general hydronymic picture of Russia. Since the republic's water bodies are unique in their beauty and physico-chemical properties, they require a detailed description, including onomastic analysis. The hydronyms of the republic, along with the universals, have special features. They are primarily related to the peculiarities of the republic's landscape. The Russian and Adyghe names of water bodies reflect the features of the flat terrain, while the Balkar names are associated with objects of the mountainous landscape. Among the features of the republic's hydronymics, there is an almost complete absence of hydronyms associated with the names of swamps. This is due to their absence in the republic, although marshy places and names associated with them are unique. Among the Balkarian names, those associated with glaciers and rivers formed during their melting. The article provides an onomastic analysis of unique water bodies located on the territory of the republic and known far beyond its borders. These are Shadkhurey Lake, Blue Lakes, and Chegem Waterfalls. The results of the study will have practical significance. The collected information on the republic's hydronymy can become part of dictionaries on onomastics of the North Caucasus and Russia, and will also help in compiling travel guides for numerous guests of the republic.

Keywords water, river, lake, waterfall, spring, hydronym, toponym,

«Реки текут, исполняют великую роль –
они как бы переплет величайших вечных культур»
В.Шкловский

Гидронимика КБР, как и топонимика, хранит в себе ценнейшую информацию об исторических событиях, этносах, проживавших на этой территории, физико-географических особенностях, природных катаклизмах и многом другом. С помощью гидронимов проводятся различные палеографические реконструкции. Так, по данным топонимики и гидронимики известному геоботанику и топонимисту Е.Л.Любимовой «...удалось восстановить древние ландшафты благодаря использованию названий с основами «озеро», «гора», «мох», «болото» и др., а также реконструировать былые ареалы отдельных видов растений и животных» [Агеева 1985:18].

Кабардино-черкесские (182) и балкарские гидронимы (97) собраны патриархом ономастики Северного Кавказа профессором Дж.Н.Коковым и вошли в книги «Кабардинские географические названия» и «Балкарский топонимический словарь».

Гидронимы КБР представлены в основном названиями родников, рек, озер, водопадов, а также ледников и балок, носящих имена хозяев земельных владений. Значительно реже встречаются названия болот. Это связано с характером ландшафта республики.

Формирование названий водных объектов в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках происходит по тем же принципам, что и в русском языке.

Объем статьи не позволяет охватить всю гидронимику республики, но будет предпринята попытка анализа общих тенденции формирования и функционирования гидронимов, сравнительный анализ со славянской гидронимикой.

Гидронимическая картина поселений с адыгско-черкесским населением довольно пестрая и обусловлена главным образом языком-источником «Здесь встречаются русские названия (Черная река), калькированные с кабардинского (Белая река; ср.каб. ПсыкІэху) и подогнанные под тип русских форм (Шалушка из «Шалуко») наименования. Карачаево-балкарские (вообще тюркские), адыгские, иранские элементы смешиваются в горных районах КБАССР КЧАО. Порой слова разных языков сплетаются в одном названии» [Коков 2000:17- 18].

При формировании адыгских гидронимов основными словами-апеллятивами являются псы «вода», «река», псынэ «родник», псынащхэ «головной родник», къуэ «ущелье», «балка», п [ы, э] «нос», «устье», осложненные разного рода определениями. Примечательно, что слово-название балки с корнем къуэ «балка», по которому течет речка, более известно именно как название речки, а не балки. Так одна и та же речка может называться ЕкІэпцІэкъуэ «ольховая балка» и ЕкІэпцІэкъуэпс «ольховой балки речка» [Коков 2000 : 119].

Кроме ольхи, частью славянских и кабардино-черкесских гидронимов могут быть другие растения : береза, вяз, дуб, липа, орех, осина, яблоня, но в кабардино-черкесских чаще черемша, камыш, верба, ясень, орех, кизил и яблоня. Названия рек Камышеватка в ДНР, Камышная в ЛНР переключаются с Къамылыкъуэ псынэ [Камлюко псына] «Камышовой балки родник» [Коков 2000 :122]. Реки Ясени в Краснодарском крае и Ясенева в Приморском крае имеют «сестру» в кабардино-черкесской гидронимии . КІеикъуэ [Чеико]. Ясенева балка. Река в КБР. [Коков 2000 : 122]. В балкарской гидронимике Алмалы Кезлеу «Яблоневого источник» (источник яблонь) в Сукане [Коков, Шахмурзаев 2017 : 26].

Гидронимов, связанных с названием дикого чеснока (черемши), в гидронимике России много. Из крупных река Черемша, протекающая в городском округе Первоуральск Свердловской области. В среднем ее течении находится деревня Черемша, имеющая, видимо, отгидронимическое название. Только на территории Башкирии названий с этим апеллятивом тринадцать. Одно из них «река Ускун (по-башкирски дикий чеснок)» [Агеева 1985 : 30]. В гидронимике КБР это растение также отражено: «Къэлэрыкъуэ [Каларико]. Река и балка между Жемталой и Псыгансу. «Черемшовая балка» [Коков 2000 :123].

Названия животных и птиц также отражены в кабардино-черкесских гидронимах и иногда указывают на обитание особей в прошлом. Такая же картина наблюдается в русской гидронимике. По ней можно проследить сегодняшние и исторические ареалы распростране-

ния некоторых животных и птиц. Примером может служить история истребления бобров, которые обитали почти повсеместно, но к началу XX века были почти полностью уничтожены. О местах их распространения осталась память в гидронимах, описанных в белорусских документах XVIII века. На Кольском полуострове эти животные остались в таких названиях, «как Маййявруай («Ручей бобрового озера»), Майальтйок («Река бобрового владения»)» [Агеева 1985 : 20].

Среди гидронимов КБР некоторые также свидетельствуют о том, что тот или иной вид когда то обитал в этих местах: Домбеипс [Домбеипс] «Речка зубра» [Коков 2000: 118], Мыщокъуэ [Мышоко] «Медвежья балка» [Коков 2000 : 126], Аргъекъуэ [Аргеюко] «Лососья балка» [Коков 2000 : 115], Къруукъуэ [Крууко] «Журавлиная речка» [Коков 2000 : 124], Бдзэжьейкъуэ [Бдзажейко] «Рыбная балка». Другое название этой же речки «Касалгун» («рыбная, много рыбы») [Коков 2000: 117]. Среди балкарских гидронимов Гитче Мараллы Къол «Малая ланья балка» [Коков, Шахмурзаев 2016: 46].

Личные имена также представлены в гидронимике: «Гидронимы иногда позволяют восстановить и древние имена или прозвища людей, не зафиксированные историческими источниками. Чаще такие прозвища и имена содержатся в названиях деревень и сел, а от них переходят в названия близлежащих речек, ручьев, озер, колодцев. Но бывают случаи, когда эти названия сохраняются только в гидронимах. Среди псковских и новгородских гидронимов (река Базловка) можно проследить отсыл к прозвищу Базел, которое давали крикливому человеку, плаксе, «абазло – пасть, горло (в современном просторечии и говорах базлатъ – «громко кричать, орать»)» [Агеева 1985 : 12].

Таких названий в кабардино-черкесской гидронимике не отмечено, но существует еще одна особенность, отличающая ее от славянской. Речь идет о довольно большой группе гидронимов, несущих в себе имена бывших владельцев или людей, прорывших скважину. Таких названий не менее 35 из общего числа (182). В основном это родники, например «ПатГыкыпс [Патикипс], речка-канал, правый рукав Лескена Называется по имени Патики Джатажеева, впервые прокопавшего канал «Патика речка» или Тамбийхэ я псынэ [Тамбийха япсына] или Хъзэрит [Хазрит] – речка (канал), правый рукав Баксана. Носит имя Хазрита Бжекшиева, впервые пустившего воду по каналу к мельнице» [Коков 2000 : 131] «Тамбиевых родник» [Коков 2000 : 129].

Среди гидронимов есть те, которые имеют этническую составляющую и связаны, как правило, с какими-то историческими событиями. «Къалмыкъ псынэ [Калмык псына] «Калмыцкий родник». Рассказывают, что у этого родника когда то стояло калмыцкое войско». [Коков 2000 : 122].

Аруан [Аруан] «Урвань» - одна из крупных водных артерий КБР. «Представляется возможным сопоставить данный гидроним с этнонимом Aруапа (арийский, ариец), из которого, как об этом пишет Абаев, из которого образовалось скифское племенное имя alan (через ступени alyana, allan) [Коков 2000 : 114].

Река **Малка** и ее долина – одно из самых красивых мест мира. Начинается в ледниках северного склона Эльбруса и впадает в Терек. Гидроним не является абсолютно прозрачным. Некоторые исследователи относят название к этнонимическим. «Сваны называют кабардинцев малкарар, а Кабарду – Малкар; в этом названии слышится Балкария и название реки Малки, по-кабардински – Балъкъ» [Дирр 1909 : 23].

Черек. «одна из наиболее крупных рек КБР. ...В балкарском языке Черек – «река» вообще. В.А.Никонов указывал, что «Черек на сев. склонах Кавказа нарицательное имя всякой большой реки» [Древнетюркский словарь ДТС 2016 : 465]. Балкарцы говорят Баксан черек в знач. – «Баксан – река». А.В.Суперанская считает, что Терек и Черек – родственные образования и обозначают воду [Суперанская. 1997 : 191].

Гидронимы, связанные с физико-химическими свойствами воды, представлены в гидронимике КБР достаточно широко. В названиях отражаются цвет воды, глубина и красота

источника, характер течения воды и окружающий ландшафт, а также события, имевшие место рядом с источником: Псы бгъунж [Псы бгунж] «речка косая», Псыгъуабжэ [Псыгуабжа] «река темно-серая» (мутная) [Коков 2000 : 127], Псынэдыдж [Псынадыдж] «родник горький», ПсыфIэIу [Псыфоу] «вода кислая» (прокисшая), Псыхущхъуэ [Псыхушхо] «горячий ключ», «вода целебная» и под. [Коков 2000 : 128]. Среди балкарских гидронимов один из самых известных «Акь [ак] Суу, «Аксу». «Белая речка» [Коков, Шахмурзаев 2016 : 26]. Название встречается во многих тюркских языках. «Букв. "белая, чистая вода"; обычно – река, истоки которой лежат в высоких снежных горах. В Средней Азии и Азербайджане так называют хорошую пресную воду. От глагола ак «течь», «протекать», «литься» [Мурзаев 1984 : 43-44] Аман Ачы «плохая горечь» (по горькому привкусу родниковых вод) [Коков, Шахмурзаев 2016 : 27], Ачы кезлеу «Горький источник» [Коков, Шахмурзаев 2016 : 30]. Учитывая множество источников с минеральной водой, таких названий много.

Зачастую водные объекты своими названиями указывали на нахождения полезных ископаемых. В славянской гидронимии таких примеров немало. «Большое распространение в гидронимии получили названия, связанные с болотными железными рудами – речки Рудня, Рудница, Ржавец, Железница» [Агеева 1985 : 33], река Хризолитовка, ручей Золотой [Аеева 1985 : 32]. В кабардино-черкесской гидронимике удалось найти два таких гидронима: ШэхъуамцIэпс [Шахуамцапс]. «Медного купороса речка» [Коков 2000 : 134] и Штаучыкьуэ [Штаучыко] «Кремневая балка» [Коков 2000 : 135]

Озер в КБР значительно меньше, чем рек, родников, водных балок, но их красота и уникальные физико-химические свойства известны далеко за пределами КБР.

Шэд хъурей [Шад хурей]. Одно из самых живописных мест России. Озеро, точнее группа озер, стали «героями» одного из культовых фильмов советского кино «Земля Санникова». Группа озер карстового происхождения находится в Зольском районе КБР близ села Каменомостское. Этимология гидронима прозрачная : «Шэд «лужа», хъурей «круглое». «Озеро круглое». Различают Шэд хъурей ин «озеро круглое большое»; Шэд хъурей ику ит «озеро круглое среднее»; Шэд хъурей цIыкIу «озеро круглое малое» (высохло). Удивительным в гидрониме является слово «лужа» Потрясающей красоты круглые озера совсем не похожи на лужу. Но название не хотело «обидеть» озера, а, видимо указывало на стоячий характер воды в них. В озерах, имеющих не до конца изученную систему питания, даже температура воды всегда одинаковая.

Одна из главных достопримечательностей КБР – **Голубые озера** – не менее интересны в ономастическом аспекте и состоит из четырех водных объектов: Нижнее Голубое озеро (Церик-Кель), Верхнее Голубое озеро, Сухое озеро (Кель-Кетчхен) и Секретное озеро.

Чирик Кел (в балкарском диалекте – Цирик кел) «Букв.: «гнилое озеро». Русское название «Голубое озеро» [Коков, Шахмурзаев 2016.: 129]. «Гнилое» связано с характерным запахом сероводорода.

Кель-Кетчхен – Сухое озеро в переводе с балкарского «озеро утекло».

Название Секретное озеро, видимо, связано с тем, что его не сразу можно увидеть.

Шэджанэ гуэлхэр [Шаджана голхар] «Шаджана (?) озера» – кабардинское название Голубых озер [Коков 2000 : 133]

Озеро **Гижгит** – одно из красивейших озер КБР, имеющее антропогенную природу. Образовалось на территории Тырнаузского молибдено-вольфрамового комбината из сточных вод. После закрытия производства очистилось и приобрело ярко-изумрудный оттенок. Название «можно сопоставить с монг. и тюрк. гижг – «затылок» (зад, тыл) [Номиханов 1966 :.10].

Кроме названий рек, ручьев, балок, озер в балкарской гидронимике присутствуют названия ледников: Гара Чыран «нарзан +ледник» (ледник близ источника минеральной воды). [Коков, Шахмурзаев 2016 : .43].

Названия болот и заболоченных мест в гидронимике КБР встречаются значительно реже, чем в славянской. Это связано с особенностями ландшафта. « Жипн, Жипили, Жифиле. Топкие места в верховьях Нальчика (Жифиле), Малки (Жифиле къол, Жифиле баши) Жипи – «топь» [Коков, Шахмурзаев 2016 : 56] и ПсыпцІэфагъуэ [Псыпцыфаго] «Болото бледное» (бесцветное) в междуречье Баксана и Чегема и Псыфоуэ [Псыфоу] болотистое место на п.б. Черка [Коков 2000 :128].

Среди интересных гидронимов КБР Псы шэдыжытI [Псы шаджит] «Речка старых болота два» дословный его перевод. [Коков 2000 : 129], Гюдре Суу – речка от сван гюдре «кожаный мешок». «Речка, из которой набирали бурдюки?» [Коков, Шахмурзаев 2016 : 48].

В целом формирование и обращение славянских, кабардино-черкесских и балкарских гидронимов происходит по одним и тем же принципам. Существенным различием является гораздо большее число названий, связанных с заболоченной местностью в славянской гидронимии и почти полным их отсутствием в КБР. И напротив - большое число «ледниковых» гидронимов в КБР, так как многие водные объекты имеют ледниковое происхождение. Приведенные в статье гидронимы являются лишь частью исследования, которое будет продолжено.

Библиографический список

1. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985. 144 с.
2. Дирр А.М. Современные названия кавказских племен //СМОМПК. Тифлис, 1909 г. вып. 40. Отд. 111. С.23
3. Древнетюркский словарь / под ред. Д.М.Насилова, И.В.Кормушина, А.В.Дыбо, У.К.Исабековой // Астана :Гылым баспасы, 2016. 760 с.
4. Коков Дж.Н. Избранные труды. Т. I.Адыгская топонимия. Нальчик, «Эльбрус», 2000. 488 с.
5. Коков Дж.Н. Избранные труды. Т. II. Адыгская антропонимия. Нальчик, «Эльбрус», 2001. 528 с.
6. Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Издательство М. и В.Котляровых, 2017. 160 с.
7. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
8. Номинханов Ц.Д. Исследования по тюркским языкам. Алма-Ата, 1966.
9. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Введение в топонимию Крыма. Часть I, М., 1997. 404 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кокова Лейла Джамалдиновна
кандидат филологических наук,
заведующая лабораторией
ономастики и социально-
политических исследований Кабар-
дино-Балкарского государственного
университета им. Х. М. Бербекова,
SPIN-код:7910 -1581,
e-mail:kokovaleila@yandex.ru

Kokova Leila Jamaldinovna,
PhD in Philology,
Head of the Laboratory of Onomastics
and
Socio-Political Research
Kabardino-Balkarian State
University named after H.M.Berbekov,
SPIN code:7910 -1581,
e-mail:kokovaleila@yandex.ru

УДК 811.161.1

В.М. Калинин

*Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова
(Горловка, ДНР, Российская Федерация)
e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru*

К ПОЭТОНИМОГРАФИИ МИФОПОЭТОНИМОВ И ОЛИЦЕТВОРЕНИЙ В «СКУПОМ РЫЦАРЕ» А. С. ПУШКИНА

В рамках поэтонимологии как особого направления лексикографии собственных имён, развивающегося в трудах Донецкой ономастической школы (ДОШ), сформировался комплекс представлений о целях, технологии исследования и формальных особенностях описаний поэтонимов, функционирующих в драматических текстах. В сообщении предложено обоснование подхода и решение задачи, касающейся регистрации специфических свойств особой категории поэтонимов, реализующих возможности прозопоэзии и мифопоэтики в “маленьких трагедиях” А. С. Пушкина. На примере фрагмента из материалов для словаря поэтонимов этой части творческого наследия А. С. Пушкина предложен вариант описания когнитивных механизмов, коннотирующих “добавки” в семантику поэтонимов–олицетворений, образующих особую микросистему поэтонимосферы трагедии «Скупой рыцарь». Использование этого приёма образности в других драматических текстах, поэзии и прозе А. С. Пушкина является основанием для квалификации его как одной из характерных черт идиостиля. С учётом возможных интертекстуальных связей и переключек в драмах поэта как авторской семиосфере и за её пределами (в “широчайшем контексте” отечественной и зарубежной драматургии) возникают пока не имеющие окончательного решения вопросы облигаторности/факультативности и способов экспликации этой стороны описываемого приёма образности в словарях поэтонимов. На материале одной микросистемы в поэтонимосфере трагедии представлено мнение, касающееся способа презентации информации о поэтике онимов, функционирующих в формате перечня в рамках автономного множества в специальной зоне словарной статьи. Всё изложенное в сообщении относительно изучения, квалификации и поэтонимологии явления, предлагается как материал для обсуждения и не претендует на “истины в последней инстанции”.

Ключевые слова: апеллятив, мифопоэтоним, перечень, поэтоним–олицетворение, поэтонимология.

V.M. Kalinkin

*Donetsk State Pedagogical University by name V. Shatalov
(Gorlovka, DPR, Russian Federation)
e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru*

FOR POETONIMOGRAPHY OF MYTHOPOETONYMS AND PERSONIFICATION IN A. S. PUSHKIN'S “DRAMATIC EXPERIENCES”

Within the framework of poetonymography as a special branch of proper names lexicography, which is developing in the works of the Donetsk Onomastic School (DOS), a complex of ideas about the goals, research techniques, and formal features of descriptions of poetonyms functioning in dramatic texts has been formed. The report proposes a rationale for the approach and a solution to the problem of registering the specific properties of a special category of poetonyms that implement the possibilities of prosopopoeia and mythopoetics in Alexander Pushkin's “little tragedies”. Using a fragment from the materials for the Poetonym Dictionary of this part of A. S. Pushkin's creative legacy, we show possible ways of describing the cognitive mechanisms that connote “additions” in the semantics of personified poetonyms, which form a special microsystem of the poetonymosphere in the tragedy “The Miserly Knight.” The use of this figurative technique in other dramatic texts is a basis for qualifying it as a characteristic feature of the author's idiosyncrasy. Taking into account the possible intertextual connections and echoes in the poet's dramas as the author's semiosphere and beyond (in the “broadest context” of Russian and foreign drama), there are still unresolved issues regarding the obligatory/optional nature and ways of explicating this aspect of the described figurative technique in poetonym dictionaries. Based on the material of one microsystem in the poetonymosphere of tragedy, an opinion is presented regarding the way information about the poetics of onyms functioning in the format of a list within an autonomous set in a special zone of a dictionary entry is presented. Everything stated in the report regarding the study, qualifi-

cation, and poetonymography of the phenomenon is offered as a material for discussion and does not claim to be the “ultimate truth.”

Keywords: appeal, mythopoetonym, list, poetonym-personification, poetonymography.

Фокус исследований собственных имён в художественных произведениях в последние десятилетия развития научного направления постепенно перемещается с изучения обобщённых свойств проприальной лексики, характерных для определённых типов текстов, в зону поэтики конкретных употреблений, что обнаруживает бездну особенностей функционирования онимии под влиянием авторских интенций, при широком теоретическом подходе, как правило, не выявляемых. Основоположник Воронежской ономастической школы Г. Ф. Ковалев десятилетие назад сформулировал положение, согласно которому онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [Ковалев 2014 : 5]. Это безусловное аксиоматическое утверждение рождено богатейшим исследовательским опытом и вектором изучения, отправляющим учёного в сферу поиска закономерностей. В нашем сообщении представлена попытка “реконструкции” замысла и намерений Пушкина, эксплицируемых при использовании перечня поэтонимов как способа автохарактеристики персонажа, т.е. в “микроне” конкретного.

Собственные имена в текстах пьес (а филологию, прежде всего, интересует именно эта форма существования драматических произведений) можно условно разделить на несколько групп. Наиболее своеобразной среди них и одновременно наиболее существенной для реализации жанровых задач оказывается группа “имена действующих лиц”. При этом единственной облигаторной их функцией является идентификация реплик. Собственные имена действующих лиц в текстах драм, участвующих в той или иной сцене могут употребляться также в речах персонажей, авторских ремарках к действиям, актам, мизансценам и т.д., последнее – факультативно. Предметом дальнейшего обсуждения являются поэтонимы, употреблённые только в речи персонажей (репликах диалогов, монологов и “озвучиваемых аппаратах”), не имеющих непосредственного отношения к событиям драмы, но используемых преимущественно с “фигуративными” целями.

Много лет назад о свойствах той группы поэтонимов, о которой речь пойдёт ниже, я написал: «Вся вторая сцена трагедии, имеющая подзаголовок (*Подвал*), представляет собой монолог *Барона*, в котором собственные имена – “собираательные” мифопоэтонимы (*Демон, Нимфы, Музы*), аллегории и персонификации...» [Калинкин 2004 : 66]. Этим и ограничился. Далее следовала цитата, которую воспроизведу позднее и рассуждение о редакторском произволе (даже в академических изданиях), касающемся использования прописных и строчных букв при передаче поэтонимов. Иными словами, сказано было только то, что касалось обобщённых свойств онимии.

Чтобы прояснить некоторые стороны поэтики собственных имён в анализируемом далее перечне, обратимся к литературоведческим комментариям, опубликованным в пробном (1935 года) седьмом томе полного собрания сочинений Пушкина. Начнём с названия пьесы. Художественное осмысление скупости имело давнюю традицию в русской литературе и ещё более древнюю в зарубежной. Комментатор перечислил опыты русских писателей XVIII – начала XIX века: «комедии – “Лихоимец” Сумарокова, оперу “Скупой” Я.Б. Княжнина, “Скупой роскошный” Ардалиона Иванова; ряд басен Сумарокова, “Скупой и окулист” А. Е. Измайлова, “Сон Скупого” Н. Гнедича и т.д.» [Якубович 1935 : 509]. Зону интертекстуального (хотя точнее, пожалуй, семиосферу культуры осмысления скупости в драматических произведениях) составляли в творческом сознании Пушкина, прежде всего, «Венецианский купец» Шекспира с его Шейлоком и мольеровский «Скупой» – Гарпагон. Об этих персонажах в «Table-Talk» сохранилась запись Пушкина: “Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; <...>. У Мольера Скупой скуп – и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен” [П5 : т.12, 159–160].

Отказавшись от предполагавшегося вначале заголовка маленькой трагедии «Скупой» на «Скупой Рыцарь», Пушкин коренным образом сменил вектор драматического конфликта. Введение слова “Рыцарь” в заглавие произведения привело к существенному уточнению содержания и

поэтики словосочетания. Мотивированное прилагательным имя существительное “скупой”, называющее лицо по характерному признаку (ср. у В. Даля: *скупой запирает крепко, а потчует редко; скупому душа дешевле гроша; скупой копит – черт мошну тачает* и др. [Даль : 61–62]), в сочетании со словом “рыцарь” трансформировалось в определение, но происходящее в сочетании «Скупой Рыцарь» смещение содержательного акцента со скупости как таковой в область представлений о рыцарстве повлияло и на поэтику названия маленькой трагедии. Названием заявлен, а в самой трагедии реализован принцип изображения полярности человеческой природы. Это антитеза, средством выражения которой является оксюморон, причем, несомненно, наполненный иронией в отношении к рыцарству, которая осознавалась тем отчетливее, чем большую популярность приобретало произведение великого Сервантеса, и чем чаще в литературном обращении фигурировали аллюзии на имя *Дон Кихот*.

Методологический и метаязыковой апарт

Собственные имена в большинстве своём – имена существительные. И нет ничего удивительного в том, что обладают они теми же свойствами, что и апеллятивы, от которых произведены, хотя случается (в пору первоначального развития языка бывало значительно чаще) и наоборот. При изучении языка художественной литературы учёные издавна обратили внимание и с удовольствием описывают авторские неологизмы. С не меньшим азартом изучаются и отонимные образования в трудах ономастов, посвятивших себя исследованию онимии литературно-художественных произведений. Наблюдения, накопленные словообразованием (по Л.В. Щербе, учением о том, “как делаются слова” и “как они сделаны”), вооружают ономастов методами, приёмами и инструментами анализа. Особое, но периферийное, место в этих исследованиях занимает *лексико-семантический способ образования новых слов*, при котором новое слово появляется в результате изменений в значении уже существующего. Не вдаваясь в подробности [они потребуют развёрнутого обоснования не только в отношении квалификации результата (новое слово / новое значение), но и осмысления семантических процессов в сосуществовании онимов и коннотонимов, к тому же в бурлящей многообразии среде (художественное произведение)] вернёмся к рассмотрению основного материала сообщения.

В первой же сцене сын скупого Альбер, анализируя своё “отважное” поведение на поединке с Делоржем, признаётся слуге: / *Геройству что виною было? – скупость – Да! заразиться здесь не трудно ею / Под кровлю одной с моим отцом / [I₁: 102, ст.35–37].* А чуть позже, обсуждая вопрос займа денег у ростовщика, снова “приоткрывает занавес”: Альбер. / *Да ты б ему сказал, что мой отец / Богат и сам как жид, что рано ль, поздно ль / Всему наследую / [I₁ : 103, ст.49–51].* Сказанного достаточно, чтобы сцена II (в подвале “замка” Скупого Рыцаря) уже была “заражена” определённым отношением читателя (зрителя) к монологу, произносимому перед сундуками с сокровищами, в котором каждое собственное имя почти автоматически становилось источником коннотирования дополнительных пейоративных смыслов; негативное отношение к говорящему Барону, включало “сообразительность” читателя, а волею и талантом драматурга выявляло имплицитно заложенные в онимию авторские коннотемы, актуализирующие ассоциативную работу воспринимающего сознания.

Дождавшийся своего часа Барон вещает: / *Счастливейший день! могу сегодня я / В шестой сундук (в сундук еще неполный) / Горсть золота накопленного всыпать. / Не много кажется, но по немногу / Сокровища растут. / [Пушкин 1935 : 103, ст.6–10].* А зритель (читатель), “вооружённый” содержанием первой сцены (*В башне*) внутренне уже формулирует приговор: скряга! Но вдруг... Барон. /<...> *Читал я где-то, /* и зритель (читатель) мгновенно корректирует регистр: да, скряга..., но образованный. Всё дальнейшее – саморазоблачение и самолюбование. А на пике восторга та самая фраза, анализу которой посвящено сообщение:

*Могу взирать на всё, что мне подвластно.
Что не подвластно мне? как некий Демон*

Отселе править миром я могу;
 Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
 В великолепные мои сады
 Сбегутся **Нимфы** резвою толпою;
 И **Музы** дань свою мне принесут,
 И вольный **Гений** мне поработится,
 И **Добродетель** и бессонный **Труд**
 Смирненно будут ждать моей награды.
 Я свистну, и ко мне послушно, робко
 Вползет окровавленное **Злодейство**,
 И руку будет мне лизать, и в очи
 Смотреть, в них знак моей читая воли.

[П₁: 110–111, ст.20–33].

В пробном издании 1935 года слово “демон” напечатано со строчной буквы, а в 16-томном (окончательном) варианте ПСС *Демон* начинается прописной буквой.

Перечень поэтонимов в этой части монолога представляет собой микросистему элементов в поэтонимосфере “маленькой” трагедии. *Демон*, формирующий список, и *Злодейство*, завершающее его, представляют собой полюса “фигуративного перечня”. В воображении Барона, каждая олицетворённая сущность из перечисления может быть “куплена” и будет готова служить и исполнять любую прихоть Демона-повелителя.

Но ведь и “список”, сформулированное Бароном-Демоном перечисление возможностей, открываемых золотом, представляет собой “говорящий” перечень. И из него можно извлечь многое, вложенное Пушкиным в образ Скупого, но всё-таки – Рыцаря. Это была попытка реализации поистине шекспировского подхода. Отказавшись от упрощений “масочного” действия, Пушкин прокладывал путь в новую русскую драматургию.

Обратившись к «Словарю языка Пушкина» (далее – *СЯП*), можно получить представление о решениях, касающихся семантики слов, использованных в трагедии в функции поэтонимов, и сравнить выводы составителей словаря, отказавшихся, как известно, от весьма значительной и значимой для поэта группы лексических единиц, с нашим мнением. (“Не помещаются в словаре собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены Пушкиным в нарицательном или переносном значении. Отступление в этом отношении сделано для собственных имён античной, библейской и христианской мифологии, играющих обычно в творчестве Пушкина определённую стилистическую роль, а также для условно-поэтических имён (Лида, Лилета и др.)” [*СЯП*: т.1, XVI]) В *СЯП* слово *демон* в значении ‘злой дух, олицетворение злого начала’ (19 из 27 случаев) включает и *Демона* (*СР* II 21. Адресация стихов с лексемой “демон”, как и все другие воспроизведённые в сообщении шифры, касающиеся других поэтонимов анализируемого фрагмента трагедии «Скупой Рыцарь» дана по *СЯП*), зарегистрированного в орфографии собственного имени, т.е. с прописной буквы. И это, несомненно, правильно, поскольку в единственной сохранившейся белой рукописи трагедии все без исключения поэтонимы процитированного отрывка написаны с заглавной буквы, вопрос лишь в том, какое именно значение вкладывал Пушкин в имя *Демон*.

К *Болдинской осени* опыт создания образов демона у него уже был. Пушкинская “демониана” начинается в 1815 году с *демона метроманов* «К Пущину. (4 мая)» (“Любезный именинник...”) (*С*₁ 33.45). Между этим “демоном *маниш стихосложения*” и *лживым, но прекрасным демоном сладострастия* 1830 года «В начале жизни школу помню я») : / *Другой женообразный, сладострастный, / Сомнительный и лживый идеал – / Волишебный демон – лживый, но прекрасный, / Пред ними сам себя я забывал; /* (*С*₃ 181.42) разместились все другие упоминания демона, включая некоего *Демона* «Скупого Рыцаря». Более поздние применения лексемы “демон” имеет смысл из обсуждения исключить. В значении ‘злой дух, олицетворение злого начала’, но ослож-

нённая коннотациями, явно обозначенными согласованными и несогласованными определениями, лексема *демон* в стихотворении 1823 г. «[Моё] беспечное незнание» : / [Мое] беспечное незнание / Лукавый<?> **демон** возмущил, / И он мое существование / С своим на век соединил. / (С₂ 196.2) (рассматривавшемся редакторами как набросок к стихотворению «Демон»), реализует метаморфозу – слияние образов лирического героя и *демона* – приём, по-новому зазвучавший в СР. В стихотворении 1824 г. «Разговор книгопродавца с поэтом (“Стишки для вас одна забава”))» : / Какой-то **демон** обладал / Моими играми, досугом; / За мной повсюду он летал, / Мне звуки дивные шептал, / И тяжким, пламенным недугом / Была полна моя глава; / (С₂ 219.32) образ поэтических переживаний теперь уже не шуточный *демон метроманов*, но психологически точная передача моментов творческого вдохновения. Вскорости она понадобилась зрелому автору, отбросившему сомнения, уже работающему над “романом в стихах”, как предисловие при издании первой главы «Евгения Онегина». В 1827 г. Пушкин снова обратился к образу *демона* как антиподу обитателя рая, «Ангел (“В дверях эдема ангел нежный...”))» : / В дверях эдема ангел нежный / Главой поникшею сиял, / А **демон** мрачный и мятежный / Над адской бездною летал. / Дух отрицанья, дух сомненья... / (С₃ 34.3) и ввёл в образ ноту амбивалентности: / «Прости,— он рек,— тебя я видел, / И ты недаром мне сиял: / Не всё я в небе ненавидел, / Не всё я в мире презирал. / (С₃ 34.9–12).

В общем, вложить в *некоего Демона* Барона черты, не предусмотренные упрощённым представлением о нём только как о ‘злом духе, олицетворении злого начала’, Пушкин, думается, смог и сделал это, используя неоднократно опробованный приём – список собственных имён. Перечень “от *Демона-Барона*” – небольшой, но внушительный. Шесть имён: три мифопоэтонима и три поэтонима-олицетворения. Выше они уже перечислялись, поэтому обратимся к возможностям *СЯП*.

Лексема *Нимфа* зафиксирована словарём в ряде значений, в формах единственного и множественного числа; употреблена Пушкиным 17 раз. (*СЯП* : т.2, с.909). Нимфы античной мифологии – низшие божества, олицетворяющие различные силы природы. У Пушкина только одна имеет имя : *Эхо – бессонная нимфа*; *нимфа лесов*, – остальные названы словосочетаниями [нимфы *Пелиона*, нимфы *Геликона* (о музах) и *мраморная нимфа* (Марина в *БГ*); последняя, замечу, в контексте, окрашенном пейоративными коннотемами, свидетельствует о наличии опыта амбивалентной характеристики персонажа сравнением с мифическим компонентом в расширяющемся контексте].

Лексема *Муза* зафиксирована *СЯП* в ряде значений, в формах единственного и множественного числа; употреблена Пушкиным 174 раза. (*СЯП* : т.2, с.671).

Лексема *Гений* зафиксирована в пяти значениях (*исключительная одарённость, гениальный человек; дух-покровитель, (дух добра и зла); воплощение идеала, творческий дар*); в формах апеллятива и собственного имени употреблена Пушкиным 122 раза. (*СЯП* : т.1, с.470–471). В их числе зафиксированы словосочетания с определениями, выраженными притяжательными местоимениями, прилагательными мелиоративного характера, иногда неоднократно (например, *гений величавый* [(*ЕО I*, 18.9) о Корнеле и (С₂ 120.17) об Эсхиле, но и *злой гений* в стихотворении «Демон», и *враждебный гений* в стихотворении «Андрей Шенье»].

Лексема *Добродетель* зафиксирована в двух значениях: 1) как “*проявление высокого нравственного принципа в поведении и поступках*” и 2) “*благодетель*”; в формах апеллятива или собственного имени употреблена Пушкиным 24 раза (*СЯП* : т.1, с.671–672). Своё отношение к положительному пониманию добродетели Пушкин обозначил в нескольких высказываниях: “*Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в целом народе? Предрассудок сей, утверждённый демократической завистию некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма*” (*Ж*₁ 55.9).” [П₃ : с.55]. “*Прежние романисты представляли человеческую природу в какой-то жеманной напыщенности; награда добродетели и наказание порока были непременно условием всякого их вымысла: нынешние, напротив, любят выставлять порок всегда и везде торжествующим, и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие*” [П₄ : с. 70.24]. Отмечено в *СЯП* и ироническое употребление слова: “<...> я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей – в бессиллии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью.” (*Пс* 38.14) [П₆ : с.43].

Лексема *Труд* зафиксирована в пяти значениях в формах апеллятива и поэтонималищесствования в единственном и, реже, во множественном числе. Использовалась часто: всего употреблена Пушкиным 249 раз (*СЯП* : т.4, с.612–613).

Лексема *Злодейство*, единственная, не претерпевшая в фигуративном перечне семантических трансформаций, зафиксирована в формах апеллятива для обозначения преступного поступка; как поэтоним-олицетворение некоей силы, осуществляющей преступления, употреблена Пушкиным 17 раз (*СЯП* : т.2, с.151).

В фигуративном перечне *от Демона* перечислены не известные образованному носителю языка мифоперсоны и олицетворённые понятия, а откорректированные большим воображением скряги образы, ни одному из которых не суждено воплотиться. Речь Барона, по существу, не монолог вовсе, а изнанкой наружу вывернутый внутренний диалог: / *Что не подвластно мне? как некий Демон / Отселе править миром я могу /*, продолженный многообещающим бахвальством *лишь захочу...* и перечислением возможностей с использованием фигуративного перечня желаний “обнуляется” голосом трезвого рассудка: / *Мне всё послушно, я же — ничему; / Я выше всех желаний; я спокоен; / Я знаю мощь мою: с меня довольно / Сего сознанья...* (смотрит на свое золото) [*П₁* : 110, ст. 21–22 и 111, ст. 34–37].

Анализ фигуративного перечня в «Скупом Рыцаре» в контексте четырёх “маленьких трагедий”, созданных осенью 1830 г. в Болдине («Скупой Рыцарь» завершён 23 октября, «Моцарт и Сальери» – 26 октября, «Каменный гость» – 4 ноября, «Пир во время чумы» – 6 ноября) и, шире, в дискурсе “драматических опытов” А. С. Пушкина в целом, позволяет высказать пока осторожное предположение (исследование продолжается) о существенной роли единства и борьбы противоположностей в диалектике образов поэтонимов-олицетворений *Демон*, *Гений*, *Злодейство*, функционирующих в двух маленьких трагедиях (*МС* и *СР*), для объединения их в драматический цикл. Ключевым фактором “циклизации” выступают амбивалентные пары поэтонимов-олицетворений *Гений* и *Злодейство* в *МС*, и *Демон* и *Злодейство* в *СР*. Расширение некоторыми литературоведами условного цикла “маленьких трагедий” за счёт включения в него двух других пьес («Каменный гость», «Пир во время Чумы»), и даже расписанного “по сценам” «Бориса Годунова», возможно, найдёт подтверждение или (не исключено) опровержение в процессе сопоставительного анализа поэтонимосфер названных произведений. В любом случае, это будет полезно, во-первых, для разработки методик изучения поэтики онимов в широких и (по А. Ф. Лосеву) “широчайших” контекстах и, во-вторых, для совершенствования поэтонимографии, разработки приёмов и способов фиксации поэтики онимов в словарных статьях.

Библиографический список

1. Белецкий А.И. Изображение живой и мёртвой природы // Избранные труды по теории литературы / Под общ. ред. Н.К. Гудзия. М.: Просвещение, 1964. 478 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ННН, 2000. 616 с.
3. Калинин В.М. “Драматические исследования” А. С. Пушкина и поэтика онимов. «Скупой Рыцарь» / В. М. Калинин // Пушкин : Альманах. Магнитогорск : МаГУ, 2004. Вып. 4. С. 57–67.
4. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.
5. *П₁* – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений / Гл. ред.: М. Горький, В. П. Волгин, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский. [Л.]: Изд-во АН СССР, [1935]. Т. 7. Драматические произведения / Ред. Д. П. Якубович. [1935]. [8], 728 с. (Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp>).
6. *П₂* – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур,

- А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
7. *П₃* – Пушкин А. С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. С. 52–58.
 8. *П₄* – Пушкин А. С. Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной: (Читано им 18 января 1836 г. в Императорской Российской Академии.) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. С. 67–74.
 9. *П₅* – Пушкин А. С. Table-talk // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. С. 156–177.
 10. *П₆* – Пушкин А. С. Письмо Вяземскому П. А., 1 сентября 1822 г. Кишинев // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 13. Переписка, 1815–1827. 1937. С. 43–44.
 11. *П₇* – Пушкин А. С. Письмо Вяземскому П. А., 4 ноября 1823 г. Из Одессы в Москву // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 10. Письма. 1979. С. 57–58.
 12. *СЯП* – Словарь языка Пушкина в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Институт русск. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000.
 13. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. IV. Вып. 5. С. 173–186.
 14. Якубович Д. П. Комментарии. Скупой Рыцарь. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Драматические произведения. Л.: Издательство Академии наук СССР. 1935. С.506-522.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Калинкин Валерий Михайлович,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского
общего языкознания,
Донецкий государственный педагогический
университет,
SPIN-код 1233-5177,
e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

Kalinkin Valery Mikhailovich,
Doctor of Philological Sciences,
Head of the Department of Russian
Language and General Linguistics,
Donetsk State Pedagogical University,
SPIN-code 1233-5177,
e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЯТВОРЧЕСТВА PRAGMATIC ASPECT OF NAME CREATION

УДК 81'282.2, 81'42

А.Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

(Абакан, Российская Федерация)

e-mail: adkaksin@yandex.ru

ВЫБОР ИМЕНИ ДЛЯ НОВОРОЖДЕННОГО: МОТИВАЦИЯ, ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, ВОЛЯ СЛУЧАЯ

Статья посвящена возможности возникновения некоторых личных мотивов при выборе имени для новорожденного. (Речь идет в основном о российском и советском антропонимическом пространстве). Постулируется наличие скрытой диалектики в самом акте наречения именем: взрослые, беря за основу реально существующий (и очень большой) общий словник имен, могут дать новорожденному имя, отвечающее их внутренним "требованиям", установкам. Для подтверждения данного положения приводятся примеры того, как ребенок мог получить свое имя: оно соответствовало какому-либо значимому обстоятельству; дано в связи с каким-либо событием; это имя одного из предков (или кого-либо из родственников, друзей, литературных и фольклорных героев и т. п.) В связи с этим утверждается мысль о существовании такого отдельного речевого произведения, как семейное предание о выборе имени того или иного члена семьи.

Ключевые слова: имя, современное общество, ономастика, мотивированные предпочтения, семейные предания

A.D. Kaksin

Katanov Khakass State University

(Abakan, Russian Federation)

e-mail: adkaksin@yandex.ru

CHOOSING A NAME FOR A NEWBORN: MOTIVATION, PREDETERMINATION, CHANCE

The article is devoted to the possibility of some personal motives when choosing a name for a newborn. (We are talking about the Russian and Soviet anthroponymic space). The presence of hidden dialectics in the very act of naming is postulated: adults, taking as a basis a real (and very large) common dictionary of names, can give a newborn a name that meets their internal "requirements" to the settings. To confirm this provision, examples are given of how a child could receive his name: it corresponded to any significant circumstance; given in connection with an event; this is the name of one of the ancestors (or any of the relatives, friends, literary, and folklore heroes, etc.). In this regard, the idea of the existence of such a separate speech work as a family legend about choosing the name of a particular family member is argued.

Key words: name, modern society, onomastics, motivated preferences, family traditions

По теории имени человека выработано очень много концепций и положений, и ниже мы ограничимся лишь несколькими, на наш взгляд, наиболее подходящими в нашем случае. К примеру, очень интересны наблюдения и выводы выдающегося советского (и российского) лингвиста А.К. Матвеева: «Появление имени связано со становлением человека, с формированием его самосознания. ... История человечества в определенном смысле является историей освобождения от тирании имени. ... Имя постепенно утрачивало свою "материальную" связь с телом и становилось знаком личности» [Матвеев 2008: 135-136].

Мы целиком и полностью поддерживаем эти мысли А.К. Матвеева, но полагаем, что во многих случаях современная привязка имени новорожденного к какому-либо важному факту, связанному с этим рождением, проистекает не из приверженности к предрассудкам, а из желания придать всеобщему, тривиальному и обычному некий личный характер, оттенок индивидуальности.

С появлением в семье ребенка естественным образом встает вопрос о наречении его именем. Трудностей при этом обычно не возникает: в каждую эпоху существует некий общепринятый стандарт – обширный перечень имен, мужских и женских. Поскольку общество – живой организм, этот перечень вполне отчетливо структурирован: верхние строчки занимают имена, предпочтительные именно в современный период, а далее идут уже имена не вполне актуальные и устаревшие. Есть некоторые особенности, определяемые государственным стандартом и (или) этническим фактором, и они, безусловно, учитываются людьми, дающими имя новорожденному [Солошенко 2012; Галиева 2023; Бугакова 2025: 20-22]. Но зачастую решающее значение имеют некоторые другие факторы: место проживания (в городе или деревне), следование некоторой устоявшейся традиции (или даже моде), возможности деривации данного имени и т. п. [Голомидова 2008: 161-165; Рут 2012; Супрун 2019: 200-202].

Подход лингвистов к обозначению данного процесса был и остается точным, взвешенным, учитывающим все нюансы. Формулировки общего характера содержатся в работах многих выдающихся российских лингвистов. К примеру, В.Д. Бондалетов, выявив в словарях русских личных имен огромное их число, далее так развивал свою мысль: «6 тысяч имен... Не мешает ли их обилие выполнять языку коммуникативную функцию? ... Несомненно, орфографические и иные трудности возрастают, однако народ, творец и хозяин языка, довольно легко преодолевает эти трудности – он включает в активный репертуар лишь часть имеющегося запаса имен, оставляя в стороне множество “редких”, “непривычных”, “трудных”, “устаревших”, чем-то “не нравящихся” имен» [Бондалетов 1983: 139-140].

Таким образом, при рождении ребенка происходит диалектический выбор между большим количеством возможных имен и “необходимых” именно для этой семьи. Можно сказать иначе: у родителей (и других причастных), дающих имя новорожденному, есть определенная свобода выбора, они могут руководствоваться какими-то своими соображениями.

В России одной из самых устойчивых традиций является установление преемственности имен, исходя из истории рода. Оказывается, о ней можно говорить и на примере великого русского писателя Ф. М. Достоевского: «Данная традиция соблюдалась в семье родителей писателя...: старший сын назван именем отца, средний – именем деда по материнской линии, а младший – по имени деда со стороны отца, то есть в пределах одного рода можно говорить о существовании ономастического цикла – некой повторяемости имён в определенный период времени» [Скуридина 2025: 121].

Результаты действия этого “правила” можно наблюдать по сегодняшний день. Но, прежде чем рассказать об этом, остановимся еще на одном интересном факте. Имеем в виду наличие среди множества речевых образцов такого жанра, как *легенда об имени* (т. е. рассказ о том, почему человеку дали определенное, именно это, имя). Теория речевых жанров, безусловно, глубоко разработана, но хочется привести лишь одно высказывание на эту тему (сделанное в рамках “размышлений о прочитанном”):

«Надо сказать, что речевые жанры пронизывают практически все пространство общественной и художественной коммуникации. Последняя выступает в значительной мере как отражение живых процессов речи, осмысленных и представленных автором в национально-языковой картине мира» [Никитин, Супрун 2024: 168].

Нужно сказать, что такого рода легенды, предания (т. е. рассказы об имени героя и событиях, связанных с этим именем) довольно часто встречаются в научной, научно-популярной, публицистической и учебной литературе. Для примера приведем ряд фрагмен-

тов текстов, извлеченных нами из вышедших недавно научных изданий. Первые два размещены в «Образцах удмуртской речи» – книге, собранной и подготовленной к изданию выдающимся исследователем финно-угорских языков В.К. Кельмаковым. Первый рассказ звучит так: *Таччы вашкала дырйа кытис'кэ Йубэра н'имо мурт лыктэм. Солэс' н'имзэ гуртлы с'отил'л'ам. Мон тодэмйа ик вордис'кэм нуныослы Йубэра н'им поныло ваў. Ал'и сычэ н'им ук с'отыло н'и 'Сюда в древние времена пришел [первым] откуда-то человек по имени Юбера. Его именем назвали и деревню. Как я еще помню, младенцев еще нарекали именем Юбера. Теперь уже такого имени не дают'* [Кельмаков 2015: 339].

Здесь, видимо, уместно вспомнить о существовавшей некогда традиции называть новорожденных именем основателя рода (или поселения). Как представляется, в вышеприведенном рассказе упоминается человек, по определенным причинам ушедший, как тогда говорили, “на выселки”, и основавший собственную деревню. Он мог быть изгнан, мог переехать по собственной воле: древний финно-угорский корень *juvra ведет к словам со значениями ‘наперекор, вопреки’, ‘нестандартный’ (т.е. в любом случае характер человека был таков, что он не мог ужиться с людьми, искал место подальше от надоевших ему людей, чтобы самостоятельно утвердиться на новом месте).

Еще более замысловатая история с именами изложена во второй легенде. Представляется, что здесь имена героев отражают следующую традицию: необходимо дать новорожденному имя-знак (имя-символ) и тем самым предопределить его судьбу: *Аз'ло дырйа оди' у'мурт гуртын улил'л'ам-вылил'л'ам картэн кышнойэн. Одиг арэ соослэн кы'то пийоссы вордис'кил'л'ам. Кы'назы о'тусйэмэс', таза но кужмо будил'лам. Н'имйоссы но о'выл'л'эмэс' вылэм: Бадыр но Батыр. Бадыр – у'мурт с'амэн “тыр толэз'”, нош Батыр – “кышкас'тэм ад'ами”. Та пийос будил'л'ам, анай-атайзылы гырыны-киз'ыны йур'тил'л'ам* ‘В прежние времена в одном удмуртском селении жили-были муж с женой ((с) мужем (с) женой’). В один год у них родилась двойня мальчиков. Оба росли похожими по внешности друг на друга, здоровые и сильные. И имена носили сходные: Бадыр и Батыр. Бадыр по-удмуртски [означал] “полнолуние”, а Батыр – “бесстрашный человек”. Выросли эти парни, помогали родителям обрабатывать землю’ [Кельмаков 2015: 175-176].

И вот, когда наступает война, решается вопрос о том, кому пойти на войну, а кому остаться со стариками-родителями. Разрешается проблема в соответствии с именами двух молодцов: биться с врагами уходит бесстрашный воин (Батыр), остается – рожденный работать на земле (Бадыр).

Еще один фрагмент мы нашли в статье, посвященной тюркской лексике в антропони-мической системе караимов Крыма: «Из книги крымского краеведа Василия Христофоровича Кондараки известно, что именем Танатар крымские цыгане называли детей, родившихся на рассвете: «Вы назвали его Танатаром, или разсветом, обратился я к хозяину, но разве у мусульман допускаются произвольные имена? – Я родился на рассвете, отвечал цыган, и меня назвали разсветом. Разве это может быть противно Аллаху, у которого нет различия ни между людьми, ни между свиньями»» [Ельяшевич 2025: 67].

Как видим, здесь совершенно явно указывается тюркская (но распространенная и среди других народов) традиция давать имена в соответствии с текущей обстановкой на момент рождения ребенка (или в целом с окружающей природой и социальной средой).

Другими словами, возникающий (после рождения ребенка) вопрос разрешается диалектически: есть большой список регламентируемых имен, из которого, по особому желанию родителей (и других причастных), можно выбрать то, которое кажется более подходящим – в связи с теми или иными обстоятельствами.

Библиографический список

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учебное пособие. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
2. Бугакова Н.Б. Имя в лингвокультуре // Ономастический вестник. 2025. №3 (3). С. 19-23.
3. Галиева Ф.Г. Личные имена народов Башкортостана: общие закономерности развития имятворчества и своеобразие культур // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. №3 (41). С. 102-109.
4. Голомидова М.В. Рецензия на книгу: Имя: Семантическая аура. М.: Языки славянских культур, 2007 // Вопросы ономастики. 2008. №6. С. 161-168.
5. Ельяшевич В.А. Тюркская лексика в антропонимической системе караимов Крыма: родовые имена (фамилии) // Проблематика и методология современных тюркологических исследований: Коллективная монография / отв. ред. Е. А. Оганова. М.: ООО «Издательство МБА», 2025. С. 54-82.
6. Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1: Научное издание. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2015. 424 с.
7. Никитин О.В., Супрун В.И. «...Мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам...» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. №1. С. 166-172.
8. Матвеев А.К. Эволюционные процессы в ономастике // Вопросы ономастики. 2008. №6. С. 130-136.
9. Рут М.Э. *Nomina sunt odiosa?* Об особенностях антропономинии в деревенской среде // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международной научной конференции, Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Ч. 2 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 87-88.
10. Скуридина С. А. Личные имена *Федор* и *Павел* в антропонимной модели романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. №3 (58). С. 119-125.
11. Солошенко К.В. Динамика именика Алтайского края // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международной научной конференции, Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Ч. 2 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 97-98.
12. Супрун В.И. Имя собственное как эмотивный феномен // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. №1 (134). С. 199-204.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Каксин Андрей Данилович,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова,
SPIN-код: 7847-3348,
e-mail: adkaksin@yandex.ru

Kaksin Andrei Danilovich,

Doctor of Philological Sciences,
Leading researcher,
Institute of Humanities and Sayan-Altai Turcology,
Katanov Khakass State University,
SPIN-код: 7847-3348,
e-mail: adkaksin@yandex.ru

УДК 81

В.К. Шиловских*МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №99»
(Воронеж, Российская Федерация)***ЭРГОНИМИКОН ВОРОНЕЖСКОЙ ДОСТАВКИ**

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора эргонимов воронежскими предпринимателями и фирмами сервисов коммерческой доставки и сформированный эргонимикон в данной сфере. Автором статьи отмечается, что абсолютное большинство из общей выборки наименований принадлежат к сложным композитным информативным эргонимам, которые, тем не менее, слабо выполняют функцию актуализации внимания за счет недостатков графической актуализации и отсутствия учёта культурного кода. Анализ эргонимов представлен с точки зрения функциональной номинации, структурных моделей и семантической номинации выбранных слов, приведена статистика внутри каждой из групп. Результаты проведенного анализа могут быть использованы в качестве наглядного материала для дальнейших исследований эргонимикона г. Воронежа, а также для сопоставительных исследований наименований служб доставки в других регионах.

Ключевые слова: Воронеж, эргоним, оним, эргонимикон, коммерческая доставка.

V.K. Shilovskikh*Municipal Budgetary Educational Institution Secondary School No. 99
(Voronezh, Russian Federation)***ERGONYMICON OF VORONEZH DELIVERY SERVICES**

This paper examines the naming strategies employed by Voronezh entrepreneurs and companies in the commercial delivery sector, as well as the resulting ergonymicon in this field. The author notes that the vast majority of names in the overall sample are complex compound informative ergonyms. However, these names often fail to attract attention effectively due to deficiencies in graphic design and a disregard for the cultural code. The analysis of ergonyms is presented from the perspective of functional nomination, structural models, and the semantic nomination of the selected words, with percentage ratios provided for each group. The author also describes each identified group and provides commentary to explain the classification of ergonyms into specific subcategories. The results of the analysis can be used as statistical material for further research on the ergonymicon of Voronezh, as well as for comparative studies of delivery service names in other regions.

Key words: Voronezh, ergonym, onym, ergonymicon, commercial delivery.

Понятие «эргоним» (от греч. ἔργον – «работа, дело, творение» и ὄνομα – «имя») представлено Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» [Подольская 1988 : 192]. Под эргонимом понимается наименование предприятия, организации или иного делового объединения (фирмы, корпорации, творческого союза, учебного заведения), функционирующего в экономической, социальной, культурной или политической сфере. Как термин «эргоним» активно вошёл в научный оборот начиная с 1980-х годов, что напрямую связано с процессами урбанизации, глобализации и интенсивной трансформации городской среды. В системе ономастического пространства эргонимы образуют особый разряд, отличный от топонимов и антропонимов по своим функциональным характеристикам. Если топонимы (названия географических объектов) выполняют преимущественно ориентирующую функцию, а антропонимы (имена лиц) — идентифицирующую, то специфика эргонима заключается в его прагматической направленности. Эргоним не просто обозначает субъект деятельности, но и позиционирует его в конкурентной среде, транслируя ключевые ценности бренда целевой аудитории, что позволяет говорить о его рекламно-коммуникативной функции: эргонимия занимает пограничное положение между традиционной ономастикой, изучающей устойчивые именные модели, и лингвистикой рекламы и PR, исследующей механизмы целенаправленного воздействия на сознание

Исследователи, в том числе и представители Воронежской ономастической школы, неоднократно обращались к описанию способов и средств номинации эргонимов на материале различных языков и регионов, отмечая при этом прецедентность большинства исследуемых единиц [Ковалев 2004; Кузьминых, Ильинова 2019; Кузьминых, Старцева 2025; Лиханская, Сотников 2023; Скуридина, Лиханская 2023; Скуридина, Меренкова 2025; Старцева, Кузьминых 2025]. Однако эргонимикон сферы доставки, активно формирующийся в последнее десятилетие, до настоящего времени не становился объектом специального лингвистического анализа.

Существует несколько принципов и моделей эргонимической номинации: Т.П. Романова и В.В. Стародубцева [Стародубцева 2003 : 21] в качестве основного признака используют функциональную направленность коммерческих имён: номинацию, информативность и рекламу; по структурной же модели эргонимы различаются по морфолого-синтаксической организации. При обращении к современной ономастиологии выделяются многочисленные семантические принципы номинации: антропологический, атрибутивный и др.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ эргонимикона служб доставки Воронежской области, предполагающий характеристику наименований с точки зрения их функциональной направленности, структурных особенностей и семантической специфики.

Для проведения анализа будут разобраны сорок четыре наименования служб коммерческих доставок города Воронеж: «Достависта», «Яндекс Доставка», «Пони Экспресс», «CityExpress», «Экспресс Точка Ру», «СДЕК», «Fox-Express», «POSTBURO», «Курьер Сервис Экспресс (КЭС)», «ДэлС», «РУ Доставка», «Почта России», «UTG-Express», «Экспресс-Л», «Flip POS», «Бизнес-Курьер», «ДАЙМЭКС», «КурьерЭкспрессЛогистик», «Балтийская Служба Доставки», «ЛАНКС», «София Балт», «Махом», «TIMESAVINGMACHINE», «ГАРАНТ-ПОСТ», «Zoon», «МБИ-СИТИ», «Voxberry», «DPD», «IML», «Hermes», «ПЭК», «Два колеса», «Печкин v. 3.6», «Prime доставка», «INDEX Воронеж», «dalli», «GruzBerry», «СПСР-ЭКСПРЕСС», «Транс Лидер», «Горячий Бургер», «EMC Гарантпост», «DHL экспресс», «TNT Express», «Доставка товаров из IKEA».

1. Функциональная номинация:

Т.П. Романова и В.В. Стародубцева среди эргонимов выделяют следующие группы: информативные (в названии которых сообщается сфера коммерческой деятельности) и рекламно-информативные (в которых помимо сообщения сферы деятельности формируется привлекательность образа и побуждения к покупке), рекламные (создающие узнаваемый и запоминающийся образ) и номинативные (используемые исключительно для номинации в узком смысле (только номинатив) и в широком смысле (номинатив в сочетании с функционалом), а также реальные и символические.

Среди выборки эргонимов доставки выявлен 21 информативный эргоним, это 47% из выборки, («Достависта», «Яндекс Доставка», «Бизнес-Курьер», «Курьер Сервис Экспресс (КЭС)», «РУ Доставка», «Почта России», «Бизнес-Курьер», «КурьерЭкспрессЛогистик», «Балтийская Служба Доставки», «Доставка товаров из IKEA», «CityExpress», «Fox-Express», «UTG-Express», «Экспресс-Л», «DHL экспресс», «TNT Express», «EMC Гарантпост», «Пони Экспресс», «Экспресс Точка Ру», «СПСР-ЭКСПРЕСС», «INDEX Воронеж»), если для расчётов будет браться категория горожан, понимающих либо частично переводящих с английского языка.

К сожалению, не существует данных по определенным городам, чтобы можно было на них опираться, поэтому для обоснования понимания информативных эргонимов мы возьмем статистику ВЦИОМ от октября 2025 года, где 64% респондентов не знают либо знают несколько фраз на английском языке и только 5% владеют им свободно. Это дает 36% людей, которые, опираясь на теорию, смогли бы перевести рекламный баннер с надписью, включающей слово «express», и соотнести его значение с сервисом доставки. Этот процент ниже условной половины населения города, из-за чего данные информативных эргонимов могут быть рассчитаны иначе: десять информативных эргонимов, доступных для понимания всему населению, а это всего 22%, (то есть, включающих в свое название слова «доставка» и «курьер»). Рекламно-информативных эргонимов возможно выделить только три, 6% от общего числа, – «Prime доставка», «ГАРАНТ-ПОСТ» и

«Транс Лидер», указывающих на премиальность доставки, ее надежность либо на успешность компании на рынке.

К рекламным эргонимам относятся 16 наименований, то есть, 36% от общего числа, до исключения, вероятно, непонятных клиенту англицизмов, псевдоанглицизмов и варваризмов. «Печкин v. 3.6» (рекламный эргоним, отсылающий на персонажа известного мультфильма), «Hermes» (рекламный эргоним, отсылающий на греческую мифологию), «СДЕК» (звучный аббревиатурный эргоним, который сейчас является названием успешной компании, но не работающий на восприятие потенциальных клиентов, которые ищут доставку и не знакомы с функционалом данной фирмы), «Махом» (атрибутивно-процессуальный эргоним, который без уточнения четкого назначения компании указывает на скорость действия, высока вероятность понимания значения населения через контекст), «Zoon» (эргоним-англицизм и идеофон, отсылающий на звук, который издает предмет,двигающийся очень быстро, вероятность понять назначение компании ниже, чем «Махом» из-за языкового барьера и традиционного отнесения звука «zoon» к гоночным автомобилям), «TIMESAVINGMACHINE» (рекламный эргоним, прямо указывающий на экономию времени, однако, малопонятен из-за языкового барьера и многочисленности контекстов, которые могут накладываться на данное наименование), «Два колеса» (малопонятный эргоним, несмотря на отсутствие языкового барьера, из-за обилия возможных контекстов), «GruzVery» (звучный эргоним-псевдоанглицизм); «Voxberry», «ДэлС», «DPD» «Flip POS», «ЛАНКС», «София Балт», «dalli» и «DIMEX» – группа эргонимов, которую можно выделить в категорию наименее понятных для населения ввиду отсутствия связи названия и сферы деятельности компании. После исключения латинизированных названий остается 6 рекламных эргонимов (13%), с разной степени доступности для прочтения населением, и всего три рекламных эргонима (6%), которые будут понятны по значению 100% населения.

Среди эргонимов-номинаций в узком смысле возможно выделить только «TIMESAVINGMACHINE» и «Горячий Бургер», которые слишком слабо связаны со структурой коммерческой доставки (4%), и в широком «POSTURBO» и «ГАРАНТ-ПОСТ», где помимо номинации («bug», «гарант»), присутствует уточнение деятельности («post» и «пост», англицизм и варваризм, которые так же могут вызывать проблемы понимаемости у населения), также 4% от общего числа.

Из реальных эргонимов выделяются «Пони Экспресс», «Два колеса», «Горячий Бургер» (6%), а из символических – «Fox-Express», «POSTURBO», «TIMESAVINGMACHINE», «Махом», «Hermes», «Печкин v. 3.6» (13%).

2. Структурные модели:

Эргонимы по структурным моделям подразделяются на номинативные (простые), состоящие только из номинатива, часто абстрактного или образного, сложные (полные), где указывается номинатив и функционал, усеченные (эллиптированные), в которых функционал опускается, остается только номинатив, что делает название более лаконичным и запоминающимся, композитные из сочетания нескольких корней или слов и аббревиатурные модели.

К номинативным можно отнести «Махом», «Zoon», «dalli», «Hermes», «Два колеса», «Горячий Бургер», «Достависта», «ЛАНКС» (18%).

К полным эргонимам относятся «Яндекс Доставка», «Пони Экспресс», «Почта России», «Балтийская Служба Доставки», «Курьер Сервис Экспресс (КЭС)», «Prime доставка», «INDEX Воронеж», «Доставка товаров из IKEA» (18%).

Сложные композитные эргонимы: дефисное написание: «Бизнес-Курьер», «Экспресс-Л», «UTG-Express», «Fox-Express», «ГАРАНТ-ПОСТ», «СПСР-ЭКСПРЕСС», «МБИ-СИТИ» (30% от числа сложнокомпозиционных эргонимов); слияние слов: «CityExpress», «TIMESAVINGMACHINE», «КурьерЭкспрессЛогистик», «Voxberry», «GruzVery» (21%); сочетание слов и их частей: «Транс Лидер», «Экспресс Точка Ру», «София Балт», «РУ Доставка» (17%); сложение корней: «POSTBURO» (4%); гибридное сочетание: «Flip POS», «EMC Гарантпост», «DHL экспресс»,

«TNT Express», «Печкин v. 3.6» (21%); сложносокращенные слова (смешанный тип): «ДэлС» (4%). 52% от общего числа – абсолютное большинство.

И к аббревиатурным структурным моделям можно отнести «DIMEX», «CDEK», «DPD», «IML», «ПЭК», а также «Курьер Сервис Экспресс (КЭС)», если учитывать его официальную аббревиатуру (13%).

Эллиптированных эргонимов в списке воронежских коммерческих доставок нет.

3. Семантическая номинация:

Семантические принципы номинации можно выделить следующие: антропологический, включающий отсубъектные и отадресатные наименования; онимы, связанные с деятельностью человека, событиями его жизни; а также основанные на прецедентных феноменах; атрибутивный, отражающий свойства и признаки объекта номинации, ассортимент предлагаемых товаров и т.д.; процессуальный, содержащий указание на функции объекта, род деятельности предприятия; локативный, описывающий особенности расположения предприятия, в том числе и по отношению к другим объектам. Локативный принцип отражается и в использовании при номинации названий других географических объектов: хоронимов (собственных имен территорий, стран, областей, районов), ойконимов (названий населенных пунктов), астионимов (наименований городов), урбонимов (имен объектов городского пространства), оронимов (названий гор), гидронимов (названий водных объектов) и прочих наименований; природный – наименования, в основу которых положены названия явлений и объектов живой и неживой природы (зоонимы, фитонимы, астронимы и др).

К антропологическим эргонимам можно отнести «CityExpress», «Бизнес-Курьер», «София Балт», «Hermes», «Два колеса», «Горячий Бургер», «МБИ-СИТИ», «Печкин v. 3.6» (18%).

К атрибутивным эргонимам можно отнести «Махом», «TIMESAVINGMACHINE», «ГАРАНТ-ПОСТ», «EMC Гарантпост», «Транс Лидер», «GruzBery», «Zoon» (15%).

К процессуальным эргонимам «POSTBURO», «Достависта», «Яндекс Доставка», «Экспресс Точка Ру», «CDEK», «КурьерЭкспрессЛогистик», «ДАЙМЭКС», «СПСР-ЭКСПРЕСС», «DHL экспресс», «TNT Express», «INDEX Воронеж», «Доставка товаров из IKEA», «Prime доставка», «UTG-Express», «ГАРАНТ-ПОСТ» (из-за композитного названия может относиться и к этой категории), «Экспресс-Л», «EMC Гарантпост» (также из-за композитности названия), «ПЭК», «Flip POS», «ДэлС», «Voxberry», «DPD», «IML» (52%).

К локативным эргонимам можно отнести «РУ Доставка», «Почта России», «Балтийская Служба Доставки», «INDEX Воронеж» (также в двух категориях из-за композитности названия) (9%).

К природным эргонимам можно отнести «Пони Экспресс», «Fox-Express», «Курьер Сервис Экспресс (КЭС)», «Voxberry» (относится и к природным в том числе из-за композитности названия) (9%).

Эргонимы «ЛАНКС» и «dalli» не имеют возможности расшифровки, а потому не имеют возможности отнесения к семантической номинации.

К вышеперечисленным принципам семантической номинации возможно добавить метафорический (символический), опирающийся на образность («Два колеса», «Транс Лидер», «TIMESAVINGMACHINE», «Махом», «Печкин v. 3.6») (11%); англоязычный (интернациональный), ориентирующийся на глобальность («CityExpress», «Hermes», «МБИ-СИТИ», «TIMESAVINGMACHINE», «GruzBery», «Zoon», «POSTBURO», «CDEK», «DHL экспресс», «TNT Express», «INDEX Воронеж», «Prime доставка», «UTG-Express», «Flip POS», «Voxberry», «DPD», «IML», «Fox-Express», «Voxberry», «dalli») (45%); гибридный («ГАРАНТ-ПОСТ», «INDEX Воронеж», «Voxberry» «EMC Гарантпост») (9%).

В результате анализа на основе общей выборки можно сделать такие выводы: большая часть эргонимов доставки в Воронеже является информативными, а если судить по структурной модели, то большую часть составляют сложные композитные эргонимы. Больше половины эргонимов, являющихся о роде деятельности компании в названии, – процессуальные. Несмотря на неосвоен-

ность английского языка среди большинства городского населения, преобладает латинизация названий, что может приводить к коммуникативному сбою и малому количеству клиентской базы из-за отсутствия учета культурного кода и графических актуализаторов у абсолютного большинства представленных коммерческих сервисов доставки.

Библиографический список

1. Ковалев Г.Ф. Имя собственное как прецедент в рекламе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004. №1. С. 209-214.
2. Кузьминых Е.О., Ильинова Т.А. Специфика использования прецедентных мифонимов «Зевс» и «Юпитер» в названиях групп сети «ВКонтакте» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 3 (34). С. 43-54.
3. Кузьминых Е.О., Старцева Е.Д. Эргонимы спортивной сферы г. Воронежа и Воронежской области // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 2 (57). С. 27-35.
4. Лиханская Ю.Е., Сотников А.М. Эргонимы клубов боевых единоборств // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы IV Международной научной конференции. Отв. редактор С.А. Скуридина. Воронеж, 2023. С. 234-237.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Наука, 1988.198 с.
6. Скуридина С.А., Лиханская Ю.Е. Гармония души и тела: специфика эргонимов танцевальной индустрии города Воронежа // Дух, душа и тело в мировой культуре. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2023. С. 93-97.
7. Скуридина С.А., Меренкова О.В. Специфика использования прецедентных онимов в социальной сети «ВКонтакте» (на примере антропонима *Раскольников*) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. №57.2. С. 198-209.
8. Стародубцева В. В. Номинация внутригородских предприятий и учреждений в современном русском языке: На материале ойкодомонимов г. Ульяновска: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.В. Стародубцева. М., 2003. 217 с.
9. Старцева Е.Д., Кузьминых Е.О. Прецедентные имена в эргонимии спортивных заведений г. Воронежа // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции. Воронеж, 2025. С. 156-160.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шиловских Валерия Константиновна,
учитель иностранных языков,
МБОУ «Средняя общеобразовательная
школа №99», магистрант 1 курса на-
правления «Филология» Воронежского
государственного университета,
e-mail: valeriya.shilovskih@inbox.ru

Shilovskikh Valeria Konstantinovna,
Teacher of foreign languages,
MBOU Secondary school №99,
1st year master's student of the direction
"Philology" (profile "Slavic languages")
Voronezh State University,
e-mail: valeriya.shilovskih@inbox.ru

УДК 81'373.21

Т.В. Гроховская

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

(Тамбов, Россия)

e-mail: grohovskaya@tsutmb.ru

ЭРГОНИМЫ Г. ТАМБОВА КАК РЕСУРС СОХРАНЕНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье исследуется роль эргонимов (собственных имён деловых объединений и предприятий) как маркеров локальной идентичности в условиях глобализации городского пространства. На материале эргонимии города Тамбова демонстрируется, как коммерческие наименования превращаются в семиотические конструкты, транслирующие историко-культурную память сообщества. Автор статьи анализирует ключевые семантические стратегии, используемые в эргонимии: топонимическую референцию, апелляцию к региональным символам, гидронимические отсылки, микропонимику, урбанонию, антропонимику, ретроэлементы и культурно-символические аллюзии. Показано, что эргонимы выполняют не только номинативную и рекламную функции, но и мемориальную, идентификационную, этнолингвистическую, сохраняя краеведческую информацию и формируя коллективное самосознание. Особое внимание уделяется механизмам встраивания локальных кодов в коммерческий дискурс: от прямой географической маркировки до сложной символической трансформации образов. Подчёркивается, что успешность городских номинаций обусловлена их многоплановостью – они работают на разных уровнях восприятия, вызывая эмоциональные реакции. Делается вывод, что эргонимия Тамбова представляет собой динамичную семиотическую систему, противостоящую обезличивающей глобализации и способствующую сохранению регионального своеобразия. Исследование подтверждает тезис о «языке города» как живом культурном тексте, где каждое коммерческое название становится страницей коллективной памяти.

Ключевые слова: эргоним, локальная идентичность, городской ономастикон, лингвистический ландшафт, язык города.

T.V. Grokhovskaya

Derzhavin Tambov State University

(Tambov, Russia)

e-mail: grohovskaya@tsutmb.ru

ERGONYMS OF TAMBOV AS A RESOURCE FOR PRESERVING LOCAL IDENTITY

This article explores the role of ergonyms (proper names of business associations and enterprises) as markers of local identity in the context of globalized urban space. Using the ergonymy of the city of Tambov as a case study, it demonstrates how commercial names are transformed into semiotic constructs that convey the historical and cultural memory of a community. The author analyzes key semantic strategies used in ergonymy: toponymic reference, appeal to regional symbols, hydronymic references, microtoponymy, urbanonymy, anthroponymy, retroelements, and cultural and symbolic allusions. It is shown that ergonyms perform not only nominative and advertising functions but also memorial, identification, and ethnolinguistic ones, preserving local history information and shaping collective identity. Particular attention is paid to the mechanisms by which local codes are integrated into commercial discourse: from direct geographic markings to complex symbolic transformations of images. It is emphasized that the success of city designations is due to their multifaceted nature – they operate at different levels of perception, evoking emotional responses. It is concluded that Tambov's ergonyms represent a dynamic semiotic system that resists depersonalizing globalization and promotes the preservation of regional identity. The study confirms the thesis of the "language of the city" as a living cultural text, where each commercial name becomes a page in collective memory.

Key words: ergonym, local identity, urban onomasticon, linguistic landscape, city language.

В условиях глобализации и унификации культурного пространства, когда урбанистические ландшафты все чаще подвергаются воздействию транснациональных брендов и стандартизированных номинаций, эргонимы – «собственные имена делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1978 : 166] – приобретают особую значимость как маркеры ло-

кальной идентичности. Понятие локальной идентичности в ономастической парадигме раскрывается через призму топонимического ландшафта, где эргонимы выступают не просто утилитарными знаками, а семиотическими конструктами, транслирующими историко-культурную память сообщества, поскольку именно в коммерческих наименованиях, ориентированных на массового потребителя, наиболее ярко проявляется тенденция к апелляции к локальным мифологемам и краеведческим нарративам [Суперанская 1973].

В исследовании И.А. Королевой подчеркивается, что эргонимы несут в себе информационную и рекламную функции, при этом их номинация часто связана с творческими процессами и отражает исторический и социальный контекст [Королева 2025]. Это двойственное положение между коммерческой целесообразностью и культурной репрезентацией делает эргонимы уникальным объектом исследования, поскольку в них находят отражение как универсальные законы рыночной номинации, так и специфические черты регионального самосознания.

В современной лингвистической науке наблюдается устойчивый рост интереса к исследованию языковых процессов, отражающих социально-экономические изменения в обществе. В этом контексте особое внимание учёных привлекает феномен «языка города» – специфической языковой подсистемы, которая складывается из совокупности кодифицированных языковых средств, регулярно применяемых городским языковым коллективом в повседневной коммуникативной практике. Иными словами, язык города предстаёт как особая форма языкового существования, где отбор и использование языковых единиц обусловлены не только нормами литературного языка, но и локальными коммуникативными потребностями, социокультурными установками и историческими традициями городского сообщества. Как отмечает Г. В. Колшанский, «сущность номинации заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека, абстракцию, отображающую диалектическое противоречие единичного и общего реальных предметов и вещей» [Колшанский 1976 : 12].

Анализ эргонимов Тамбова демонстрирует, что локальная идентичность репрезентируется через ряд устойчивых семантических стратегий, каждая из которых выполняет определённую функцию в формировании городского лингвистического ландшафта.

Одной из наиболее распространённых практик является использование топонимических реминисценций. В эргонимии Тамбова отчётливо прослеживается устойчивая тенденция к топонимической референции, выражающаяся в активном включении географических наименований в коммерческие номинации. Данная особенность отражает стремление бизнеса апеллировать к локальной идентичности и формировать у потребителей ассоциации с региональной принадлежностью продукции. Так, эргонимы «Тамбовчанка» «Тамбовский пивовар», «Тамбовская краля» и «Тамбовский бекон» демонстрируют различные модели топонимического встраивания. Особую линию в этом ряду образует группа эргонимов, восходящих к устойчивому региональному символу – образу «Тамбовского волка». Этот эргоним опирается на широко известный локальный миф и фразеологизм, прочно укоренившийся в народной культуре. Его семантика сочетает отсылку к региональной идентичности, фольклорную глубину, современную узнаваемость, позволяющую использовать его в коммерческих целях [Бурыкин 2016].

На базе исходного образа сформировались производные номинации, расширяющие его семантическое поле [Дзюба 2022 : 508]. Например, баня «Серый волк» – вариация с добавлением колористической характеристики, усиливающей визуальную ассоциативность и создающей более «сказочный» оттенок значения. Магазин «Волчок» – уменьшительно-ласкательная форма, которая смягчает образ, придавая ему дружелюбную, приближённую к потребителю интонацию. Военно-спортивный центр «Волк» – актуализация символического

потенциала зооморфного образа: волк здесь выступает как знак силы, выносливости, сплочённости, что полностью соответствует профилю учреждения.

Сходную культурно-семиотическую функцию выполняют эргонимы, опирающиеся на гидронимическую традицию региона. Названия «Цна» и «Студенец» не ограничиваются простой географической маркировкой – они активизируют комплекс культурно-исторических ассоциаций, связанных с реками, сыгравшими ключевую роль в становлении Тамбова. Данные эргонимы воспроизводят историческую память о природных ориентирах, определявших планировку и развитие города, поддерживают идентифицирующую функцию, связывая предприятие с узнаваемыми элементами местного ландшафта и формируют семиотическую связность городского пространства, где коммерческие названия становятся носителями краеведческой информации.

В эргонимии Тамбова значимое место занимают номинации, отсылающие к микротопонимам – неофициальным или полуофициальным названиям локальных городских объектов, хорошо известным жителям. Такие эргонимы выполняют функцию пространственной привязки и одновременно актуализируют «память места», встраивая коммерческие объекты в устоявшийся когнитивный ландшафт города. Показательными примерами служат эргонимы «Динамо», «Кристалл», «Магистраль», «У кривого моста». Такие эргонимы, мотивированные микротопонимами, выступают важным инструментом сохранения локальной идентичности, фиксируя не только географическую привязку, но и культурно-исторические коннотации, присущие конкретному городскому локусу.

Также в эргонимии Тамбова отчётливо проявляется тенденция к урбанонимическим реминисценциям – сознательному использованию в коммерческих наименованиях элементов городской топонимической системы (названий улиц, площадей, исторических кварталов и иных урбанонимов). Подобные номинации выполняют функцию пространственной и культурной привязки, встраивая предприятие в узнаваемый горожанами топонимический контекст. Характерными примерами служат гостиница «Успенская» – отсылает к Успенской площади (историческое название части современной площади Ленина), актуализируя память о дореволюционном топонимическом ландшафте города; продуктовый магазин «На Сенько» – фиксирует в названии современную урбаноним (улица Сенько), превращая адресную привязку в бренд; столовая «На Студенецкой» – опирается на название улицы Студенецкой, встраиваясь в локальный топонимический код и формируя у горожан чёткую пространственную ассоциацию. Подобные номинации способствуют формированию целостного лингвистического ландшафта, где коммерческие наименования становятся инструментами сохранения топонимической памяти сообщества.

Другой значимой стратегией является включение в эргонимы антропонимов, связанных с историей региона. Так, гостиница «Державинская», музейный комплекс «Усадьба Асеевых», торговый центр «Домъ купца Аносова» отсылают к именам выдающихся деятелей, прославивших Тамбовский край, тем самым формируя культурно-исторический код городского пространства. Такие эргонимы не просто идентифицируют объект, но и создают нарратив о «великих предках», способствуя укреплению локальной гордости.

Особую группу составляют эргонимы-антропонимы, использующие фамилии современных тамбовских предпринимателей («Жуников», «Максимов», «Емельянов», «Семейное производство Дорофеевых»), что отражает тенденцию к персонализации бизнеса и одновременно вписывает частные имена в городской ономастикон. Этот феномен демонстрирует двунаправленный характер номинации: с одной стороны, фамилия владельца выступает гарантом ответственности и качества, формируя доверие потребителя через апелляцию к личной репутации; с другой – превращает частное имя в элемент городского языкового ландшафта, обогащая его новыми смысловыми пластами.

В ряде случаев эргонимы Тамбова включают ретроэлементы – лексические и структурные компоненты, отсылающие к дореволюционной или советской торгово-бытовой тради-

ции, что придаёт наименованиям экспрессивность и усиливает их локальную специфику. Подобные номинации конструируют образ «историчности», создавая у потребителя ассоциации с утраченными формами городской повседневности [Прокофьева 2014]. Характерные примеры – торговые учреждения «*Восточная лавка*», «*Сытный базар*», «*Моршанский купец*», кафе «*Барин*», ресторан «*Наместник*». Эти эргонимы воспроизводят архаичные типы заведений (лавка, базар) и используют социально-статусные номинации (барин, наместник, купец), актуализирующие исторические роли. Подобные номинации выполняют этнолингвистическую функцию, сохраняя реликты народной речи и транслируя их новым поколениям.

Поскольку Тамбовщина традиционно ассоциируется с сельским хозяйством, в эргонимии широко представлены номинации, отсылающие к этому: пекарни «*Хлебушки*», «*Хлебница*», «*Булки*», «*Хлебный дом*», «*Плюшка&Ватрушка*», пиццерия «*Мука*», кофейня «*ПроЗёрна*». Такие эргонимы формируют экономический образ региона, подчёркивая его аграрную идентичность.

Особую группу эргонимов составляют номинации с культурно-символическими аллюзиями, которые выстраивают смысловые связи с различными пластами культурной памяти – от фольклора до массовой культуры. Такие наименования функционируют как семиотические «мостики» между современным городским пространством и устойчивыми культурными кодами, что позволяет им выполнять не только номинативную, но и символическую функцию. Так, кафе «*Чебурашка*» актуализирует образ популярного мультипликационного героя, вызывая тёплые ностальгические ассоциации у широкой аудитории, а закусочная «*Три пескря*» обыгрывает название заведения, в котором побывал Буратино, создавая игривый, узнаваемый образ. Сюда же относятся эргонимы, включающие литературные и кинематографические прецеденты, для которых характерно требование определённой культурной компетенции от целевой аудитории: ресторан «*Кавказская пленница*», бар «*Карамазовъ*», паб «*Горький*».

Проведённый анализ эргонимии Тамбова позволяет сделать вывод о ключевой роли коммерческих наименований в конструировании и поддержании локальной идентичности в условиях глобализации. В эпоху унификации городского пространства и экспансии транснациональных брендов эргонимы выступают как действенный инструмент сохранения региональной самобытности, превращаясь из утилитарных знаков в семиотические маркеры культурно-исторической памяти сообщества. Приведённые примеры эргонимов подтверждают тезис о том, что язык города – не просто совокупность номинативных единиц, а живой культурный текст, в котором каждое коммерческое название становится страницей коллективной памяти и средством сохранения регионального своеобразия.

Библиографический список

1. Бурыкин А.А. Тамбовский волк. К проблеме истории фразеологического сочетания и региолектного идентифицирующего символа // *Неофилология*. 2016. № 2. С. 86-92.
2. Дзюба М.С. Тамбовские эргонимы, восходящие к слову «волк» // *Неофилология*. 2022. Т.8. № 3. С. 507-511.
3. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // *Принципы и методы семантических исследований: монография / под ред. В. Н. Ярцевой*. М.: Наука, 1976. С. 5-31.
4. Королева И.А. Эргонимы в структуре ономастического пространства современного города // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология*. 2025. №4. С. 51-55.
5. Подольская Н.В. *Словарь русской ономастической терминологии*. М.: Наука, 1978. 199 с.

6. Прокофьева Т.О. Ретро элементы в эргонимии современного провинциального города: фрагмент ономастической картины Тамбова // Вестник ТГУ. 2014. №12 (140). С. 244-248
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 2007. 367 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гроховская Татьяна Васильевна,
Аспирант 1 года обучения кафедры русского
языка, русской и зарубежной литературы
ТГУ им. Г.Р. Державина,
SPIN-код: 3623-5444,
e-mail: grohovskaya@tsutmb.ru

Grokhovskaya Tatyana Vasilevna,
First-year postgraduate student at Derzhavin
Tambov State University, Department of Rus-
sian Language, Russian and Foreign Literature,
SPIN-код: 3623-5444,
e-mail: grohovskaya@tsutmb.ru

УДК 81

А.С. Королёва

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: mewithhoney@yandex.ru

ЗАГЛАВИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА В КИНОАДАПТАЦИИ

Статья посвящена анализу заглавия как важнейшего интерпретационного элемента в современных российских киноадаптациях классической литературы. Материалом исследования выступают фильмы «Онегин» (2024) и «Семейное счастье» (2025), созданные по произведениям А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого. В работе сопоставляются названия литературных первоисточников и их экранных версий, что позволяет выявить особенности смыслового переноса при адаптации текста в медиасреду. Особое внимание уделяется тому, как редукция или сохранение заглавия влияет на восприятие произведения, смещает интерпретационные акценты и задаёт зрителю определённую модель чтения фильма. Показано, что в одном случае название концентрирует внимание на персонаже и его внутренней драме, в другом – на эмоционально-ценностной доминанте повествования. Анализ демонстрирует, что заглавие киноадаптации не является лишь формальным обозначением, а функционирует как самостоятельный смысловой ориентир, который соотносится с первоисточником, но одновременно переосмысливает его в контексте современного кинематографа. Делается вывод о медиаторской роли заглавия, формирующего диалог между классическим текстом и его экранной интерпретацией.

Ключевые слова: заглавие, киноадаптация, интерпретация, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, медиаторская роль, современный кинематограф.

A.S. Koroleva

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: mewithhoney@yandex.ru

TITLE AS A TOOL FOR INTERPRETING TEXT IN FILM ADAPTATIONS

The article examines the title as a key interpretative element in contemporary Russian film adaptations of classical literature. The study focuses on the films *Onegin* (2024) and *Family Happiness* (2025), based on works by A. S. Pushkin and L. N. Tolstoy. By comparing the titles of the literary sources with those of their screen versions, the article identifies how meaning is transformed when a text is adapted for cinema. Particular attention is paid to the ways in which the reduction or preservation of a title shapes viewers' expectations, shifts interpretative emphasis, and establishes a framework for understanding the film. In one case, the title foregrounds the central character and his inner conflict; in the other, it highlights the emotional and axiological core of the narrative. The analysis shows that the title of a film adaptation functions not merely as a label but as an independent semantic guide that both refers to the source text and reinterprets it within a contemporary cinematic context. The article concludes that the title serves as a mediator between the literary original and the film, influencing how classical works are perceived by modern audiences.

Keywords: title, film adaptation, interpretation, A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, mediating function, contemporary cinema

Заглавие художественного произведения является одним из ключевых инструментов, формирующих восприятие текста и интерпретацию его смысла. Оно выполняет не только идентификационную функцию, но и задаёт читателю первичную смысловую рамку, определяет направление интерпретации и формирует ожидания относительно содержания произведения. В современной филологии заглавие рассматривается как сложный структурно-семантический элемент текста, который одновременно связан и с внутренней организацией произведения, и с его восприятием читателем.

Ю.М. Лотман подчёркивал, что отношения между заглавием и текстом носят многослойный характер и могут быть осмыслены как взаимодействие текста и метатекста. Исследователь отмечал: «С одной стороны, они могут рассматриваться как два самостоятельных текста, расположенных на разных уровнях иерархии «текст – метатекст». С другой, – они могут рассматриваться как два подтекста единого текста. Заглавие может относиться к обозначаемому им тексту по принципу метафоры и метонимии. Оно может быть реализовано с помощью слов первичного метатекста, или с помощью слов метаязыка и проч. В результате между заглавием и обозначаемым им текстом возникают смысловые токи, порождающие новое сообщение» [Лотман 1992 : 132]. Заглавие выступает не только номинативным элементом, но и активным участником смыслообразования, способным вступать в сложные отношения с текстом произведения и формировать дополнительные интерпретационные смыслы.

В отечественной традиции исследование заглавия как самостоятельного компонента художественного текста связано с представлением о его многофункциональности. М.В. Загидулина отмечает, что «заглавие можно рассмотреть как сложный многофункциональный элемент художественного текста: «Сложность порождается двойственностью «обращенности» заглавия: одновременно «во вне» (к читателю) и «внутри» (к тексту, который оно обозначает). Именно поэтому заглавие оказывается «перспективно» (оно предвещает наше знание о тексте, «обещает» текст) и «ретроспективно» (по окончании чтения читатель возвращается к заглавию, осмысляя его только теперь в совокупности тех смыслов, что заложены в нем автором) [цит. по С.А. Скуридина, А.В. Хрупин 2017 : 47-48]». Данная двойственная направленность позволяет рассматривать заглавие как элемент, который не только предвещает чтение, но и переосмысливается после него, приобретая новые оттенки смысла.

С.Д. Кржижановский, анализируя природу заглавия, подчеркивал его концентрирующую функцию: «Десяток-другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста, принято называть заглавием. Слова на обложке не могут не общаться с словами, спрятанными под обложку. Мало того: заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно, в параллель обложке, облегает текст и смысл, – вправе выдавать себя за главное книги». Развивая эту мысль, исследователь предлагал рассматривать заглавие как сжатую модель произведения: «Как завязь, в процессе роста, разворачивается постепенно – множащимися и длиннющимися листьями, так и заглавие лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга или: «Заглавие – книга *in restricto*; книга – заглавие *in extenso*» [Кржижановский 1931 : 3].

Тем самым заглавие понимается как концентрат смысла, который разворачивается в процессе чтения и соотносится с целостной структурой произведения. С.Д. Кржижановский также предлагал особый критерий оценки точности заглавия: «Проверка заглавия должна производиться так: определив, путем вчитывания и вчувствования в книгу, ее главное, сравнить его с заглавным словосочетанием: или сосмыслены или несосмыслены, или совпадут или не совпадут. И только в случаях коинцидентности знаков и значимостей микро-книги и макро-книги можно признать заглавие, в главном, найдено [Кржижановский 1931 : 4]». Заглавие выступает как смысловой концентрат текста и одновременно как критерий его интерпретации.

Современные исследования также подчеркивают ключевую роль названия в восприятии художественного произведения. С.А. Скуридина и А.В. Хрупин отмечают: «Название – это смысловая квинтэссенция текста, поэтому часто может рассматриваться как своеобразный ключ к его пониманию. Графическое оформление привлекает внимание читателя к заголовку и воспринимается читателями как наиболее заметная часть художественного произведения» [цит. по С.А. Скуридина, А.В. Хрупин 2017 : 47-48]. Это

положение особенно важно при анализе экранизаций, где заглавие становится медиатором между литературным текстом и визуальной интерпретацией, формируя ожидания зрителя и задавая направление восприятия фильма.

Таким образом, анализ заглавий художественных произведений и их экранных интерпретаций требует комплексного подхода, включающего:

- 1) литературоведческий анализ оригинального текста;
- 2) анализ заглавия как самостоятельного смыслового элемента;
- 3) рассмотрение заглавия в медиапространстве и его роли в формировании зрительского восприятия.

Такой подход позволяет выявить, как заглавие функционирует в системе художественного текста и каким образом оно влияет на интерпретацию произведения, формируя у читателя и зрителя целостное представление о его смысле и образной структуре.

Анализ редукции заглавия фильма «Онегин» (2024) требует обращения к значению полного имени главного героя романа А.С. Пушкина. В пушкинском тексте название «Евгений Онегин» выступает не только номинативным обозначением персонажа, но и важным смысловым элементом художественной структуры. Уже в заглавии соединяются два уровня идентификации – индивидуальный (личное имя) и родовой или типологический (фамилия), что задаёт комплексную интерпретационную рамку. Теория заглавия подчёркивает, что название произведения формирует первичную интерпретационную установку. Ж. Женетт в монографии «Seulis» («Пороги», 1987) говорит о том, что заглавие – есть некий порог произведения, через который читатель вступает в текст [Фрагмент перевода книги Ж. Женнета «Пороги» Н.С. Автономовой 2024 : электронный ресурс]. Этот «порог» определяет режим восприятия и задаёт направление интерпретации. Изменение заглавия, следовательно, означает изменение этого порога. С.Д. Кржижановский говорил о заглавии как о «свёрнутом тексте» [Кржижановский 1931 : 5]. В случае экранизации исчезновение имени «Евгений» ведёт к смещению акцентов.

С точки зрения ономастики подобная редукция означает переход от говорящего значения имени к нейтральному обозначению. Удаление имени из заглавия приводит к ослаблению этого смыслового уровня.

Можно считать, что заглавие – это первый знак текста, с которым сталкивается читатель, и уже этот знак включает произведение в определённую систему культурных ожиданий. Данное положение позволяет рассматривать полное имя героя как структурный компонент, который начинает работать ещё до развёртывания повествования.

В романе А.С. Пушкина имя *Евгений* несёт определённую культурно-историческую семантику. По данным антропонимических исследований, имя восходит к греческому *Eugenios* и означает «благородный», «знатный» [Суперанская 2005 : 107]. Автор словаря также отмечает, что имена собственные являются частью языка, демонстрирующей «наиболее парадоксальные ситуации, анализ которых должен способствовать возникновению новых, более углубленных общелингвистических концепций [Суперанская 1973 : 5]».

Имя в художественной литературе обладает спецификой по сравнению с языком и нехудожественной речью: эта специфика касается значения и функционирования имени. По мнению Г.О. Винокура, имена в литературе необходимо считать «особым модусом ономастической действительности» [Винокур 1959 : 245].

В данном случае уже на уровне имени задаётся аксиологический ориентир: читатель получает сигнал о принадлежности героя к определённому культурному и социальному типу. Однако в структуре романа значение имени функционирует не как прямое указание на нравственные качества героя, а как проблемный ориентир. А.С. Пушкин выстраивает сложное соотношение между семантикой имени и поведением персонажа. Евгений принадлежит к дворянской среде, но его поступки демонстрируют внутренний разрыв между

культурным идеалом благородства и реальным нравственным выбором. Отказ Татьяне, участие в дуэли, позднее раскаяние – всё это свидетельствует о несоответствии между номинативной программой имени и фактическим поведением героя. В этом контексте имя становится своеобразным критерием оценки: оно задаёт норму, относительно которой воспринимаются действия персонажа.

Фамилия *Онегин* также имеет значение, но иного рода. Она указывает на принадлежность героя к определённому социальному кругу и одновременно функционирует как знак типичности. В литературе XIX века фамилия часто служила обозначением социального типа или характерологической модели. Соединение имени и фамилии в заглавии романа создаёт сложную систему координат: герой воспринимается и как индивидуальность, и как представитель определённого культурного слоя. Говоря о выборе именования героя, Э. Б. Магазаник отмечал: «Когда Пушкин нарекал своего героя, он заботился, по-видимому, только о благозвучии и, так сказать, аристократическом тоне фамилии» [Магазаник 1978: 75]. Выходит, что фамилия в художественном тексте выполняет не только номинативную, но и стилистическую функцию. Благозвучие и «аристократический тон» фамилии создают определённый культурный фон восприятия персонажа и заранее включают героя в пространство дворянской культуры, что важно для понимания его социального и ценностного статуса.

Другие исследователи обращают внимание не только на социально-стилистическую функцию фамилии, но и на её звуковую выразительность. По наблюдению Г. Ф. Ковалёва, Пушкин мог быть поражён своеобразной звукописью фамилии *Онегин*, которая органично сочетается с именем героя и формирует особый фонетический образ персонажа. Такое фонетическое единство имени и фамилии усиливает художественную выразительность антропонима и делает его частью поэтической структуры произведения [Ковалёв 2012 : 70]. В связи с этим показательно мнение А. М. Зотова, сближавшего звучание имени и фамилии героя и сопоставлявшего их с апеллятивами: «Имя Евгений легко рифмуется в пушкинском романе со словом гений [Зотов 2004 : 18]:

Всего, что знал Евгений,
Пересказать мне недосуг,
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук...
Была наука страсти нежной...

В данном контексте сближены, соотнесены различные составляющие метафорического имени героя: Евгений – “гений”; *Онегин* – “нежной”...» [Зотов 2004 : 18]. Подобная звуковая и смысловая корреляция показывает, что имя героя функционирует не только как обозначение персонажа, но и как элемент художественной семантики текста. Через систему рифм и фонетических ассоциаций имя вступает в поэтический контекст романа, формируя дополнительный смысловой уровень интерпретации образа.

Имя персонажа в художественном тексте также включено в систему ценностных отношений и участвует в формировании образа героя. Изменение имени или его отсутствие способно повлиять на эту систему. Не случайно подбор имен в литературном произведении рассматривается как целенаправленный процесс, служащий воплощению авторского замысла: по наблюдению Ю. Н. Тынянова, «каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое оно способно» [Тынянов 1929 : 27]. В случае экранизации редукция заглавия приводит к изменению ценностной перспективы: образ героя становится менее связанным с культурной моделью благородства и более ориентированным на психологическую интерпретацию.

Имя литературного персонажа может выполнять функцию художественного обобщения, соединяя индивидуальное и типическое. Полное имя «Евгений Онегин» как раз реализует такую функцию. Имя задаёт индивидуальность, фамилия – типологическую перспективу. Вместе они формируют сложный образ героя, в котором личное и социальное находятся в постоянном взаимодействии.

Сокращение заглавия в экранизации до фамилии *Онегин* приводит к изменению этой системы. Исключение имени *Евгений* устраняет один из ключевых смысловых уровней. Имя, обладающее прозрачной семантикой, исчезает из заглавия, и остаётся только фамилия, которая функционирует преимущественно как обозначение персонажа. В результате меняется исходная точка восприятия образа. Герой представлен прежде всего как человек, переживающий внутренний кризис, эмоциональную изоляцию и чувство утраты ценности, смысла и сути жизни. Семантическая программа имени, связанная с идеей благородства, оказывается на втором плане.

Такое смещение соответствует общей стратегии современной киноадаптации, ориентированной на психологизацию повествования. Если в романе имя *Евгений* постоянно соотносится с вопросом о соответствии героя культурному идеалу, то в фильме внимание сосредоточено на его внутреннем состоянии. Фамилия *Онегин* в заглавии функционирует как знак персонажа, но не задаёт дополнительной аксиологической рамки.

Редукция заглавия влияет и на соотношение индивидуального и типического. Полное имя соединяет личностный и социальный уровни. В фильме же фамилия становится главным маркером героя, что усиливает его символический статус. Онегин воспринимается как универсальный тип человека, переживающего кризис идентичности, а не как конкретный представитель дворянской культуры с определённой нравственной программой.

Таким образом, сокращение заглавия в фильме до фамилии *Онегин* не является чисто формальным. Оно изменяет аксиологическую структуру образа героя и влияет на интерпретацию произведения. В романе имя «Евгений» задаёт нормативный ориентир и вступает в сложный диалог с поступками персонажа. В фильме этот уровень ослаблен: заглавие фиксирует героя как центр психологического повествования, но не акцентирует его связь с культурной моделью «благородного» героя.

Следовательно, редукция заглавия выступает важным интерпретационным жестом адаптации. Она формирует иную рамку восприятия: история воспринимается прежде всего как личная драма человека, а не как анализ несоответствия между благородным статусом и нравственным выбором. Изменение названия становится значимым элементом экранной интерпретации и влияет на понимание образа Онегина и общей концепции фильма.

Противоположную стратегию по отношению к редукции заглавия демонстрирует фильм «Семейное счастье» (2025 г., режиссёр С. Толстая), где название литературного первоисточника сохранено без изменений. Такое решение не сводится к формальному следованию тексту-оригиналу, а выполняет важную интерпретационную функцию: оно поддерживает философскую и аксиологическую целостность произведения Л. Н. Толстого. В романе «Семейное счастье» заглавие выступает смысловым центром, концентрирующим проблематику текста и задающим направление читательской интерпретации. Перенос этого заглавия в кинематографическую версию сохраняет концептуальную рамку произведения и формирует у зрителя определённый режим восприятия. Фильм воспринимается не только как история конкретных персонажей, но как размышление о природе семейных отношений, о динамике чувства и о возможности гармонии в длительном браке.

Интенция самого Л. Н. Толстого к изображению процесса любви в браке была отмечена современниками уже в период работы над романом. В письме Ивана Тургенева к Василию Боткину, где обсуждался замысел произведения, подчёркивалось: «Намерение его было представить процесс любви в браке, начинающейся романтическими стремлениями и оканчивающейся любовью к детям. Я заметил ему, что потому-то он так и холоден, что занимается одной отвлечённостью, общностью» [Отец. Жизнь Л. Н. Толстого : электронный

ресурс]. Эта реплика фиксирует важнейшую особенность толстовского замысла – «семейное счастье» мыслится не как момент гармонии, а как длительный и противоречивый процесс, проходящий через стадии романтической любви, разочарования и переосмысления ценностей.

Именно такая процессуальность делает заглавие романа концептуальным. Оно обозначает не итог, а проблемное поле, внутри которого разворачивается история. Сохранение заглавия в экранизации тем самым удерживает исходную философскую рамку. Зритель воспринимает происходящее как исследование эволюции чувства, а не как замкнутый сюжет о частной семейной истории. Цитата из переписки И.С. Тургенева и В. Боткина подтверждает, что уже современники Л.Н. Толстого видели в тексте попытку художественно осмыслить динамику любви в браке и её трансформацию в более устойчивую форму привязанности. Это наблюдение важно для интерпретации и кинематографической версии сохранения заглавия «Семейное счастье» фиксирует именно эту динамическую модель, в которой счастье понимается как результат нравственного и эмоционального становления, а не как данность.

В отличие от стратегий, предполагающих переименование произведения или смещение акцента на отдельного героя, здесь сохраняется философская формула, предложенная Л.Н. Толстым. Это особенно важно с точки зрения аксиологического анализа. Заглавие функционирует как ценностный ориентир, относительно которого выстраивается интерпретация событий. Оно задаёт вопрос о том, что именно можно считать семейным счастьем и возможно ли его достижение в реальной жизни.

Теория заглавия и паратекста, разработанная Ж. Женеттом, позволяет рассмотреть сохранение названия в экранизации «Семейного счастья» в более широком теоретическом контексте. В работе Seuls (1987; рус. пер. Паратексты: пороги интерпретации) Ж. Женетт определяет паратекст как совокупность элементов, сопровождающих текст и направляющих его восприятие. Он включает заглавие, предисловия, эпиграфы, подзаголовки и прочие текстовые «пороги», через которые читатель вступает в произведение [Фрагмент перевода книги Ж. Женнета «Пороги» Н.С. Автономовой 2024 : электронный ресурс].

Сохранение заглавия в экранизации «Семейного счастья» демонстрирует, что режиссёр учитывает не только сюжетную линию, но и аксиологический и концептуальный контекст произведения. Заглавие функционирует как паратекстуальный маркер, который задаёт читательско-зрительское ожидание и поддерживает философскую направленность первоисточника.

Таким образом, анализ заглавий литературных произведений и их экранных версий показывает, что редукция или сохранение имени героя в названии оказывает значительное влияние на восприятие и интерпретацию текста. В случае с фильмом «Онегин» редукция заглавия ведёт к смещению акцентов с культурно-ценностного уровня на психологический, что меняет аксиологическую рамку и структуру образа героя. В фильме «Семейное счастье», напротив, сохранение заглавия позволяет сохранить исходную философскую и ценностную направленность произведения Л.Н. Толстого, фиксируя динамическую модель любви и семейного счастья.

Как видим, заглавие художественного произведения является не просто номинативным знаком, но активным элементом смыслообразования, который формирует систему восприятия текста, задаёт аксиологические ориентиры и взаимодействует с другими компонентами художественной структуры. В контексте адаптаций изменение заглавия может стать инструментом интерпретации, смещения акцентов и переосмысления образа героя, тогда как его сохранение поддерживает исходную концептуальную и ценностную рамку произведения. Анализ редукции и сохранения заглавий в кинематографических интерпретациях показывает, что имя и фамилия литературного персонажа – это не просто обозначение, но инструмент аксиологической и семантической работы текста. Заглавие формирует ожидания и интерпретационные рамки, а его модификация в адаптации отражает авторскую стратегию переработки смысла и акцентирования тех или иных аспектов произведения.

Библиографический список

1. Автономова Н. С. Фрагмент перевода книги Жерара Женетта «Пороги» и вступительная заметка переводчика // Шаги / Steps. 2024. Т. 10, № 4. С. 357–372. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fragment-perevoda-knigi-zherara-zhenetta-porogi-i-vstupitel'naya-zametka-perevodchika> (дата обращения: 13.02.2026).
2. Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // О языке художественной литературы. М., 1959. С. 23–31. URL: <https://artip.ru/book/base/B2528/B2528Part3-24.php> (дата обращения: 13.02.2026).
3. Загидуллина М. В. Рацион: в 3 томах. Челябинск: Энциклопедия, 2007–2008. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003412626/ (дата обращения: 13.02.2026).
4. Зотов А.М. Герой в зеркале имени // Литература в школе, 2004, №10.
5. Ковалев Г. Ф. Пушкин. Ономастический комментарий. Книга для учителя. Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. 278 с.
6. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 34 с. URL: https://imwerden.de/pdf/krzhizhanovskiy_poetika_zaglavuy_1931__ocr.pdf (дата обращения: 13.02.2026).
7. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. 479 с. URL: https://do.ssau.ru/moodle/pluginfile.php/325805/mod_folder/content/0/Лотман%20Статьи%20по%20семиотике.pdf (дата обращения: 13.02.2026).
8. Магазаник Э.Б. Эстафета имен и творческая преемственность в литературе. (Переключки: Онегин-Арбенин и Арбенин-Каренин) // Вопросы ономастики. 3. Самарканд, 1978 (Труды Самаркандского ун-та, вып.284). С. 117-124.
9. Онегин (2024) : смотреть онлайн фильм. // Kinokasut.online. URL: <https://kinokasut.online/69-onegin-02-11.html> (дата обращения: 13.02.2026).
10. Толстая, А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. // knigaonline.com. URL: <https://knigaonline.com/books/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/30976-aleksandra-tolstaya-otec-zhizn-lva-tolstogo.html>(дата обращения: 13.02.2026)
11. Семейное счастье (2025) фильм. // kion.ru. URL: <https://kion.ru/film/semejnoe-schaste?ysclid=mll4xws5nm212861502> (дата обращения: 13.02.2026). Россия, драма; реж. С. Толстая; год премьеры: 2025.
12. Скуридина С.А., Хрупин А.В. «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского: о специфике названия // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2 (25). С. 47-52.
13. Суперанская А. В. Словарь русских имён. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 448 с.
14. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Тынянов Ю. Н. Текст: электронный // djvu.online. URL: <https://djvu.online/file/89HgloyzRn8Qf?ysclid=mll76coiw4131989012> (дата обращения: 13.02.2026)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Королёва Алина Сергеевна
 магистрант 1 курса направления
 «Журналистика» Воронежского
 государственного технического университета,
 SPIN-код: 5617-9149,
 e-mail: mewithhoney@yandex.ru

Alina Sergeevna Koroleva
 first-year master's student
 in Journalism at Voronezh State Technical Uni-
 versity,
 SPIN: 5617-9149,
 email: mewithhoney@yandex.ru

ОНИМНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ONYM PERIPHERY

УДК 81'33

В.В. Катермина

*Кубанский государственный университет
(Краснодар, Российская Федерация)
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru*

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОНИМЫ-НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

В настоящей работе рассматриваются английские периферийные онимы-неологизмы (прагматонимы, геортонимы, лингвонимы), взятые из неографического электронного источника Cambridge Dictionaries Online Blog (New Words) за период 2019-2026 гг. Автором статьи отмечается, что важность изучения неологических периферийных онимов-неологизмов заключается в том, что они не только служат отражением языкового творчества, но и являются значимыми компонентами лингвокультурного контекста, выявляя особенности коллективного сознания и социокультурные тренды. В новой научной парадигме оним понимается не только как единица языка (лингвистический знак), но и как лингвокультурологический знак, как этнокультурное явление (этнокультурный текст), как структура знания. Анализ прагматонимов, геортонимов и лингвонимов в составе неологизмов англоязычного дискурса позволяет выявить аксиологические аспекты картины мира носителей языка, их культурные конструкты, интенции и социокультурные факторы. Периферийные онимы-неологизмы присутствуют в разных типах дискурса, таким образом раскрывая их значимость и место в системе англоязычного дискурса. Наблюдение за возникающими языковыми явлениями позволяет выстроить ряд социальных и прагматических факторов, характеризующих языковое сообщество определенного периода и дающих представление о наиболее динамично развивающихся сферах его существования.

Ключевые слова: оним, прагматоним, геортоним, лингвоним, неологизм, английский язык, дискурс, социокультурное явление.

V. V. Katermina

*Kuban State University
(Krasnodar, Russian Federation)
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru*

PERIPHERAL ONYMS-NEOLOGISMS AS A REFLECTION OF SOCIOCULTURAL PHENOMENA OF THE REALITY OF ENGLISH DISCOURSE

This paper examines English peripheral onyms-neologisms (pragmatonyms, geortonyms, linguonyms) taken from the Cambridge Dictionaries Online Blog (New Words) for the period 2019-2026. The author notes that the importance of studying peripheral onyms-neologisms lies in the fact that they not only serve as a reflection of linguistic creativity but are also significant components of the linguacultural context and reflect the characteristics of collective consciousness and sociocultural trends. In the new scientific paradigm the onym is understood not only as a unit of language (linguistic sign), but also as a linguacultural sign, as an ethnocultural phenomenon (ethnocultural text), and as a structure of knowledge. The analysis of pragmatonyms, geortonyms, and linguonyms within neologisms in English discourse allows us to identify axiological aspects of native speakers' worldviews, their cultural constructs, intentions, and sociocultural factors. Peripheral onyms-neologisms are present in various types of discourse thus revealing their significance and place within the system of English discourse. Observing emerging linguistic phenomena allows us to construct a series of social and pragmatic factors that characterize a language community of a given period and provide insight into the most dynamically developing areas of its existence.

Key words: onym, pragmatonym, geortonym, linguonym, neologism, the English language, discourse, sociocultural phenomenon.

Актуальное ономастическое пространство, которое является системой имен реальных и гипотетических объектов, определяется существующей в представлении этноса моделью мира. Как отмечала А.В. Суперанская, ономастическое пространство имеет различное наполнение у людей, принадлежащих к разным культурам, эпохам, территориям. Оно наполняется за счет обозначений предметов, относящихся в лексической системе языка к разным классам. Мир реальных объектов дополняет мир вещей фантастических и гипотетических, но принимаемых за реальные. Для каждой категории ономастической лексики проблема системности может решаться своим особым образом [цит. по: Крыжановская 2017 : 3].

Имя как оним является «неотъемлемой частью человеческой жизни и культуры. Оно несет в себе множество значений и символов, которые влияют на восприятие человека обществом и его собственное самосознание. Исследование роли имени в лингвокультуре позволяет лучше понять механизмы формирования идентичности, а также выявить взаимосвязи между языком, культурой и обществом» [Бугакова 2025 : 22].

В настоящее время идет «расширение сферы и пространства объектов номинации и усложнение способов этой номинации. Перестройка языковой картины мира и отчасти мировоззрения, ценностной ориентации и других факторов приводит к изменению прежде всего структуры ономастического пространства, с возрастанием действия новых доминант (внеидеологическая ценностная ориентация, актуализация неологизмов и т.д.)» [Донскова 2004 : 26].

Исследования периферийного раздела ономастики приходится на конец 1990-х гг. Современные исследования касаются проблем терминологического описания периферийных онимов, а также вопросов использования в именовании комплексных объектов элементов других языковых и внеязыковых систем.

В данной работе будут рассмотрены прагматонимы, геортонимы и лингвонимы, функционирующие в составе неологических единиц англоязычного дискурса, взятые из неографического электронного источника *Cambridge Dictionaries Online Blog (New Words)* методом сплошной выборки за период 2019–2026 гг.

Возникновение нового является сущностным свойством любой системы, следствием ее развития, движения вперед, неотъемлемым признаком и свидетельством ее жизнеспособности. Появление новых слов в системе языка любого народа – яркий пример данной тенденции и подтверждение двух главных принципов языковой системы – ее динамизма и открытости. Большое количество работ, посвященных изучению новообразований, подтверждают актуальность и востребованность данных знаний для современной науки (см. работы В.В. Катерминой, С.Х. Липириды, С.В. Агеева, Н.В. Антоненко, Е.А. Пушкарева; В.А. Голец и др).

Группа неологических **прагматонимов** представлена товарными знаками (trade mark – TM), относящихся к **гастрономическому дискурсу** (**Crotilla** – TRADEMARK *a brand name for a type of food that is shaped like a tortilla (a type of thin, round Mexican bread) but made of pastry layers like a croissant* [торговая марка для вида продуктов, имеющих форму тортильи (тонкого круглого мексиканского хлеба), но состоящих из слоев теста, как круассан]); **компьютерному дискурсу** (**Retina** – TRADEMARK *refers to a display method using a very high density of pixels* [ТОВАРНЫЙ ЗНАК обозначает способ отображения, использующий очень высокую плотность пикселей]); **досуговому дискурсу** (**AFOL** – *adult fan of Lego™: an adult who enjoys building models from Lego™* [взрослый поклонник Lego™: взрослый человек, которому нравится собирать модели из Lego™]).

Отдельно рассмотрим неологические единицы-прагматонимы, относящиеся к **спортивному дискурсу**: их количество многочисленно, и их семантика представлена разнообразными семами.

Так, например, **Aqua Zumba** – TRADEMARK *a form of the exercise Zumba that is done in water* представляет собой зумбу (**Zumba** – *a form of exercise that uses dance moves and Latin*

music – вид физических упражнений, включающий танцевальные движения и латиноамериканскую музыку), выполняемую в воде.

Музыкальное сопровождение присуще и Бокве – **Bokwa** – TRADEMARK *a form of group exercise based on a South African dance* (форма групповых упражнений, основанная на южно-африканском танце).

Уги – это вид упражнений, при котором для развития силы и стабильности корпуса используется мягкий гимнастический мяч (**Ugi** – TRADEMARK *a form of exercise in which a soft exercise ball is used to develop strength and core stability*), а основа табаты – это вид физических упражнений, при котором короткие периоды высокоинтенсивных нагрузок чередуются с короткими перерывами (**Tabata** – *a form of exercise which alternates short periods of high-intensity exercise with short rests*).

Йога представлена такими товарными знаками, как **Air Yoga** – TRADEMARK *a form of yoga in which poses are done while suspended in a type of sling* (форма йоги, при которой позы выполняются в подвешенном состоянии, подобном подвесной системе) и **Broga™** – *a type of yoga designed to appeal to men* (вид йоги, разработанный специально для мужчин).

Отдельно выделим названия корпораций, которые несут в своей семантике важные социально-культурные компоненты.

Так, например, прагматоним-неологизм **GAFa** включает в себя названия следующих корпораций – Google, Apple, Facebook, and Amazon. Как группа они обладают значительной властью и влиянием в современных делах (**GAFa** – *the corporations Google, Apple, Facebook, and Amazon viewed as a group, particularly one that wields significant power and influence in modern affairs*).

Распространение термина **GAFa** может быть связано с культурным недовольством, связанным с распределением власти в онлайн-мире.

Еще одним примером прагматонима-неологизма, обозначающего единство крупных компаний, может служить английское сокращение **MAANG** – *Meta, Apple, Amazon, Netflix, and Google: a way of referring to these companies as a single entity* (Meta, Apple, Amazon, Netflix и Google: способ обозначения этих компаний как единого целого). Работа в компаниях **MAANG** является престижной и требует прочной базы технических навыков – необходимы глубокие знания и опыт в данной области, а также способность привнести свежие идеи и инновационные решения (*Working at MAANG companies requires a strong foundation in technical skills. Whether you're applying for a software development role or an engineering position, having deep knowledge and experience in your field is crucial. Stay updated with the latest technologies and trends, as these companies often seek individuals who can bring fresh perspectives and innovative solutions* [pesto.tech, 9 February 2024]).

Анализ материала позволил выделить неологизмы-прагматонимы, образованные при помощи словосложения, где первым компонентом является название самой корпорации, а второй компонент раскрывает значение данной единицы.

Tesco tax – *a tax on large supermarkets* (Tesco – британская транснациональная корпорация, крупнейшая розничная сеть в Великобритании).

Ikea effect – *the tendency to like something more if you have built or created it yourself* (ИКЕА (ИКЕА) – основанная в Швеции нидерландская производственно-рознично-торговая группа, одна из крупнейших в мире торговых сетей по продаже мебели и товаров для дома).

Геортонимы представлены в нашем материале названиями следующих праздников: *Christmas* – *Рождество* и *St. Valentine's Day* – *День Святого Валентина*.

Рождество, будучи важным праздником, отражено в изучаемых неологизмах. В англоязычном неологическом дискурсе можно выделить следующие новые слова.

Twixmas – *the days between Christmas Day and New Year's Day* (период времени между Рождеством и Новым годом).

В массмедийном дискурсе обсуждаются проблемы, возникающие в период времени между этими двумя значимыми праздниками: время между Рождеством и Новым годом – это время путешествий. В этот период мир находится в движении: кто-то возвращается домой, кто-то, наоборот, едет в отпуск. Люди встречаются со старыми друзьями и надеются, что транспортные компании доставят их в целостности и сохранности.

Christmas creep – *the act of advertising and selling Christmas-related goods before the traditional start of the Christmas season* (акт рекламы и продажи рождественских товаров до традиционного начала рождественского сезона).

Анализ, проведенный газетой *The Guardian*, показывает, что ворчание в духе Гринча о том, что «Рождество с каждым годом наступает раньше», вполне оправдано. Данные крупных супермаркетов, местных новостных выпусков и британских чартов Top 40 подтверждают то, что общественность давно подозревала: медленное и неуклонное заполнение календаря рождественскими товарами, песнями и рекламой – явление, известное как «рождественское наступление» – действительно имеет место.

Thanksmas – *a celebration that takes place on a date between Thanksgiving and Christmas* (праздник, который отмечается в период между Днем благодарения и Рождеством).

Рождество – это прекрасный повод собраться всей семьей. В большой семье, расширенной за счет родственников со стороны супруга, вас могут ожидать многочисленные приглашения на День благодарения или Рождество. Вечеринка в честь Рождества – отличный способ увидеться с теми, с кем вы не сможете увидеться на День благодарения или Рождество

День Святого Валентина представлен такими неологизмами, как *Palentine's Day – a day, usually 13 February, when friends celebrate their relationship by exchanging gifts and cards in the same way that people in a romantic relationship do on Valentine's Day* [день, обычно 13 февраля, когда друзья отмечают свои отношения, обмениваясь подарками и открытками так же, как это делают люди в романтических отношениях в День святого Валентина.] и *Galentine's Day – celebrates gals and their besties – those friendships that have stood the test of time, through thick and thin, through boyfriends and husbands, through the good days and the bad. It's not about romance – it's about friendship* [в этот день поздравляют девушек и их лучших подруг – ту дружбу, которая выдержала испытание временем, и в радости, и в горе, и в радости, и в горе. Речь идёт не о романтике – речь идёт о дружбе].

Основная часть **лингвонимов** в нашем материале – бленд двух языков, вторым из которых является английский язык (*English*).

Поскольку английский язык занимает ведущие позиции в современном мире, не случайно появление новых сложносокращенных единиц – смешение английского языка с другими языками. Первым усеченным компонентом таких слов служит название конкретного языка, вторым, как правило, усечение -lish (от *English*): *Swedlish – a blend of Swedish and English*, *Russlish – a blend of Russian and English*, *Denglish – a blend of Deutsch and English*, *Frenglish – a blend of French and English*, *Japlish – a blend of Japanese and English*, *Spanglish – a blend of Spanish and English*, *Konlish – a blend of English and Korean*.

Отметим, что в некоторых случаях коннотация неологизма отрицательная: *Frenglish (Franglais) – French characterized by numerous borrowings from English; informal French containing a high proportion of words of English origin; French spoken or written with what is judged to be an excessive or indiscriminate admixture of English words* – французский язык, для которого характерно большое количество заимствований из английского языка; (разг.) французский язык с большим количеством слов английского происхождения; французский язык, на котором пишут и говорят и в котором наблюдается чрезмерное и беспорядочное количество английских слов.

Иной характер взаимодействия выявляется в лексемах *Spanglish* и *Yinglish*: в словарных дефинициях указывается, что это варианты разговорного английского языка, в которых со-

держатся заимствования из испанского и иврита. *Yinglish* – это разновидность английского языка еврейских эмигрантов, *Spanglish* – разновидностью английского языка испаноязычной части населения США, в частности американцев мексиканского происхождения. Данные языковые факты говорят о направленности и характере взаимодействия с помощью английского языка. С одной стороны, это направленность на внешний мир, как правило, характер влияния англоязычной культуры, посредником которой выступает язык, а с другой стороны, внутри общества осуществляется естественная диффузия языка самых многочисленных или влиятельных этнических групп [Голец 2015].

Таким образом, периферийные онимы-неологизмы выступают номинацией новых явлений в жизни англоязычного общества. Являясь частью гастрономического, досугового, компьютерного, спортивного видов дискурса, данные единицы указывают на свою важность для максимально эффективной коммуникации. Анализ прагматонимов, геортонимов и лингвонимов, входящих в состав неологических единиц англоязычного дискурса, способствует формированию представления об аксиологической составляющей картины мира носителей языка, культурных конструкторов, интенций и социокультурных факторов.

Библиографический список

1. Агеев С.В., Антоненко Н.В., Пушкарев Е.А. О когнитивно-прагматическом функционировании неологизма // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (2). С. 5–17.
2. Бугакова Н.Б. Имя в лингвокультуре // Ономастический вестник. 2025. № 3(3). С. 19–23.
3. Голец В.А. Неологизмы в современной англоязычной молодежной прессе (1990–2014 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 192 с.
4. Донскова Г.А. Сравнительно-сопоставительная характеристика динамики эргонимической номинации Нижнего Поволжья и Западного Казахстана: дис. ... канд. филол. наук. Уральск, 2004. 246 с.
5. Катермина В.В., Липириди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 230 с.
6. Крыжановская В.А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017. 241 с.
7. Куликова О.В. Социопрагматическая обусловленность современных тенденций развития английского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 08. С. 163–168.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Катермина Вероника Викторовна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета,
SPIN-код: 8749-9598,
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Katermina Veronika Viktorobna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Professor of the Department of English Philology,
Kuban State University,
SPIN-code: 8749-9598,
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

УДК 81

Е.Г. Галицына

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
e-mail: helen25-00@mail.ru*

**НАЗВАНИЯ ПОДОРОЖНИКА БОЛЬШОГО (PLANTAGO MAJOR L.)
В УДМУРТСКОМ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ**

**(Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № № 24-18-00148 «Этимологический словарь удмуртского языка (славянские, тюркские и среднеиранские заимствования)» (<https://rscf.ru/project/24-18-00148/>)*

В статье рассматриваются названия (фитонимы), относящиеся к подорожнику большому (*Plantago major* L.) в удмуртском языке в сопоставлении с тремя другими финно-пермскими языками: марийским и двумя мордовскими (эрзянским и мокшанским). Материал распределен на несколько групп в соответствии с признаками номинации, лежащими в основе фитонимов: место произрастания, выносливость растения, особенности поверхности, форма части растения, применение в народной медицине, пища для животных, размер. Внутри этих групп анализируются названия *Plantago major* из четырех названных языков; особое внимание уделяется мотивации и семантической структуре наименований. В исследовании используются описательный, контрастивный и ономаσιологический методы. Всего рассмотрено 58 фитонимов (27 удмуртских, 17 марийских и 14 мордовских). Сделаны выводы о распределении признаков номинации растения по языкам: во всех изученных языках встречаются наименования подорожника по месту произрастания, форме и применению в медицине, что может свидетельствовать о наибольшей заметности, важности данных особенностей для носителей языков. Совпадения внутренней формы некоторых фитонимов может объясняться универсальностью взгляда на растение у разных народов, а также языковыми контактами. Обращается внимание также на уникальные с точки зрения семантической структуры названия.

Ключевые слова: фитонимы, мотивация, сопоставительный анализ, удмуртский язык, марийский язык, мордовские языки.

E.G. Galitsyna

*Institute for History and Archaeology of the Ural Branch of RAS; Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)
e-mail: helen25-00@mail.ru*

**NAMES FOR GREATER PLANTAIN (PLANTAGO MAJOR L.) IN UDMURT AND
SOME OF THE OTHER FINNO-PERMIC LANGUAGES**

**(The research was conducted under the project supported by the Russian Science Foundation No. 24-18-00148 “An Udmurt Etymological Dictionary: Slavic, Turkic, and Middle Iranian Borrowings” (<https://rscf.ru/en/project/24-18-00148/>)*

This paper analyses names (phytonyms) that denote greater plantain (*Plantago major* L.) in Udmurt compared to three other Finno-Permic languages: Mari and two Mordvinic languages (Erzya and Morsha). The author divides the material into several groups depending on the nominative characteristics the plant names are based upon: place of growth, the hardness of the plant, surface features, form, usage in folk medicine, animal food, and size. Inside these groups, the author analyses the names for *Plantago major* in the four languages giving special attention to the names' motivation and semantic structure. The research employs the descriptive, contrastive, and onomasiological methods. The total number of the names considered is 58 (27 Udmurt, 17 Mari, and 14 Mordvinic). The author makes conclusions as to the distribution of the nominative characteristics between the languages. All the four languages name plantain according to its place of growth, form, and usage in medicine; this may indicate that these three features are most noticeable and important for the speakers. Some plant names possess the same inner form; possible explanations for this may be a universal view on the plant or linguistic contacts. Additionally, the author pays attention at plant names that are semantically unique.

Keywords: plant names, motivation, comparative analysis, Udmurt language, Mari language, Mordvinic languages.

В статье анализируются наименования подорожника большого (*Plantago major* L.) в удмуртском языке в сопоставлении с тремя другими финно-пермскими языками – марийским, эрзянским и мокшанским. Это широко распространенное и обыкновенное растение в ареалах использования всех перечисленных языков. К тому же подорожник обладает несколькими крайне заметными особенностями – определенным местом произрастания (на дорогах и в других исхоженных местах, где не выживают другие виды), лечебными свойствами, характерной формой и поверхностью листьев и соцветий. Вследствие этих факторов закономерно то, что подорожник занимает важное место в системе фитонимов разнообразных языков, в том числе финно-пермских.

Материал в статье представлен следующим образом. Изученные фитонимы распределены на группы в зависимости от выраженных в них признаков номинации. Всего этих групп 7; в группах 1 – 5 рассматриваются удмуртские фитонимы и сопоставляются с близкими по мотивации наименованиями из марийского, эрзянского и мокшанского (в группе 2 таких параллелей не обнаружено). В группах 6 и 7 описаны марийские, эрзянские и мокшанские фитонимы, для которых не обнаружено параллелей в удмуртском материале. В конце статьи представлены выводы относительно мотивации и семантической структуры наименований.

1. Место произрастания. Первые два удмуртских фитонима, которые мы рассмотрим, прямо указывают на обыкновенное место произрастания подорожника: *с'урэстурын* (букв. «дорога-трава») и *с'урэзкұар* (букв. «дорога-лист») [ДАУЯ 2014 : 109; Wichmann 1987 : 140; 269]. Авторы «Диалектологического атласа удмуртского языка», изучив распространение двух этих номинаций по диалектам, делают предположение об их заимствовании из рус. *подорожник* [ДАУЯ 2014 : 109]. Помимо этого, в удмуртском языке отмечается фитоним *подорожн'ик* [ДАУЯ 2014 : 108], заимствованный характер которого не вызывает сомнений.

Более «детально» место произрастания подорожника выражают наименования *с'урэздуртурын* (букв. «обочина (край) дороги-трава») и *с'урэздуркұар* (букв. «обочина (край) дороги-лист») [ДАУЯ 2014 : 109–110]. Тот же самый признак, но переносным способом, воплощает фитоним *т(а)рантасс'әс'ка* (букв. «тарантас-цветок»), в котором компонент *с'әс'ка* «цветок» имеет значение «трава с соцветиями, цветами» [ДАУЯ 2014 : 110]. В этом названии подорожник описывается как трава, растущая там, где ездят повозки, тарантасы – то есть на дорогах.

Еще одно удмуртское наименование подорожника, *гуждуртурым* (букв. «лужайка-трава»), может также относиться к гусиной лапке и горцу птичьему. Все эти растения встречаются на лужайках, то есть утопанных участках, по которым ходят люди и домашние животные [ДАУЯ 2014 : 110]. Поэтому фитоним мог быть как перенесен с одного из этих видов на другой, так и возникнуть в качестве обобщающего обозначения для трав с одинаковым местом произрастания.

1.1. Параллели в других языках. В остальных рассмотренных языках *Plantago major*, как и в удмуртском, именуется через его нахождение на дороге или около дороги. В марийском языке отмечены следующие фитонимы: *корнышудо* (букв. «дорога-трава», «дорожная трава») [БМРС], *корновоктенишудо* (букв. «трава около дороги») [Рубцова 2015 : 52], *корнытұришудо* (букв. «трава края дороги») [БМРС], *тарантасишудо* (букв. «тарантас-трава») [Рубцова 2015 : 52]. Очень похожие наименования встречаются и в мордовских языках: эрз. *ki lora* (букв. «дорога-лист») [Гребнева 1984 : 81], *ki langon' lora* (букв. «дорога поверхности лист», т. е. «лист поверхности дороги») [Гребнева 1984 : 85], *ki krajga kasic'a t'ikše* (букв. «по краю дороги растущая трава») [Гребнева 1984 : 232]; мокш. *kilangen' d'iše* (букв. «по дороге-трава») [Гребнева 1984 : 232], *ки ваны* (букв. «дороги сторож») [Гребнева 1984 : 232].

2. Выносливость растения. Среди удмуртских наименований подорожника заметна группа фитонимов, в которых заложено представление о нем как о выносливом, стойком растении. Это свойство соотносится с предыдущим признаком (подорожник встречается там, где не выживают другие растения), но в названиях из данной группы место произрастания все же не упоминается, поэтому рассмотрим их отдельно. Примечательно, что для этой группы наименований не найдено параллелей в других изученных финно-пермских языках.

Два удмуртских фитонима имеют буквальный перевод «крепкая, прочная трава»: *д'унтурьм* (*д'ун* 'крепкий, прочный, твердый, стойкий') [ДАУЯ 2014 : 111] и *юнтурын* (*юн* 'крепкий, прочный; твердый; упругий') [Соколов, Туганаев 1994 : 113; УРС 2008 : 814]. Еще два удмуртских наименования содержат компонент *батър* 'богатырь', который также указывает на стойкость, «сильный характер» подорожника: *батъртурьм* (букв. «богатырь-трава») и *батърс'эс'ка* (букв. «богатырь-цветок») [ДАУЯ 2014 : 111].

3. Особенности поверхности. Довольно много удмуртских наименований подорожника возникло из-за того, что весь его лист пронизан крупными выступающими прожилками. Кроме того, если надломить черенок листа, эти прожилки не ломаются вместе с ним, а свешиваются, как белые нити. Эта особенность порождает сравнения, например, с сосудами или жилами – *вирсэртурьм* (букв. «кровеносный сосуд-трава»), *вирсэркұар* (букв. «кровеносный сосуд-лист»), *сиңкұар* (букв. «жила (сухожилие)-лист») [ДАУЯ 2014 : 112].

3.1. Особенности поверхности и форма части растения. Фитоним *с'улэмтурьм* (букв. «сердце-трава») сочетает две черты листа подорожника – прожилки и округлую форму, которые породили сравнение с сердцем [ДАУЯ 2014 : 112].

3.2. Особенности поверхности листа и народный обычай. Как следует из рассказа информантов-носителей удмуртского языка, с листьями подорожника была связана следующая игра. Их определенным образом складывали и заворачивали, а затем прокусывали зубами; после этого на развернутом листе следы укуса и жилки образовывали узор, напоминающий вышивку или узоры. Вероятно, этот обычай (как и поверхность листьев растения) проявился в следующих фитонимах: *тужькұар* (букв. «узор (вышивка)-лист») [Соколов, Туганаев 1994 : 113; УРС 2008 : 553], *тужйацконкұар* (букв. «вышивание-лист»), *тужйацконтурын* (букв. «вышивание-трава») [ДАУЯ 2014 : 113–114], *чы'л'паңкұар*, *чы'л'пас'коңкұар* (букв. «плетение-лист»; компонент *чы'л'паң*, *чы'л'пас'коң* имеет значение 'плетение, создание кружев') [ДАУЯ 2014 : 114].

3.3. Параллели в других языках. В марийском фитониме *тўрлешудо* (букв. «вышивка / шитье-трава») [Рубцова 2015 : 52], вероятно, отражены те же два признака, что и в удм. *тужькұар* – узор на поверхности листьев и игра с их складыванием. Прожилки на листьях подорожника, вероятно, лежат в основе образа в мар. *шōншудо* (букв. «жила-трава») [Балдаев 2012 : 251].

4. Форма части растения. Подорожник имеет цилиндрические колосовидные соцветия [Губанов, 2004, 240], которые в целом ряде удмуртских фитонимов уподоблены мышьиному или крысиному хвосту. Таковы следующие названия: *шырбыж* (букв. «мышьиный хвост») [Соколов, Туганаев 1994 : 113; ДАУЯ 2014 : 111], *шырбышкұар* (букв. «мышьиный хвост-лист»), *кома'бъж*, *комакбыж* (букв. «крысиный хвост») [ДАУЯ 2014 : 111–112; Соколов, Туганаев 2014 : 113]. Согласно авторам «Диалектологического атласа удмуртского языка», фитоним *шырбыж* образовался из *шырбышкұар* в результате отпадения компонента *кұар* 'лист' [ДАУЯ 2014 : 112]. Интересен компонент *кома'*, *комак* 'крыса': это слово представляет собой заимствование из рус. *хомяк* [Wichmann 1987 : 120] (значение 'хомяк' сохранилось и в некоторых удмуртских диалектах) [УРС 2008 : 313]. Еще две номинации – *урьскұар* (букв. «плеть (кнут)-лист») [ДАУЯ 2014 : 112] и *урьс* («плетка») [Соколов, Туганаев 1994 : 113; УРС 2008 : 702] – мотивированы тем же признаком, формой соцветия, но выражен этот признак иначе.

4.1. Параллели в других языках. Среди марийского и мордовского материала найдено всего два фитонима, мотивация которых основана на форме соцветий подорожника: мар. *коляпoch* (букв. «мышьиный хвост») [Рубцова 2015 : 52] и эрз. *buka lokšo* (букв. «бык-кнут») [Гребнева 1984 : 232]. Намного более распространены наименования, основанные на широких и продолговатых листьях растения. Листья сравниваются с ухом животного (мар. *казатыльши* «козье ухо» [Рубцова 2015 : 52], *шорыкпыльши* «овечьё ухо» [Балдаев 2020 : 155]), с языком (мар. *йылмышудо* «язык-трава» [БМРС], эрз. *kiskan' gel' lora* «собачий язык-лист» [Гребнева 1984 : 81]) или с лапой (мар. *йолшудо* «лапа-трава» [Рубцова 2015 : 52], *коляйол* «мышьиная лапа» [Рубцова 2015 : 52], *комбычана* «гусиная лапка» [Рубцова 2015 : 52]). В двух марийских номинациях листья *Plantago* отождествляются с

маленьким стулом или табуреткой: *пүкенишудо* (букв. «стул / табурет-трава») [Балдаев 2020 : 155] и *коляпүкен* (букв. «мышинный стул / табурет») [Рубцова 2015 : 52].

5. Применение в народной медицине. Листья подорожника обладают противовоспалительным и ранозаживляющим действием [Пастушенков 2012 : 172], и это свойство повсеместно известно в народной медицине. Лечебное действие подорожника довольно часто проявляется в фитонимах: удм. *вирду'дътис'турьм* (букв. «останавливающая кровь трава»), *йарақуар* (букв. «рана (ссадина)-лист») [ДАУЯ 2014 : 112–113]. Тот же признак лежит в основе номинации *с'үнс'оңқуар* (букв. «высасывание-лист»): по словам информантов, дело в том, что лист подорожника высасывает гной из раны и помогает ее заживлению [ДАУЯ 2014 : 113]. Наименование *сыр-ккүар* заимствовано из татарского языка (тат. *сырхуат*), причем исходное слово имеет два значения: «1. кожная болезнь; 2. зверобой изящный (который лечит кожные болезни)» [ДАУЯ 2014 : 114]. Можно утверждать, что и этот фитоним мотивирован медицинским применением подорожника (татарское название из-за одинаковых свойств могло переноситься с одного растения на другое).

5.1. Параллели в других языках. В марийских, эрзянских и мокшанских фитонимах этой группы может упоминаться лечебное действие подорожника или называться болезнь, которую лечит растение (в найденных примерах – «чирей»). К первой разновидности номинаций относятся мар. *кушмышудо* (букв. «заживление / срастание-трава») [БМРС], эрз. *ver'in'bot'i lora* (букв. «крови-сосет-лист») [Гребнева 1984 : 232], мокш. *ver' šokši lora* (букв. «кровь сосет-трава») [Гребнева 1984 : 232]; ко второй разновидности – эрз. *c'ir'ij lora* «чирей-лист» [Гребнева 1984 : 232] и мокш. *korə lora* (букв. «тж.») [Гребнева 1984 : 233].

6. Пища для животных. Следующие два признака номинации отсутствуют в обнаруженных удмуртских фитонимах. С тем, что подорожник едят свиньи, связаны два мордовских фитонима – эрз., мокш. *туво нар* (букв. «свинья-трава») [Гребнева 1984 : 116] и эрз. *tuvin'z'ukir lora* (букв. «свиньи лепешка-лист») [Гребнева 1984 : 116]. Два наименования, вероятно, указывают на то, что семена подорожника клюют птицы: мар. *чывышудо* (букв. «куриная трава») [БМРС] и эрз. *partin' lora* (букв. «птицы лист») [Гребнева 1984 : 232].

7. Размер. К признаку размера отнесем марийский фитоним *лаптырашудо* (букв. «приземистая / маленькая / низкая трава») [Балдаев 2012 : 110]. Мотивацией здесь выступило то, что листья подорожника невысоко поднимаются от земли, пригибаются к земле.

В таблице ниже собраны все проанализированные в статье названия подорожника большого в буквальном переводе на русский, распределенные по признакам номинации.

Таблица 1. Мотивация и внутренняя форма финно-пермских названий подорожника большого

1. Место произрастания		
Удмуртский язык	Марийский язык	Мордовские языки (эрзянский и мокшанский)
«дорога-трава» «дорога-лист» <i>подорожн'ик</i> «обочина (край) дороги-трава» «обочина (край) дороги-лист» «тарантас-цветок» «лужайка-трава»	«дорога-трава» «трава края дороги» «тарантас-трава»	«дорога-лист» «лист поверхности дороги» «по краю дороги растущая трава» «по дороге-трава» «дороги сторож»

2. Выносливость растения		
Удмуртский язык	Марийский язык	Мордовские языки (эрзянский и мокшанский)
«крепкая, прочная трава» «богатырь-трава» «богатырь-цветок»	-	-
3. Особенности поверхности		
«кровеносный сосуд-трава» «кровеносный сосуд-лист» «жила (сухожилие)-лист» «сердце-трава» «узор (вышивка)-лист» «вышивание-лист» «вышивание-трава» «плетение-лист»	«вышивка / шитье-трава» «жила-трава»	-
4. Форма части растения		
«мышинный хвост» «мышинный хвост-лист» «крысиный хвост» «плеть (кнут)-лист» «плетка»	«мышинный хвост» «козье ухо» «овечье ухо» «язык-трава» «лапа-трава» «мышинная лапа» «гусинная лапка» «стул / табурет-трава» «мышинный стул / табурет»	«бык-кнут» «собачий язык-лист»
5. Применение в народной медицине		
«останавливающая кровь трава» «рана (ссадина)-лист» «высасывание-лист» «кожная болезнь-лист»	«заживление / срастание-трава»	«крови-сосет-лист» «кровь сосет-трава» «чирей-лист» (2 фитонима)
6. Пища для животных		
-	«куриная трава»	«свинья-трава» «свиньи лепешка-лист» «птицы лист»

7. Размер		
-	приземистая / маленькая / низкая трава»	-

Всего рассмотрено 58 фитонимов, из них 27 относятся к удмуртскому языку, 17 – к марийскому и 14 – к мордовским языкам (эрзянскому и мокшанскому). Анализируя мотивацию фитонимов, можно заметить, что наиболее «равномерно» между языками распределены признаки места произрастания, формы части растения и применения в народной медицине (в остальных 4 группах отсутствуют фитонимы в одном из языков). Отчасти причиной такого распределения может быть ограниченность материала исследования. Однако, несомненно, отмечается тенденция именовать подорожник преимущественно по названным трем признакам во всех четырех языках.

Относительно семантической структуры фитонимов намечается несколько тенденций. Во-первых, довольно много названий полностью или значительно совпадают по внутренней форме в разных языках («дорога-трава», «тарантас-трава», «мышинный хвост», «вышивка-трава»). Такие совпадения могут объясняться заметностью и универсальностью признака номинации (например, произрастание вдоль дорог), а также заимствованием (что требует отдельного изучения). Во-вторых, встречаются уникальные с точки зрения семантической структуры номинации, которые присутствуют лишь в одном языке: например, «дороги сторож» в мокшанском, «богатырь-трава» в удмуртском, «сердце-трава» в удмуртском, «мышинный табурет» в марийском.

Список сокращений

мар. – марийский
 мокш. – мокшанский
 рус. – русский
 удм. – удмуртский
 эрз. – эрзянский

Библиографический список

1. Балдаев Х. Ф. Марийско-русский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. 284 с.
2. Балдаев Х. Ф. Русско-марийский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола: «Марийское книжное изд-во», 2020. 239 с.
3. БМРС – Большой марийско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=37767> (дата обращения – 10.02.2026).
4. Гребнева А. М. Флористическая лексика мордовских языков: дис. ... канд. филол. наук. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 1984. 244 с.
5. Губанов И. А., Киселева, К. В., Новиков, В. С., Тихомиров, В. Н. Иллюстрированный определитель растений Средней России. В 3 т. Т. 3. Покрытосеменные (двудольные: раздельнолепестные). Москва: Т-во научных изданий КМК, Ин-т технологических исследований, 2004. 520 с.
6. ДАУЯ – Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Бусыгина Л. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Вып. IV. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. 280 с.

7. Пастушенков Л. В., Пастушенков А. Л., Пастушенков В. Л. Лекарственные растения. Использование в народной медицине и в быту. Санкт-Петербург: «БХВ-Петербург», 2012. 409 с.

8. Рубцова О. Г. Краткий четырехязычный словарь фитонимов (на материале латинского, русского, марийского и немецкого языков). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2015. 94 с.

9. Соколов С. В., Туганаев В. В. Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов. Ижевск: «Удмуртия», 1994. 144 с.

10. УРС – Удмуртско-русский словарь / сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанова. Ижевск: РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с.

11. Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 423 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Галицына Елена Георгиевна,

кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН;
доцент кафедры германской филологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

SPIN-код: 7430-3552

e-mail: helen25-00@mail.ru

Galitsyna Elena Georgievna

PhD (Philology)

Research Fellow, Institute for History and Archaeology of the Ural Branch of RAS;
Associate Professor, Chair of Germanic Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

SPIN-code: 7430-3552

e-mail: helen25-00@mail.ru

УДК 398.22

А.Н. Данилова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
(Якутск, Российская Федерация)
e-mail: danilova.aanchyk@yandex.ru*

ПАРАДИГМА СТРОПТИВЫХ ЭПИТЕТОВ В ИМЕНИ БОГАТЫРКИ В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО

Статья посвящена описанию парадигмы постоянных эпитетов, маркирующих строптивость в именовании женщины-богатырки в якутском героическом эпосе олонхо. Объектом анализа выступают устойчивые бинарные формулы с компонентами *кылаан* и *кыыдаан*, образующие единую номинативную модель «основа на -аан + суффикс -лаах». В работе впервые вводится понятие «строптивные эпитеты» как системное явление эпической поэтики. Рассматриваются структурные, семантические и функциональные особенности данной парадигмы; устанавливается связь между военной и охотничьей семантикой корней и характерологической функцией строптивности; выявляется роль рассматриваемых эпитетов в мотиве героического сватовства и испытания жениха. Материалом исследования послужили тексты олонхо о богатырках. Методология включает структурно-семантический, компонентный и контекстуальный анализ.

Ключевые слова: якутский героический эпос олонхо, имя, эпитет, парадигма, богатырка, строптивость, эпическая формула

A.N. Danilova

*Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North
(Yakutsk, Russian Federation)
e-mail: danilova.aanchyk@yandex.ru*

PARADIGM OF STRONG-MINDED EPITHETS IN THE NAME OF THE EPIC HEROINE IN YAKUT OLONKH

The article is devoted to the description of the paradigm of constant epithets that mark the obstinacy in the naming of a female heroine in the Yakut heroic epic olonkho. The object of analysis is the stable binary formulas with the components *kylaан* and *kyudaан*, which form a single nominative model "base on -aan + suffix -laakh." For the first time, the article introduces the concept of "obstinate epithets" as a systemic phenomenon of epic poetics. The article examines the structural, semantic, and functional features of this paradigm; establishes a connection between the military and hunting semantics of the roots and the characterological function of obstinacy; and identifies the role of the epithets under consideration in the motif of heroic matchmaking and the test of the groom. The research material includes olonkho texts about heroines. The methodology includes structural-semantic, component, and contextual analysis.

Keywords: Yakut heroic epic olonkho, name, epithet, paradigm, heroine, obstinacy, epic formula

Якутский героический эпос олонхо представляет собой уникальную эпическую систему, в которой антропонимические формулы выполняют определенную роль. В поэтике якутского героического эпоса олонхо имя персонажа представляет собой свернутую характеристику, эпическую программу, во многом предопределяющую сюжетную роль героя. Постоянные эпитеты, входящие в структуру имени, функционируют как оперативные единицы коллективного эпического сознания, актуализируемые устойчивыми формулами.

Особый интерес представляет изучение женских богатырских образов, которые, по наблюдению Н.В. Емельянова, «имеют более архаические черты, чем образы мужчин-богатырей, и восходят к бытовым отношениям эпохи матриархата» [Емельянов 1990:223]. Женские образы олонхо отличаются значительной вариативностью: от традиционных красавиц — пассивных предметов притязаний богатырей — до активных участниц событий: про-

рочиц, удаганок и богатырок. Именно образ женщины-богатырки представляет особый интерес для изучения эпической номинации. С одной стороны, она наследует черты архаического идеала женщины эпохи матриархата — свободолюбивой, могущественной воительницы. С другой стороны, ее именование аккумулирует семантику, уникальную для данного типа персонажа, не сводимую ни к мужским богатырским характеристикам, ни к идеализированным портретам кротких красавиц.

В существующей научной литературе образ женщины-богатырки исследован в аспектах ипостасей, включая оборотничество и зооморфные превращения, сюжетных функций, гендерной символики [Данилова 2014]. Однако парадигма постоянных эпитетов, маркирующих именно строптивость богатырки в структуре ее имени, до сих пор не рассматривалась как системное явление.

Цель работы – выявить и описать парадигму строптивых эпитетов с компонентами *кылаан* и *кыыдаан*, функционирующих в составе имени богатырки, установить их структурно-семантическое единство и характерологическую функцию.

В эпической поэтике олонхо традиционно выделяются постоянные эпитеты – устойчивые образные определения, закрепленные за определенными персонажами, предметами или локусами. Исследователи отмечают, что образ женщины в олонхо в какой-то мере индивидуализирован, однако эта индивидуализация проявляется не столько в психологических характеристиках, сколько в роли, которая ей досталась. Именование является первичным маркером такой роли.

В якутском героическом эпосе олонхо существует устойчивая и строго очерченная группа эпитетов, которые применяются исключительно к женщинам-богатыркам и никогда — к мужчинам-воинам. Эти эпитеты образуют особый антропонимический код, который можно назвать «парадигмой строптивности». В нее входят такие определения, как «*кылааннаах-өргөстөөх*», «*кылааннаах-уһуктаах*», «*кыыдааннаах*» и «*кыыдааннаах-куудааннаах*». Под строптивыми эпитетами мы предлагаем понимать группу устойчивых бинарных, реже моно-, номинативных формул, которые образованы по единой словообразовательной модели «корень на *-аан* + суффикс *-лаах*», содержат лексемы с семантикой остроты, вооруженности, конфликта, роковой предопределенности, входят в структуру имени женщины-богатырки или используются в качестве ее постоянной характеристики и выполняют характерологическую функцию маркирования строптивности как доминанты образа.

Предлагаемый термин позволяет, во-первых, объединить разрозненные эпитеты в единую парадигму в значении «замкнутая группа устойчивых формул, объединенных общностью морфемного состава, семантического поля и функции», во-вторых, выстроить типологическую оппозицию «строптивные эпитеты» – *кылааннаах*, *кыыдааннаах*.

Анализ эпических текстов позволяет выделить ядро парадигмы строптивых эпитетов, представленное следующими формулами. Первый эпитет – *кылааннаах-өргөстөөх*. Буквально это означает «имеющая кылаан», то есть острие, жало, копьё, и «өргөс» — высокий шест, коновязь, вертикаль. Эпитет фиксирует два семантических вектора: горизонтальный – вооруженность, способность наносить удар, и вертикальный – высоту, статусность, сакральную отмеченность.

Второй эпитет – *кылааннаах-уһуктаах*. Буквально: «имеющая острие и острый конец, наконечник». Это конструкция, усиливающая значение вооруженности, заостренности, готовности к обороне или нападению. Синонимический параллелизм характерен для эпической поэтики олонхо.

Третий эпитет – *кыыдааннаах-куудааннаах*. Буквально: «имеющая кыыдаан», то есть ссору, вражду, злой рок, злословие, и «куудаан» – спор, тяжбу, распрю. Формула маркирует конфликтогенность как свойство природы богатырки, ее предрасположенность к противостоянию, несовместимость с пассивной ролью невесты.

Четвертый эпитет – кыыдааннаах. Это краткая форма, функционирующая как автономный маркер строптивности: «имеющая вражду или рок».

Общие структурные признаки парадигмы таковы. Двучленность: большинство эпитетов имеет бинарную структуру *X-лаах* — *Y-лаах*, что характерно для ритмико-синтаксического параллелизма олонхо. Аффиксальное единообразие: формант *-лаах*, обозначающий обладание, является константным; он трансформирует абстрактные существительные в качественные характеристики персонажа. Фонетическое оформление: аллитерация на *-аан* создает внутреннюю рифму и усиливает формулу. Данная парадигма не является закрытой: в текстах могут фиксироваться индивидуальные вариации сказителей, что соответствует явлению авторских вариаций эпических концептов на периферии прототипа.

Для понимания характерологической функции строптивных эпитетов необходимо обратиться к семантике производящих основ. Лексема *кылаан* в якутском языке имеет значения: острое, жало, лезвие; копьё; переносно — нечто острое, колющее, ранящее. В структуре имени богатырки приобрел устойчивое переносное значение: «строптивная, норовистая, с характером, неукротимая». Дева-богатырка не терпит принуждения и не знает над собой власти. Слово *кыыдаан* многозначен и включает коннотации: ссора, вражда, распря; злой рок, несчастье, пагуба; злословие, наговор. «*Кыыдааннаах*» означает «грозная, неистовая, свирепая». В отличие от «*кылааннаах*», отсылающего к норову и характеру, «*кыыдааннаах*» описывает состояние боевой ярости, неукротимость в момент битвы. Усиленная форма «*кыыдааннаах-куудааннаах*» (грозная-неистовая, с клятвой-проклятием) закрепляет этот эпитет за образами северных богатырок, чья воинская мощь внушает ужас даже союзникам. Такое удвоение не тавтологично; оно служит гиперболизации качества: «в высшей степени конфликтная», «воплощенная распря».

Таким образом, все строптивные эпитеты объединены инвариантным значением – «характеризуемая признаками, связанными с агрессией, конфликтом, военной активностью». Однако эта агрессия не деструктивна, в отличие от демонических персонажей абаасы; она направлена на защиту – себя, рода, племени айыы. Строптивность богатырки – это оборонительная строптивность, что сближает ее с образом «богатыря в гневе» [Борисов 2022].

Строптивные эпитеты не являются пассивным украшением имени. Они выполняют ряд сюжетобразующих функций:

Первая функция – маркирование мотива отказа от брака или испытания жениха. В олонхо «Кыыдааннаах Кыыс Бухатыыр» героиня изначально позиционируется как невеста-воительница, согласие которой на брак не является данностью. Эпитеты кыыдааннаах-куудааннаах служат вербальным сигналом того, что сватовство будет сопряжено с преодолением препятствий, поединками, выполнением трудных задач. Строптивность – это вызов, адресованный потенциальному жениху.

Вторая функция – контраст с образом кроткой невесты. В олонхо женщины различаются не по индивидуальным свойствам, а по роли. Строптивные эпитеты являются дифференциальным признаком, отделяющим богатырку от традиционных красавиц, которые маркируются эпитетами «нежная», «ласковая», «прекрасная». В этом смысле парадигма строптивных эпитетов выполняет классифицирующую функцию внутри типологии женских персонажей.

Третья функция – символическая репрезентация магической неприступности. Богатырки обладают даром оборотничества; их истинная сущность часто скрыта под зоо- или орнитоморфным обликом. Эпитеты *кылааннаах-уһуктаах* могут интерпретироваться как номинативные корреляты этой защитной магии. Острота — не только физическая, но и магическая: богатырка непроницаема для врага, ее сущность заострена против посягательства.

Рассматриваемая парадигма органично вписывается в более широкий контекст эпической поэтики олонхо. Она демонстрирует формульный характер эпического языка. Эпические формулы, состоящие из ритмико-синтаксических параллелизмов, актуализируют когнитивные структуры в сознании сказителя и аудитории. Бинарные эпитеты кылааннаах-өргөстөөх,

кыыдааннаах-куудааннаах являются классическим образцом такого параллелизма. Тенденция к разъяснению каждой детали и многослойности свойственна и эпитетам богатырки: за каждым компонентом — кылаан, өргөс, ухук, кыыдаан, куудаан — стоит развернутый семантический комплекс, связанный с мифологическими представлениями, социальными институтами охоты, войны, сватовства, магическими практиками. Данные парадигмы никогда не применяются к мужчинам-богатырям и составляют исключительно женский антропонимический код. Возможно, эпитеты строптивости выступают как языковой реликт эпохи, когда женская неподвластность была нормой, а не исключением. Они сохранились в антропонимических формулах именно потому, что относятся к древнейшему слою эпической традиции.

Таким образом, эпитеты кылааннаах-өргөстөөх, кылааннаах-ухуктаах, кыыдааннаах-куудааннаах, кыыдааннаах образуют единую структурно-семантическую парадигму, основанную на общей словообразовательной модели с аффиксом -лаах и общим семантическим инварианте: вооруженность, конфликтогенность, роковая отмеченность. Данная парадигма выполняет характерологическую функцию маркирования строптивости как доминанты образа женщины-богатырки. Строптивные эпитеты противопоставлены кротким эпитетам невест-айыы и являются дифференциальным признаком в типологии женских персонажей олонхо. В сюжетно-композиционном плане строптивные эпитеты служат сигналом мотива героического сватовства с препятствиями, испытания жениха и магической неприступности героини. Предложенное понятие «парадигма строптивных эпитетов» позволяет системно описать фрагмент эпической номинативной системы олонхо и ввести в научный оборот материал, ранее не рассматривавшийся как целостное явление.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса анализируемых текстов за счет других локальных традиций олонхо, включая вилюйскую, таттинскую, северо-восточную, а также с привлечением материала эпоса тюрко-монгольских народов Сибири для выявления типологических сходжений в номинации женщины-богатырки.

Библиографический список

1. Борисов Ю.П. Репрезентация концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ в ранних текстах олонхо: прототип и варианты // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2022. № 2. С. 77–87.
2. Данилова А.Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Новосибирск: Наука, 2014. 166 с.
3. Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племен. М.: Наука, 1990. 208 с.
4. Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2005. 1382 с.
5. Павлова О.К., Акимова Н.Р. Вариативность женских персонажей в олонхо олекминской традиции // Вопросы национальных литератур. 2025. № 2. С. 65–72.
6. Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М.: Издательство АН СССР, 1962. 256 с.
7. Строптивный Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. Сказитель И.Г. Тимофеев-Теплоухов. Москва, Наука, 1985, 608 с.
8. Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. Дисс... канд.филол. наук. Якутск, 2000. 160 с.
9. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.
10. Якутские народные песни. Часть вторая: Песни о природе. Якутск: Книжное издательство, 1976. 232 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Данилова Анна Николаевна,
кандидат филологических наук, старший науч-
ный сотрудник отдела фольклористики и лите-
ратуроведения Института гуманитарных иссле-
дований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН;
г. Якутск, Российская Федерация;
SPIN-код: 9505-0339
e-mail: daniлова.aanchyk@yandex.ru

Danilova Anna Nikolaevna,
Cand. Sci. (Philology),
Senior Researcher of the Department
of Folklore and Literary Studies of the
Institute for Humanities Research and
Studies of the North, SB RAS;
Yakutsk, Russian Federation;
SPIN-code: 9505-0339
daniлова.aanchyk@yandex.ru

УДК 007:304:070

В.С. Смагина

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: valerijasssss@yandex.ru*

Е.О. Кузьминых

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: elshka-82@yandex.ru*

КРЕАТИВНЫЕ ТЕХНИКИ СОЗДАНИЯ ЗАГОЛОВКОВ ДЛЯ НОВОСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В настоящей статье рассматриваются креативные техники создания заголовков для новостных материалов. Автором исследуются современные подходы к формированию заголовков, способных привлечь внимание читателя в условиях информационной перегруженности. Особое внимание уделяется практическим приёмам, таким как использование интриги, цифровых данных, провокационных вопросов и эмоционально окрашенной лексики. Анализируется роль заголовка не только как информационного маркера, но и как ключевого инструмента вовлечения аудитории, влияющего на конверсию и распространение контента. Статья затрагивает вопросы баланса между креативностью, точностью и этичностью в строении заголовков, что особенно актуально для профессиональных медиа и авторских блогов. Рассматриваются психологические механизмы восприятия заголовков аудиторией и их роль в формировании первого впечатления о материале. Автор обращает внимание на необходимость учета целевой аудитории и контекста публикации при выборе креативных приемов. В заключительной части статьи представлен алгоритм работы над заголовком, включающий анализ темы, выбор коммуникативной стратегии и тестирование вариантов. Предложенные техники иллюстрированы конкретными примерами и могут быть применены журналистами, редакторами и контент-менеджерами для повышения эффективности новостных публикаций. Проведенный анализ демонстрирует прямую зависимость между качеством заголовка и уровнем читательского интереса к материалу.

Ключевые слова: креативные техники, заголовок, новостной материал, журналистика, аудитория, контент.

V.S. Smagina

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: valerijasssss@yandex.ru*

E.O. Kuzminykh

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: elshka-82@yandex.ru*

CREATIVE TECHNIQUES FOR CREATING NEWS HEADLINES

This article examines creative techniques for creating news headlines. The author explores modern approaches to developing headlines that can attract readers' attention in an environment of information overload. Particular attention is paid to practical techniques such as the use of intrigue, numerical data, provocative questions, and emotionally charged language. The role of the headline is analyzed not only as an informational marker but also as a key audience engagement tool, influencing the conversion and distribution of content. The article addresses the balance between creativity, accuracy, and ethics in headline construction, which is especially relevant for professional media and blogs. The author examines the psychological mechanisms by which audiences perceive headlines and their role in forming first impres-

sions of a piece of content. The author emphasizes the need to consider the target audience and the context of the publication when choosing creative techniques. The final section of the article presents a headline development algorithm, including topic analysis, selection of a communication strategy, and testing of variants. The proposed techniques are illustrated with specific examples and can be applied by journalists, editors, and content managers to improve the effectiveness of news publications. The analysis demonstrates a direct correlation between the quality of a headline and the level of reader interest in the material.

Key words: creative techniques, headline, news story, journalism, audience, content.

Современный информационный ландшафт представляет собой обширное и динамичное пространство, где каждую секунду рождаются и распространяются миллионы новостных сообщений. В этом непрерывном потоке внимание аудитории стало самым дефицитным и ценным ресурсом. Заголовок, будучи первым и зачастую единственным элементом материала, который видит потенциальный читатель, имеет важное значение для привлечения внимания потребителя информации. Он выполняет функцию фильтра, «витрины» и приглашения одновременно. От того, насколько успешно заголовок справляется с этими задачами, напрямую зависит судьба всего новостного материала: будет ли он прочитан, распространён, обсужден или же мгновенно потерян среди огромного массива цифровой информации.

Актуальность исследования креативных техник создания заголовков сегодня невозможно переоценить. Она обусловлена целым комплексом взаимосвязанных факторов. Прежде всего это феномен информационной перегруженности или инфошума. Пользователь осуществляет просмотр ленты новостей в социальной сети посредством непрерывного скроллинга. Он физически не способен вдумчиво проанализировать предложенный контент. Его выбор происходит за доли секунды на основе беглой оценки заголовка и сопровождающего изображения. В таких условиях стандартные шаблонные формулировки оказываются обречены на провал. Они лишены яркости и интриги.

Новости всё реже читаются на специализированных новостных порталах от начала до конца. Гораздо чаще они потребляются мозаично и со значительными перерывами во времени потребления. Это происходит в лентах агрегаторов, мессенджерах и социальных сетях, где заголовок зачастую существует сам по себе. Он сопровождается лишь кратким анонсом. Такой заголовок должен быть самодостаточным. Его задача – донести суть и вызвать реакцию, даже если пользователь не перейдёт к полному тексту. Таким образом, можно говорить о том, что в современном информационном пространстве заголовок трансформировался, став самостоятельной микроединицей контента. Теперь он несёт полную смысловую и эмоциональную нагрузку.

Существенное влияние на восприятие оказывает экономика внимания и метрики вовлечённости. Успех современных медиа измеряется конкретными показателями. К ним относятся количество кликов, время, проведённое на странице, число репостов и комментариев. Креативный цепляющий заголовок выступает ключевым двигателем роста данных метрик. Он напрямую влияет на конверсию, способствуя превращению случайного зрителя в читателя, а читателя в активного участника медийной экосистемы. В условиях жёсткой конкуренции умение создавать эффективные заголовки становится критически важным профессиональным навыком, необходимым для журналиста, редактора и контент менеджера. Примерами таких заголовков могут быть: «7 ошибок, которые сведут на нет любой ремонт», «Как эта женщина заработала миллион, не выходя из дома?» или «Эксперты назвали три продукта, которые опасно хранить в холодильнике».

Дополнительные требования накладывает развитие технологий. Алгоритмы поисковых систем и социальных сетей диктуют свои правила. Чтобы материал был увиден, его заголовок должен понравиться не только человеку. Он должен быть распознан алгоритмом как релевантный запросу пользователя. Заголовок также должен казаться достойным продвижения в ленте. Данный аспект порождает необходимость балансировать между креативностью и чёткой оптимизацией. Креативный подход к созданию заголовка включает эмоциональность и нестандартность, а оптимизация подразумевает использование ключевых слов и ясность

формулировок. Например, чисто креативный заголовок «Хватит выбрасывать деньги на ветер!» привлекает внимание, но может быть слабо связан с тематикой поисковых запросов.

Отдельного внимания заслуживает этический и профессиональный аспект в создании заголовков. Чрезмерное стремление к высокой кликабельности может привести к распространению вводящих в заблуждение формулировок. В таких случаях броский заголовок, рассчитанный на сенсацию, кардинально противоречит фактическому содержанию текста. Подобная практика наносит ущерб репутации издания и дискредитирует журналистскую профессию в целом.

Примеры подобных заголовков:

- Заголовок: «Учёные доказали: этот популярный напиток вызывает рак». В статье приводится исследование о потенциальном риске при употреблении вещества в крайне высоких дозах, не достижимых в обычной жизни. Заголовок создаёт необоснованную панику, искажая научные данные.

- Заголовок: «Звезда шоу-бизнеса X раскрыла шокирующую правду о коллегах». Материал содержит общие и нейтральные высказывания артиста о работе в коллективе без конкретных разоблачений. Заголовок формирует ожидание скандала, которого нет в тексте.

Заголовок является ключевым элементом новостного текста, выполняющим комплекс взаимосвязанных функций. В классической теории журналистики он традиционно рассматривался как краткое информативное обозначение темы материала, призванное точно отражать его суть [Базикян 2022 : 484]. Однако в условиях современной цифровой среды роль заголовка кардинально трансформировалась. Сегодня это не просто маркер содержания, а мощный инструмент коммуникации, маркетинга и управления вниманием аудитории. Как отмечает Л.В. Иванова, способность к дивергентному мышлению, то есть генерации множества нестандартных решений для одной задачи, становится фундаментальной компетенцией для журналиста, создающего контент в условиях высокой конкуренции [Иванова 2025 : 30]. Именно в заголовке эта креативность проявляется наиболее ярко и должна быть подчинена четкой стратегии.

Традиционные, или классические, принципы создания заголовков базируются на требованиях точности, ясности, краткости и информативности. Хороший заголовок, согласно этим канонам, должен давать читателю однозначный ответ на вопрос «О чём этот текст?». Он строится на ключевых фактах, именах собственных, цифрах и глаголах действия, избегая двусмысленности и оценочных суждений. Важнейшим правилом является соответствие заголовка содержанию материала: он не должен обещать того, чего нет в тексте, или искажать факты. Эти принципы остаются незыблемой основой профессиональной журналистской этики и необходимым условием для поддержания доверия аудитории к изданию. В работах, посвященных медиаэстетике, также подчеркивается, что даже в цифровую эпоху классическая ясность не противоречит креативности, а служит для нее надежным каркасом [Фёдоров 2020 : 132].

Однако экосистема социальных сетей, агрегаторов и мессенджеров породила спрос на нестандартные, эпатажные и вирусные форматы заголовков. Их главная цель - не просто проинформировать, а вызвать сильную эмоциональную реакцию (удивление, любопытство, возмущение, радость), которая спровоцирует клик, комментарий или репост. К таким креативным техникам можно отнести:

1. Использование интриги и незавершенности. Заголовок формулируется как вопрос или утверждение, намеренно не раскрывающее суть, например, «Он купил старый сарай за копейки. То, что он нашел внутри, изменило его жизнь» (подобные шаблонные заголовки характерны для развлекательных и мотивационных пабликов в социальных сетях, таких как «ЯПлакаль» или «Лайфхакер») или «Она оставила его у алтаря. Причина стала известна только 10 лет спустя» (истории в жанре True Story на платформах вроде Яндекс.Дзен).

2. Применение цифр и списков (listicles). Цифры структурируют информацию и создают ощущение конкретности и практической пользы, например, «7 признаков того, что ваш телефон прослушивают» (такой заголовок типичен для разделов «Безопасность» или «Лайфхаки» на крупных информационных порталах) или «5 ошибок в уходе за лицом, которые старят на 10 лет» (заголовок типичный для женских онлайн-изданий, например, «Cosmo.ru»)

3. Обращение напрямую к аудитории. Использование местоимений «вы», «ваш» создает эффект персонального обращения и повышает вовлеченность, например, «Ваш банк этого не сделает. Как вернуть комиссию за перевод» (данные заголовки активно используются в изданиях финансовой тематики, ориентированных на потребителя, например, «Банки.ру» или «Финансы просто») или «Вы тратите на электричество в 2 раза больше, чем нужно. Вот простая схема экономии» (проекты о бытовой экономии, такие как «Т—Ж»).

4. Провокация и эпатаж. Заголовок сознательно нарушает общепринятые нормы или высказывает спорное мнение, чтобы привлечь внимание, например, «Ученые заявили: кофе полезнее утренней зарядки» (такие спорные тезисы часто встречаются в околонучных или популярных изданиях, стремящихся к виральности) или «Вегетарианство - это новая секта: диетологи бьют тревогу» (провокационные статьи на платформах вроде Sports.ru или в авторских колонках).

5. Использование игры слов, иронии, аллюзий. Использование лингвокреативных приемов особенно характерно для паратекста Telegram-каналов и авторской журналистики. Помимо игры на многозначности («ЦБ взял курс на ужесточение. Для рубля это плохая новость?»), часто используется ирония и аллюзии на прецедентные тексты. Яркий пример – стиль заголовков обозревателя Андрея Колесникова в «Коммерсанте»: «Тихий Дон и шумный Донбасс» (аллюзия на название романа), «Однажды в Америке, или «Снова об индексе Доу-Джонса» (отсылка к названию фильма).

Парадоксально, но именно стремление к максимальной кликабельности породило одну из главных проблем: фейковость или ложную интригу заголовков, известную как «кликбейт», например, «Актер N шокировал поклонников своей смертью!» (статья о смерти его киногероя, типично для желтых пабликов «СтарХит») или «ШОК! Врачи нашли живого червя в банке с детским питанием!» (материал о единичном случае, гиперболизированный до массового явления, характерно для «желтых» сайтов, таких как «Пятый канал» в его сенсационных

выпусках). Такой подход является грубым нарушением профессиональной этики, подрывает доверие к СМИ и способствует распространению дезинформации.

Таким образом, искусство создания заголовков для новостных материалов эволюционировало от простой информативной функции к сложному синтезу журналистского мастерства, маркетинговой стратегии и психологии восприятия. Современный заголовок является мощным инструментом, который не только информирует, но и вовлекает, эмоционально заряжает и направляет внимание читателя в условиях тотальной информационной конкуренции. Успех в этой области достигается не через отказ от классических принципов ясности и точности, а через их творческое развитие и адаптацию к новым цифровым реалиям. Ключевым становится умение балансировать между необходимостью привлечь внимание с помощью интриги, цифр или провокации и фундаментальной обязанностью журналиста сохранять доверие аудитории, не допуская искажения фактов и манипуляций.

Перспективы дальнейшего развития строения заголовков будут связаны с углублением взаимодействия между человеческой креативностью и технологическими возможностями. Алгоритмы искусственного интеллекта, способные анализировать big data для прогнозирования вирального потенциала фраз, уже становятся помощниками редактора. Однако конечное решение, этическая оценка и тонкое чувство стиля, соответствующего конкретному изданию и его аудитории, останутся прерогативой человека. Будущее за гибридными моделя-

ми, где технология обрабатывает данные и предлагает варианты, а журналист осуществляет смысловой и нравственный выбор.

Библиографический список

1. Базикиян С.А. Студенческие медиапроекты в журналистском образовании // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. №. 5 (44). С. 484-489.
2. Дускаева Л.Р., Иванова Л.Ю. Лингвокреативность в создании паратекста телеграм-канала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. №. 1. С. 40-60.
3. Иванова Л.В. К вопросу о дивергентном мышлении как основе профессиональных компетенций студентов направления «Журналистика» // Челябинский гуманитарий. 2025. №. 3 (72). С. 28-38.
4. Фёдоров В.В. Креативные шаблоны в производстве интернет-новостей // Медиаэстетический компонент современной коммуникации. 2020. С. 124-152.
5. Шафир Т.В., Токарский Д.Е. Интеграция искусственного интеллекта в процессы создания медиаконтента // Вопросы медиабизнеса. 2025. №. 2. С. 71-81.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кузьминых Елена Олеговна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации,
Воронежский государственный техниче-
ский университет,
SPIN-код 77550-3566,
e-mail: elshka-82@yandex.ru

Kuzminykh Elena Olegovna,
Candidate of Philological Sciences, Asso-
ciate Professor, Associate Professor of the
Department of Russian Language and In-
tercultural Communication, Voronezh
State Technical University,
SPIN-код 77550-3566,
e-mail: elshka-82@yandex.ru

Смагина Валерия Сергеевна,
Магистрант 1 курса направления
«Журналистика»,
Воронежский государственный
технический университет
e-mail: smagina@cchgeu.ru

Smagina Valeria Sergeevna,
1st year Master's student in the field of
Journalism,
Voronezh State Technical University
e-mail: smagina@cchgeu.ru

ОНОМАСТИКА В ЛИЦАХ ONOMASTICS IN FACES

УДК 81

О.И. Яковлева

*Тюменский государственный университет
(Тюмень, Российская Федерация)
e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru*

Н.В. Кайзер-Данилова

*Тюменский государственный университет
(Тюмень, Российская Федерация)
e-mail: n.v.kajzer-danilova@utmn.ru*

ИССЛЕДОВАНИЯ АКАДЕМИКА Н.К. ФРОЛОВА В ОБЛАСТИ ПОЭТИЧЕСКОЙ АНТРОПОНИМИКИ

Мемориальная статья посвящена профессору Тюменского государственного университета Николаю Константиновичу Фролову. После биографической справки авторы статьи рассматривают некоторые труды ученого. Н.К. Фролов, исследуя тексты А.С. Пушкина, пришел к выводу, что А.С. Пушкин заимствовал личные имена своих вымышленных персонажей из русских народных сказок, лирических песен и народных былин. Писатель учитывал происхождение имени, его семантику, мог использовать одно имя в разных произведениях. Н.К. Фролов выделял коммуникативно-стилистическую функцию, функцию индивидуальной характеристики, а также подтекстовые функции. Все функции проиллюстрированы примерами из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Антропонимы художественных произведений М.А. Шолохова оказались находкой знаменитого филолога (исследовался состав, формулы, вариативность имен). До сих пор работы Н.К. Фролова по изучению шолоховских антропонимов актуальны. Авторы статьи предлагают ознакомиться с библиографией академика по изучению антропонимов в художественных текстах.

Ключевые слова: Николай Константинович Фролов, ономастика, поэтическая антропонимика, антропонимы, функции антропонимов, антропонимические модели, М.А. Шолохов, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой.

O.I. Yakovleva

*Tyumen State University
(Tyumen, Russian Federation)
e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru*

N.V. Kajzer-Danilova

*Tyumen State University
(Tyumen, Russian Federation)
e-mail: n.v.kajzer-danilova@utmn.ru*

RESEARCH BY ACADEMICIAN N.K. FROLOV IN THE FIELD OF POETIC ANTHROPONYMICS

The memorial article is dedicated to Professor Nikolai Konstantinovich Frolov of Tyumen State University. After a biographical reference, the authors of the article consider some of the scientist's works. N.K. Frolov, studying the texts of A.S. Pushkin, concluded that A.S. Pushkin borrowed the personal names of his fictional characters from Russian folk tales, lyrical songs, and folk epics. The writer considered the origin of the name, its semantics, and could use one name in different works. N.K. Frolov emphasized the communicative and stylistic function, the function of individual characteristics, as well as subtextual functions. All functions are illustrated with examples from Leo Tolstoy's novel

Anna Karenina. The anthroponyms of M.A. Sholokhov's works of art turned out to be a find of the famous philologist (the composition, formulas, and variability of names were studied). N.K. Frolov's work on the study of Sholokhov's anthroponyms is still relevant.

Key words: Nikolai Konstantinovich Frolov, onomastics, poetic anthroponymy, anthroponyms, functions of anthroponyms, anthroponymic models, M.A. Sholokhov, A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy.

Профессиональный путь Николая Константиновича Фролова (16.04.1938-11.06.2013) начался после окончания Воронежского университета. Молодой филолог был направлен учителем русского языка и литературы в среднюю школу. Отработав обязательные три года, Н.К. Фролов был приглашен преподавателем на кафедру русско-славянского и общего языкознания Воронежского университета (1967–1973). Новые перспективы перед Н.К. Фроловым открылись после его перехода в 1973 г. в недавно открывшийся Тюменский государственный университет. Центр научных интересов Н.К. Фролова переместился на Западную Сибирь. Воронежский филолог основал в городе Тюмени первую лингвистическую научную школу. Началось интенсивное изучение социоэтнических проблем взаимодействия русского, тюркских, самодийских и финно-угорских языков в Тюменском регионе. В 1980 г. Н.К. Фролов стоял у истоков создания самостоятельного филологического факультета ТюмГУ и стал первым его деканом (1980–1987). В 1985 г. был избран заведующим кафедрой общего языкознания, которой с успехом руководил более четверти века [Долгалева и др. 2012 : 6-7].

Научные труды ученого были посвящены различным направлениям лингвистики, в разработке многих вопросов ему принадлежит честь быть первооткрывателем, однако особое место в научной деятельности академика занимали ономастические проблемы. «Была создана лаборатория топонимики Тюменской области. Из года в год организовывались лингвистические экспедиции на юг и север региона. Создавалась уникальная картотека региональной ономастики, которая через десять лет упорной работы достигла невероятного объема — 40 тыс. названий» [Там же : 7]. Подтверждением того, что именно ономастика была центром научных интересов ученого являются два самых значимых научных труда Н.К. Фролова: кандидатская диссертация «Антропонимия Приворонежья XVII в.», посвященная истории становления антропонимической системы Приворонежья, малой родины Николая Константиновича [Фролов 1972], и докторская диссертация «Русская топонимия Тюменского Приобья», объектом исследования которой стала тюменская топонимия [Фролов 1990]. Кроме того, Н.К. Фролов – один из крупнейших специалистов в вопросах поэтической антропонимики, его научные идеи широко известны в России и за рубежом. Объектом научного внимания ученого стали имена собственные в произведениях А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.М. Шукшина, М.А. Шолохова и других русских писателей. В поле зрения филолога попали не только классические произведения русской литературы, но и региональная литература, фольклор, а также памятники древнерусской письменности.

В соавторстве с Николаем Константиновичем было написано множество статей, среди них встречаются работы и по литературной антропонимике. Например, в статье «Имена персонажей сказок и романтических поэмах А. С. Пушкина» [Пушникова, Фролов 1999], исследователи утверждали, что А.С. Пушкин заимствовал личные имена своих вымышленных персонажей из русских народных сказок, лирических песен и народных былин. *Салтан*, *Гвидон*, *Дадон* – эти имена находятся в книге лубочного издания «Сказка о славном и могучем богатыре Бове королевиче и прекрасной королевне Дружневне и о смерти отца его *Гвидона*». Там же встречаем *Чернавку*, имя которой писатель перенес на страницы своей сказки «О мертвой царевне и семи богатырях»: «*Чернавка* – это старо-русское языческое имя, получившее негативное нарицательное значение. Оно вообще часто встречается в сказках и былинах как личное имя горничной, прислуги, простолюдинки» [Там же : 233-234]. *Царевна Лебедь* была заимствована писателем из свадебных песен: «*Белая лебедушка* – очень характерный образ русских лирических песен, символ девушки-невесты» [Там же : 234]. Имя *Рус-*

лан (поэма «Руслан и Людмила») взято из былин про русского богатыря Еруслана Лазаревича: «Эпизод встречи Еруслана с богатырской головой А.С. Пушкин использовал в “Руслане и Людмиле”» [Там же]. Важно, что гений русской словесности заимствовал не только имя, но и художественный образ в целом: «У поэта ступа Бабы-Яги *«идет, бредет сама собой»*. То есть этот образ он воссоздает в полном соответствии с сюжетами народных сказок» [Там же].

Авторы статьи обратили внимание на происхождение имени персонажа. Так, *Баба-Яга* «пришла в мир славяно-русской сказки из далекого прошлого: во времена скифов-сарматов – это молодая воинственная всадница, наводившая страх в стране воинов-мужчин», а *Кощей* – это “тюркоязычный пленник”, “худой”, “тощий человек”, “ходячий скелет”» [Там же : 234-235]. В «Руслане и Людмиле» А.С. Пушкин использовал имена *Наина* и *Финн*. *Наина* схожа с *Бабой-Ягой*, а *Финн* – перевоплотившийся *Кощей*, ставший антиподом *Наины*. В «Сказке о попе и его работнике *Балде*» имя центрального персонажа вымышленное и «целиком вбирает в себя смысловую нагрузку омонимичного ему просторечного апеллятива <...> – *дылда*, *болван*, *балбес*, *долговязый* и *неуклюжий дурень* [Там же 1999 : 235].

Примечательно, что под одним и тем же именем в сказках могут действовать разные персонажи. Например, *Черномор* в поэме «Руслан и Людмила» - «коварный, злобный карлик-чародей, страшный волшебник, похищающий девиц», *Черномор* в «Сказке о царе Салтане» – «старый дядька тридцати трех богатырей, выходящих из моря, олицетворяющий силы добра, оборонного могущества» [Там же]. Такая номинация объясняется семантикой имени, происходит отсылка к Черному морю: «Пушкин тонко обыграл внутреннюю форму имени, соединив фольклорное представление о вождельном сказочном острове в теплом море с реальным Черным морем, но ничуть не нарушил условности сказочного мира, сумел лишь намекнуть о чем-либо, но не утверждать» [Там же 1999 : 236]. Имя карлика-чародея «не имеет отношения к слову море. Корень мор в нем соотносится с гнездом таких слов, как «смерть», «мор», «морить» и др. Черномор – символ зла, «черной смерти», хотя корень черн- здесь можно толковать метафорически – «злобный», «злонамеренный» [Там же].

По мнению исследователей, имена персонажей «охвачены простонародной стихией»: «Мы без труда можем угадать в пушкинском *Балде* персонажа из русской народной сказки – *Иванушку-Дурачка*, а в имени князя *Гвидона* – *Ивана-Царевича*» [Там же].

В начале 1990-х Николай Константинович обратил внимание на функции антропонимов в художественном тексте. Он заметил, что Л.Н. Толстой при написании романа «*Анна Каренина*» учитывал традицию именования персонажей в русской реалистической литературе. В статье «Мотивация функций антропонимов в романе Л.Н. Толстого “*Анна Каренина*”» [Фролов, Ячменева 1991] исследователи утверждали, что писатель, выбирая имена персонажей, опирался на «реальный именник, то есть на готовую формулу именований, континуум назывных слов-эталонов, способствующих созданию представления о социальном, национальном и ином положении именуемого лица в обществе» [Там же : 227-228]. Примерами стали имена героев романа: «Так, дворяне, аристократы и под. являются носителями трехсловной антропонимической модели: *Анна Аркадьевна Каренина*, *Михаил Станиславович Бриневич*. Наоборот, наименование крестьян и дворовых людей, как правило, состоит либо из личного имени, либо из отчества, семейного прозвания и реже из их двухсловных сочетаний. Личные имена лиц «низшего» сословия маркируются уничижительными суффиксами: *Матюха*, *Ванька*, в них невозможны модификации *Степан* – *Стива*» [Там же : 231]. Н.К. Фролов заметил, что Л.Н. Толстой использовал не только реально существовавшие антропонимические образцы, но и создавал «свои авторские имена».

Основной функцией поэтических антропонимов Н.К. Фролов считал «коммуникативно-стилистическую, реализующуюся в следующих разновидностях:

а) апеллятивной, репрезентирующей воздействие или призыв: “Нет, ты посиди, *Долленька*”; “Ты слышал, *Михайлыч*, об войне?”;

б) дейктической, указывающей, как и в нехудожественной речи, на одного из собесед-

ников в диалоге, а также обеспечивающей назывное отношение к одному из персонажей: “И то, что это я, *Костя Левин*, тот самый, который приехал на бал в черном галстуке”; “*Вронский* – это один из сыновей графа Кирилла Ивановича Вронского...”;

в) номинативно-экспрессивной, в своей потенции характеристической, выступающей в определенном контексте в роли основополагающей для индивидуализации и конкретизации главных персонажей произведения» [Там же : 229]. Здесь ученый указывает на ассоциации, которые вызывает звучание имени (хорошо – плохо), эмоциональное (нравится – не нравится) и экспрессивно-стилистические (официальное, фамильярное, разговорное, книжно-поэтическое) значения: “Вон *Парфен Денисыч* (просторечн.), даром что неграмотный был, а так помер, что дай бог всякому”, “А, *Костя* (фамильярн.)! – вдруг проговорил он, узнав брата...”» [Там же : 230]. «Экспрессивны антропонимические модификации типа *Анна – Аней, Дарья – Долли, Екатерина – Кити* и др.» [Там же].

Помимо коммуникативно-стилистической функции Н.К. Фролов выделил функцию индивидуальной характеристики и считал, что в художественных текстах она представлена в двух вариантах:

а) «непосредственной характеристики, отражающей смысловую связь с породившим имя собственное апеллятивом и раскрывающейся либо с помощью контекста, либо на основе ассоциативных отношений звучащего имени с его общеязыковой семантикой: «Ведь вот, – говорил *Катавасов*, по привычке, приобретенной на кафедре, растягивая свои слова, – какой был способный наш приятель. Здесь контекстуальное «толкование» антропонима может быть дополнено ассоциативным, если обратиться к фразеологизму «тянуть кота за хвост», то есть «говорить медленно, нарастяжку»;

б) косвенной характеристики, суть которой может быть познана в ходе этимологической или экстралингвистической интерпретации антропонима: *Константин* – от лат. «постоянный», «стойкий»; *Левин* – лев (Лев Николаевич, по воспоминаниям современников, связывал эту фамилию со своим именем, поскольку вкладывал в уста персонажа свои собственные жизненные позиции; *Каренин* – от греч. «каренон» (голова); видимо, фамилия *Алексея Александровича* подчеркивает рассудочность, толстовское представление о не сердечном человеке [Там же : 230-231].

Тюменский ученый был уверен, что через антропоним передается авторское отношение к персонажу. Связывая функции антропонимов с контекстом, он выделил подтекстовые функции и разделил имена персонажей на «имена с подтекстом» и «имена в подтексте»: «Подтекстовые функции антропонимов многообразны и опираются на внутрилингвистические их свойства. На первый взгляд, те или иные имена личные никак нельзя считать говорящими, тогда как в ходе «расшифровки» становится понятным выбор Л.Н. Толстым такого имени личного, которое бы соответствовало всему образу персонажа в произведении: *Кити – Катерина – Екатерина – Екатерина Александровна* (из греч. «благопристойная, чистая»), *Долли – Дарья – Дарья Александровна* – «верная Дарию, жена Дария». Связь имени с подтекстовой функцией не обязательно предполагает обыгрывание его происхождения, хотя нельзя отрицать стремление Л.Н. Толстого сблизить имя своего героя с именем реального прототипа или закодировать его нарицательный смысл» [Там же : 231-232].

Авторы статьи пришли к выводу, что «выделенные выше функции антропонимов служат своего рода критерием при оценке роли имен собственных личных в художественном тексте. В произведении они «работают» в органическом единстве» [Там же : 232].

Несколькими годами позднее, в 1994 году, вышла статья Н.К. Фролова «Функции антропонимов в художественном тексте» [Фролов 1994], в которой раскрывались дефиниции “художественный текст”, “антропоним” и его “функция”, а в качестве иллюстраций привлекался антропонимический материал, зафиксированный в произведениях устного народного творчества, а также классической литературы XVIII - середины XX вв.

В этой же статье впервые Н.К. Фролов направил свое научное внимание на антропони-

мию шолоховских произведений. Среди многих мастеров художественного слова Н.К. Фролов упоминал и М.А. Шолохова. Так, писатель, наделив главного героя романа «Поднятая целина» широко известными и, на первый взгляд, мало примечательными именем *Семен* и фамилией *Давыдов*, в соответствии с русской литературной традицией определил место и роль персонажа в повествовании. М.А. Шолохов создавал образ «героя коллективизации из рядовых питерских рабочих, фамильное имя которого, будучи наследственным наименованием», по мнению Н.К. Фролова, обнаруживает «ассоциативную, генетическую связь с юношей-пастухом Давидом, победившим Голиафа и ставшим иудейским царём» [Там же : 161].

В анализируемой работе роман «Тихий Дон» упоминается в следующем контексте: поэтические антропонимы призваны не только служить средством индивидуализации персонажей (*Мелехов Григорий*), но и выполнять функцию обобщения, типизации литературных героев (*Мелеховы*) [Там же : 162-163].

В статье «Национально-культурные стереотипы донской антропонимии в “Тихом Доне” М.А. Шолохова» [Фролов 2002] Николаем Константиновичем была предпринята попытка проникнуть в творческую мастерскую писателя посредством изучения формул именования персонажей романа. В результате Н.К. Фролов приходит к выводу, что Шолохов скрупулезен в создании антропонимического фона «Тихого Дона», имена персонажей «выписаны с исключительной детализацией, родословной, особым даром чувства меры в обозначении лиц по социальному и национальному признакам»: *священнослужитель отец Виссарион, кухарка Лукерья, подросток Дуняшка, пожилая казачка Ильинична, казачки Дроздыха и Чугуниха, молодой казак Мишка Кошевой, уважаемый казак старшего поколения Мелехов Пантелей Прокофьевич, генерал Корнилов Лавр Георгиевич* [Там же : 276].

В статье «Составная часть антропонимической энциклопедии донских казаков» [Фролов, Данилова 1999], написанной в научном «сотрудничестве» с Н.В. Кайзер-Даниловой, персонажи эпопей «Тихий Дон» (более 700) были распределены по четырем группам [Там же : 35]:

1. Исторические лица, упомянутые автором либо персонажами (*Керенский*).
2. Реальные исторические лица, являющиеся ведущими фигурами повествования (*Подтёлков*).
3. Вымышленные безымянные персонажи (австриец без винтовки).
4. Вымышленные поименованные персонажи (*Мелехов*), в именовании которых донское казачество предстало перед читателями «как малоизвестная, но значимая часть русского самосознания, как неизученный, но весомый компонент российской народной энциклопедии» [Там же: 34].

Наблюдения над антропонимической картиной, нарисованной М.А. Шолоховым, подтвердили знание писателем реального казачьего именника, традиций его именословия, антропонимии хутора Каргинского, прообраза хутора Татарского.

Сопоставив эволюцию русской антропонимии с системой имянаречения шолоховских персонажей, исследователи пришли к выводу, что в романе «Тихий Дон» художественно представлен «социальный, психологический и коммуникативный портрет донского казачества», а М.А. Шолохов может быть причислен к «энциклопедистам антропонимии донских казаков» [Там же : 38].

В еще одной совместной работе «Именовании детей, подростков, юношей и девушек в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» [Данилова, Фролов 2002] был рассмотрен количественно богатый антропонимический пласт, относящийся к лицам моложе восемнадцати лет. Состав и вариативность их имен отличаются разнообразием (*дитё Дарья, Танюшка, Мишатка, Грипка, Гришка, Сергея Платоновича дочка, Мишка Кошевых*), что подтверждает знание писателем жизненного уклада донских казаков первой трети XX столетия. Интересен тот факт, что знаток казачьего быта Шолохов крайне скупо использует наречение прозвищем

казачьей молодежи (*Гришка-левша*) несмотря на то, что в этой среде традиция иметь в детстве прозвищное имя стабильно реализуется в наши дни. Видимо, «речевая культура молодого писателя стояла на высоком нравственном уровне, который интеллектуально отражен в романе» [Там же : 59].

В написанной в соавторстве статье «Антропонимический мир «Тихого Дона» М.А. Шолохова» [Фролов, Данилова 2001] гениальное шолоховское произведение оценивалось в нескольких аспектах:

1. Степень объективности писателя в отражении традиций национального русского именословия.

2. Знание М.А. Шолоховым системы донской антропонимии.

3. Умение писателя наделять своих героев именами, соответствующими их половозрастной, национальной и социальной принадлежности.

В ходе наблюдений над шолоховской антропонимией авторы пришли к следующим выводам:

1) В классическом литературно-художественном тексте «Тихий Дон» нашли своё воплощение как система традиционного, реального русского именословия, так и художественная эволюция наименования персонажей [Там же: 63-64]. Детальное сопоставление антропонимов вымышленных персонажей и именованных их жизненных прототипов показало исключительную скрупулёзность Шолохова в подборе номинативного знака для каждого персонажа, стремление сохранить звуковые и смысловые связи между поэтонимом и его протонимом (*Марья* → *Дарья*, *Павел* → *Петро*).

2) Сопоставление именованных донских казаков в шолоховском произведении с документальными материалами и научными работами, содержащими информацию о реальных именованных жителях Подонья первой трети XX в., показало, что Шолохов прекрасно знал и мастерски следовал традициям реальной донской антропонимии. Кроме того, писатель сохранил реальные именованные казаков, жителей хутора Каргина, прототипа шолоховского хутора Татарского – *Турок*, *братья Шамили*, *поп Виссарион*, лишь изредка дополнив экспрессивными, бытовыми именами: *Аникей* → *Аникушка*, *Григорий* → *дед Гришака* [Там же: 64].

3) В исследуемом произведении собственное имя персонажа выступает как важное «семантико-стилистическое средство экспрессии, стиля мастера слова, оно служит специфическим средством создания художественного образа» [Там же: 62]. Шолохов социально тонко, функционально весомо и художественно значимо распределял номинативные нюансы, награждая именуемое лицо различными по составу антропонимическими формулами: «*Марришка* – подросток лет двенадцати», «конюх *Сашка*», «благочинный отец *Панкратий*», «*Лукешка Косая*», «милейший *Евгений Николаевич*», «*Листницкий Николай Алексеевич*». Следовательно, антропоним для М.А. Шолохова – это «средство, которое объективирует изображаемую в романе-эпосе жизнь донского казачества» [Там же : 68].

Совместная работа с научным руководителем над антропонимическим миром «Тихого Дона» переросла в самостоятельную работу исследователя Н.В. Кайзер-Даниловой, результатом которой стала диссертационная работа «Семантико-функциональная структура антропонимии в романе М.А. Шолохова “Тихий Дон”» [Данилова 2002].

Дело Н.К. Фролова живет и по сей день. По совету Николая Константиновича Н.В. Кайзер-Данилова продолжила работу над неисчерпаемым материалом: в соавторстве со студентками Е.Н. Лоскутовой, О.И. Яковлевой и Л.С. Бакиевой, коллегой Т.Н. Рацен были написаны статьи и подготовлены доклады на материале антропонимов «Донских рассказов», «Поднятой целины», «Судьбы человека», шолоховской публицистики. Е.Н. Лоскутова в 2016 году успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Суггестивное воздействие и лингвокультурологический потенциал поэтонимов (На материале произведений М.А. Шолохова)» [Лоскутова : 2016].

В научной деятельности О.И. Яковлевой, объектом которой служит онимия произведений М.А. Шолохова о Великой Отечественной войне, представлен синтез методологии двух ономастических научных школ – тюменской, базирующейся на идеях Н.К. Фролова, и воронежской, в рамках которой исследование литературной ономастики ведется Г.Ф. Ковалевым и его ученицей С.А. Скуридиной. О.И. Яковлева опирается на работу Н.К. Фролова «Судьба человека – имя и образ», в которой анализировались семантика и вариативность антропонимических единиц гениального рассказа «Судьба человека» М.А. Шолохова [Фролов 2005]. По мнению Н.К. Фролова, антропонимическая панорама рассказа позволяет читателю «сцементировать образ» главного персонажа и раскрыть идейные замыслы М.А. Шолохова. Так, личное имя *Андрей* (греч. ‘мужественный’) было дано писателем своему герою с учётом православных традиций как символическое обозначение мужества простого русского солдата, мужества всего русского народа [Там же: 183-184]. Наделив Соколова этим личным именем, писатель определил место своего героя в одном ряду с важными для русского человека персонажами: апостолом Андреем Первозванным, князем Андреем Боголюбским, иконописцем Андреем Рублёвым, персонажем «Войны и мира» Андреем Болконским [Там же: 183]. В свою очередь, этимология личного имени *Ирина* (греч. ”мир, покой”), которым писатель назвал любимую женщину Соколова, указывает интеллектуальному читателю на «шолоховский контраст двух стихий: мир-война, объединённых феноменом мужества одного из многомиллионных мучеников войны, героев поневоле» [Там же : 184].

В заключение представляем библиографический список всех работ Николая Константиновича Фролова по поэтической антропонимике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК РАБОТ Н.К. ФРОЛОВА ПО ИЗУЧЕНИЮ АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

А.С. Пушкин

Имена персонажей сказок и романтических поэм А.С. Пушкина / О.Ю. Пушникова, Н.К. Фролов // Славянские духовные традиции Сибири: материалы общероссийской научно-практической конференции. Тюменский государственный университет. Тюмень, 1999. С. 6-8.

Л.Н. Толстой «Анна Каренина»

1) Мотивация функций антропонимов в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» / Н.К. Фролов, Л.В. Ячменева // Слово и конструкция в художественном тексте: сборник научных трудов. Тюмень, 1991. С. 67-72.

2) Имена персонажей в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» / Н.К. Фролов // Теоретическая и историческая ономастика. Литературная ономастика: VI Украинская республиканская ономастическая конференция (г. Одесса, 4-6 дек. 1990 г.) / Институт языкознания им. А.А. Потебни АН УССР; Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова: тезисы докладов и сообщений. Одесса, 1990. Ч. 1. С. 81-83.

Сказы И.М. Ермакова

Антропонимия в сказах И.М. Ермакова / Н.К. Фролов // Ермаковские перезвоны: сборник статей преподавателей филфака ТюмГУ. Тюменский государственный университет. Тюмень, 1996. С. 159-162.

Е.И. Замятин «Уездное»

1. Антропонимия в повести Е. И. Замятина «Уездное» / Н.К. Фролов // Проблемы образования. Язык и литература в духовной структуре личности: материалы республиканской научно-практической конференции «Формирование духовной культуры личности в условиях Западно-Сибирского региона» (г. Тюмень, 24-27 марта 1997 г.). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 1997. С. 197-199.

2. Антропонимия в повести Е. И. Замятина «Уездное» / Н.К. Фролов // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы. Тамбовский государственный университет. Тамбов, 1997. Кн. 6. С. 25-35.

М.А. Шолохов «Тихий Дон»

1. Антропонимический мир «Тихого Дона» М.А. Шолохова / Н.К. Фролов, Н. В. Данилова // М.А. Шолохов в общественном сознании XX века: сборник научных статей и материалов. Сургут, 2001. С. 62-68.

2. Именования детей, подростков, юношей и девушек в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» / Н.К. Фролов, Н.В. Данилова // Ономастика Поволжья: тезисы докладов IX международной конференции. Волгоград, 2002. С. 56-59.

3. Национально-культурные стереотипы донской антропонимии в «Тихом Доне» М.А. Шолохова / Н.К. Фролов // Шолоховские чтения: сборник научных трудов. М., 2002. С. 274-276.

4. Систематизация антропонимии в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» / Н.К. Фролов // Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. Т. 1: Антропонимика. Русский язык и культура речи. С. 243-245.

5. Составная часть антропонимической энциклопедии донских казаков / Н.К. Фролов, Н.В. Данилова // Славянские духовные традиции Сибири: материалы общероссийской научно-практической конференции / Тюменский государственный университет. Тюмень, 1999. С. 34-38.

М.А. Шолохов «Судьба человека»

Фролов Н.К. Судьба человека – имя и образ // Шолоховские чтения: сборник научных трудов. Выпуск 5. М., 2005. С. 182-184.

Н.Н. Носов, С.Я. Маршак

Функции антропонимов в художественном тексте для детей (на материале произведений Н.Н. Носова, С.Я. Маршака) / Н.К. Фролов, Е.Л. Липихина // Изучение родного языка в полиэтнической Тюменской области: материалы областной научно-практической конференции «Межэтническая ситуация в Тюменской области и перспективы изучения родного языка». Тюмень, 2004. С. 84-93.

Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

Достоевский: имя и образ. Опыт интерпретации антропонимии романа «Братья Карамазовы» / Н.К. Фролов, Т.А. Бондаренко. Ишим: Издательство ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. 40 с.

В.М. Шукшин

Апеллятивная лексика как средство номинации персонажей в произведениях В.М. Шукшина / Н.К. Фролов, М.А. Созонова // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. История. Филология. С. 245-249.

А.С. Иванов «Тени исчезают в полдень»

Функции патронимов в романе А.С. Иванова «Тени исчезают в полдень» / М.В. Школьникова, Н.К. Фролов // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. История. Филология. С. 275-278.

«Повесть временных лет»

Контаминация неканонических и канонических личных имен эпохи Киевской Руси (на материале «Повести временных лет») / Н.К. Фролов, Н.Н. Меринова // Экология культуры и образования: Филология. Философия. История: сб. ст. Тюмень, 1997. С. 4-10.

Работы по изучению антропонимов в текстах русских классиков

1. Функции антропонимов в художественном тексте / Н.К. Фролов // Духовная культура Сибири: (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории): посвящ. 50-лет. Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 157-164.

В этой работе упоминаются русские народные сказки, персонажи из «Недоросля» Фонвизина, «Грозы» Островского, произведений Н.П. Сумарокова, «Евгения Онегина», А.С. Пушкина, «Войны и мира» Л.Н. Толстого, «Идиота» Ф.М. Достоевского, «Поднятой целины» М.А. Шолохова, «Жизни Клима Самгина» М. Горького, «Анны Карениной» Толстого. Обобщённо сказано о «говорящих» именах, прозвищах, фамилиях в текстах Гоголя, Герцена, Тургенева Гончарова, Некрасова, Островского, Толстого, Чехова, Горького и др. классиков. Упоминаются Маниловы, Обломы, Мелеховы (Гоголь «Мертвые души», Гончаров «Обломов», Шолохов «Тихий Дон»).

2. Функционирование антропонимов в художественном тексте / Н.К. Фролов // Принципы функционального описания языка: материалы Всероссийская научная конференция. Екатеринбург, 1994. С. 194-195.

3. О мотивации функций антропонимов в художественном тексте / Н.К. Фролов // VI Междунар. симп. «Крым и мировая литература»: [материалы] (г. Симферополь, 14-16 сент. 2007 г.). Симферополь: Таврический национальный университет, 2007. Ч. 8: I Крымские Международные Михайловские чтения. С. 105-111.

Библиографический список

1. Данилова Н.В. Семантико-функциональная структура антропонимии в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 248 с.

2. Данилова Н.В., Фролов Н.К. Именования детей, подростков, юношей и девушек в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» (тезисы) // Ономастика Поволжья: тезисы докл. IX Международ. конф. Волгоград, 9-12 сентября 2002 г. Волгоград: Перемена, 2002. С. 56-59.

3. Лоскутова Е.Н. Суггестивное воздействие и лингвокультурологический потенциал поэтонимов (На материале произведений М.А. Шолохова): специальность 10.02.19 Теория языка: дис. канд. филол. наук. М., 2016. 252 с.

4. Николай Константинович Фролов: библиографический указатель / сост.:

А. В. Долгалева, О. А. Володкина, Л. Г. Шумилова, С. А. Березина, И. И. Ермаков; отв. ред., авт. вступ. ст. и заключения А. Г. Еманов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 112 с.

5. Пушникова О.Ю., Н.К. Фролов Н.К. Имена персонажей сказок и романтических поэм А.С. Пушкина // Славянские духовные традиции Сибири: материалы общероссийской научно-практической конференции. Тюменский государственный университет. Тюмень, 1999. С. 6-8.

6. Фролов Н.К. Антропонимия Приворонежья XVII в.: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, гос. ун-т; науч. рук. М.В. Фёдорова. Воронеж, 1972. 157 с.

7. Фролов Н.К. Национально-культурные стереотипы донской антропонимии в «Тихом Доне» М.А. Шолохова // Шолоховские чтения: сб. науч. тр. Вып. 2. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2002. С. 274-276.

8. Фролов Н.К. Русская топонимия Тюменского Приобья.: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмен. гос. ун-т, 1990. 452 с.

9. Фролов Н.К. Судьба человека – имя и образ // Шолоховские чтения: сб. науч. тр. М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. С. 182-184.

10. Фролов Н.К. Функции антропонимов в художественном тексте // Духовная культура Сибири. Тюмень. 1994. С. 157-164.

11. Фролов Н.К., Данилова Н.В. Антропонимический мир «Тихого Дона» М.А. Шолохова // М.А. Шолохов в общественном сознании XX века: сб. науч. ст. и материалов. Сургут: Изд-во СГПИ, 2001. С. 62-68.

12. Фролов Н.К., Данилова Н.В. Составная часть антропонимической энциклопедии донских казаков // Славянские духовные традиции Сибири. Материалы общероссийской научно-практической конференции: культура и просвещение, философия и история, язык и литература. 23 мая 1999 г. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. С. 34-38.

13. Фролов Н.К., Ячменева Л.В. Мотивация функций антропонимов в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Слово и конструкция в художественном тексте: сборник научных трудов. Тюмень, 1991. С. 67-72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Яковлева Ольга Игоревна,
аспирант кафедры языкознания
и литературоведения
Института социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет,
SPIN-код: 5077-7989
e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru

Yakovleva Olga Igorevna,
postgraduate student of the Department of Linguistics and Literary Studies Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University,
SPIN-code: 5077-7989
e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru

Кайзер-Данилова Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и литературоведения
Института социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет,
SPIN-код: 2295-2012
e-mail: n.v.kajzer-danilova@utmn.ru

Kajzer-Danilova Natalya Viktorovna
PhD,
associate professor the Department of Linguistics and Literary Studies
Institute of Social Sciences and Humanities,
Tyumen State University,
SPIN-code: 2295-2012
e-mail: n.v.kajzer-danilova@utmn.ru

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Файл со статьей в формате .doc, .docx, .rtf должен быть назван Статья_ФИО

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный курсив, выравнивание по центру);
- 3) место работы автора, город, страну (шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив, выравнивание по центру);
- 4) название статьи (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (150–200 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) перевод пунктов 2-6 на английский язык;
- 8) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 9) библиографический список на русском языке (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);
- 10) сведения об авторе на русском и английском языках в виде таблицы: ФИО полностью - жирным шрифтом, степень, звание, должность, место работы, SPIN-код elibrary, e-mail (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в квадратные скобки, указывается фамилия автора работы или название издания (в случае коллектива авторов), год издания, после двоеточия приводятся номера страниц, например: [Иванов 1996 : 54–67], [Фольклор Русского Устья 1986 : 115], если издание многотомное, то ссылка оформляется следующим образом: [Достоевский 1975 : 3 : 4–6], где 3 – том издания.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ши-

рине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- 1) предмет, тему, цель работы;
- 2) метод или методологию проведения работы;
- 3) результаты работы;
- 4) область применения результатов;
- 5) выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 81

С.А. Скуридина

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

**МИКРОТОПОНИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора Ф.М. Достоевским микропонимов в романе «Братья Карамазовы». Автором статьи отмечается, что писатель использовал семантически маркированные онимы для обозначения топосов анализируемого произведения, что способствовало созданию особой атмосферы и глубины повествования. Включенные в аппеллятивно-онимное единство, имеющее автобиографический подтекст, микропонимы играют важную роль в формировании хронотопа произведения, способствуя, с одной стороны, возникновению у читателя ощущения достоверности происходящего, с другой – выводя повествование на символический уровень. (150-200 слов).

Ключевые слова: Достоевский, микропонимы, оним, хронотоп, «Братья Карамазовы» (5-10 слов).

S.A. Skuridina

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

**MICROTOPONYMS IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
«THE KARAMAZOV BROTHERS »**

Microtoponyms in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" This paper examines the features of F.M. Dostoevsky's choice of microtoponyms in the novel "The Brothers Karamazov". The author of the article notes that the writer used semantically labeled onyms to denote the toposes of the analyzed work, which contributed to the creation of a special atmosphere and depth of narration. Included in an appellative-onym unity with autobiographical overtones, microtoponyms play an important role in shaping the chronotope of a work, contributing, on the one hand, to the reader's feeling of authenticity of what is happening, on the other – bringing the narrative to a symbolic level. ..

Key words: Dostoevsky, microtoponyms, onym, chronotope, «The Brothers Karamazov».

По мнению основоположника Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [Ковалев 2014 : 5]. Под хронотопом вслед за М.М. Бахтиным понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975 : 234].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: «Наука», 1983. 191с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.,1975. 504 с.
3. Бессонова А.С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ре-

сурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (дата обращения - 18.12.2024).

4. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.

5. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3 (26). С. 10-22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного техническо-
го университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Научное издание

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 1 (5) 2026

Издается с 2025 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 31.03.2026. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 20,5. Усл. печ. л. 22,9. Тираж 25 экз. Заказ № 46.
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84